

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2024 – 2**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.4

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Умнова-Конюхова И.А. – гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН);
Алферова Е.В. – зам. гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Алешкова И.А.* –
канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук,
профессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Бурдина Е.В.* – д-р юрид. наук, до-
цент (Рос. гос. ун-т правосудия (РГУП)); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, про-
фессор (Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Гло-
тов С.А.* – д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН); *Грудцына Л.Ю.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. акад. интелл. собственности, РГАИС); *Егоро-
ва М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *Карцхия А.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. ун-т нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина);
Коданева С.И. – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Ин-т философии и права, юрид. ф-т Новосиб. гос. ун-та);
Красиков Д.В. – канд. юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Крысано-
ва Н.В.* – канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Лапаева В.В.* – д-р юрид. наук (ИГП
РАН); *Ловцов Д.А.* – д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(ИТМ и ВТ им. С.А. Лебедева; РГУП); *Лужина А.Н.* – канд. юрид. наук, доцент
(РГУП); *Манова Н.С.* – д-р юрид. наук, профессор (Сарат. гос. юрид. акад.);
Пудовочкин Ю.Е. – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Ку-
тафина (МГЮА)); *Толстых В.Л.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид.
ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Ястребова А.Ю.* – д-р юрид. наук, доцент
(Дипломат. акад. МИД России).

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.00

ISSN 2219-861X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80872 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА, БИОБЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Статьи

<i>Умнова-Конюхова И.А.</i> Экология человека, биоправо и право биобезопасности: межотраслевые и междисциплинарные взаимосвязи	7
<i>Захаров Т.В.</i> Предпосылки и условия сотрудничества государств в сфере биологической безопасности	26
<i>Карицхия А.А.</i> Правовые перспективы климатической повестки как основы биологической безопасности человека: российский и международный аспекты	37
<i>Коданева С.И.</i> Экология питания как основа биологической безопасности человека: правовые аспекты (на примере стран Тихоокеанского региона)	52
<i>Алешкова И.А.</i> Принципы биобезопасности и права человека: современные направления научных исследований	69
<i>Трофимов В.В., Вартанян С.Г.</i> Субъективное право граждан на биологическую безопасность: особенности правового регулирования и реализации	84
<i>Ядова М.А.</i> Ментальное здоровье и социально-трудовой потенциал молодежи в условиях пандемии COVID-19	98
<i>Красиков Д.В.</i> Репродуктивные права в практике международных органов по правам человека: кристаллизация различий в стандартах контроля (на примере доступа к абортam) ...	111
<i>Иванова А.П.</i> Применение искусственного интеллекта в здравоохранении: новая веха в развитии биоправа	126
<i>Филатова А.О., Левинзон В.С.</i> Формирование государственной информационной системы в области биологической безо-	

пасности в Российской Федерации и Казахстане: организационно-правовые вопросы	140
---	-----

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзоры научной литературы и рецензии

Публично-правовые науки

<i>Скурко Е.В.</i> Сущность, преобразования и будущее права	156
<i>Алферова Е.В.</i> Государственный суверенитет в информационном (цифровом) пространстве: доктринальные и законодательные подходы	171
<i>Скурко Е.В.</i> Рецензия на книгу: Верховенство права в киберпространстве / ред. К. Бланко де Мораис, Ж. Феррейра Мендес, Т. Вестинг	187
<i>Иванова А.П.</i> Рецензия на книгу: Бердон М. Сбор цифровых данных и закон о конфиденциальности информации	195

Частноправовые (цивилистические) науки

<i>Ульянов А.В.</i> О проблемах ограничения автономии воли в гражданском праве	205
<i>Крысанова Н.В.</i> Деликтные обязательства и ответственность как институт гражданского права	217

CONTENTS

ISSUE THEME HUMAN ECOLOGY, BIOSAFETY AND LAW

Article

<i>Umnova-Konyukhova I.A.</i> Human ecology, bio-law and biosafety law: interbranch and interdisciplinary interrelations.....	7
<i>Zakharov T.V.</i> Prerequisites and conditions for interstate cooperation in the field of biosecurity	26
<i>Kartskhiya A.A.</i> Legal perspectives of the climate agenda as the basis of human biological safety: Russian and international aspects	37
<i>Kodaneva S.I.</i> Nutrition ecology as the basis of human biological safety: legal aspects (on the example of the countries of the Pacific region)	52
<i>Aleshkova I.A.</i> Principles of biosafety and human rights: current research directions	69
<i>Trofimov V.V., Vartanyan S.G.</i> The subjective right of citizens to biological safety: features of legal regulation and implementation	84
<i>Yadova M.A.</i> Mental health and social and labour potential of youth in the context of the COVID-19 pandemic	98
<i>Krasikov D.V.</i> Reproductive rights in the practice of international human rights bodies: crystallizing differences of the standards of review (using the example of access to abortion)	111
<i>Ivanova A.P.</i> The use of artificial intelligence in healthcare: a new milestone in the development of medical law	126
<i>Filatova A.O., Levinson V.S.</i> Formation of the state information system in the field of biological safety in the Russian Federation and Kazakhstan: organizational and legal issues	140

NEW SCIENTIFIC LEGAL RESEARCH

Scientific literature reviews and book reviews

Public law sciences

<i>Skurko E.V.</i> Essence, transformations and future of law	156
<i>Alferova E.V.</i> State sovereignty in the information (digital) space: doctrinal and legislative approaches	171
<i>Skurko E.V.</i> Book review: The Rule of Law in Cyberspace / ed. Carlos Blanco de Morais, Gilmar Ferreira Mendes, Thomas Vesting	187
<i>Ivanova A.P.</i> Book review: Burdon M. Digital data collection and information privacy law	195

Private law (civil law) sciences

<i>Ulyanov A.V.</i> On the problems of limiting the autonomy of will in civil law.....	205
<i>Krysanova N.V.</i> Tort obligations and liability as an institution of civil law	217

ТЕМА НОМЕРА ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА, БИОБЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

СТАТЬИ

УДК 349.6; 504.75

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.01

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹ ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА, БИОПРАВО И ПРАВО БИОБЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖОТРАС- ЛЕВЫЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ²

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взаимосвязей концепции «экологии человека» с биоправом и одним из его правовых институтов – правом биобезопасности. Раскрывается содержание «экологии человека» как концепции и науки. Обращается внимание на то, что концепция «экологии человека» до сих пор не стала предметом глубокого анализа в отечественной правовой науке. Обосновывается необходимость реализации концепции экологии человека в биологическом праве во взаимосвязи с медицинским, экологическим и другими отраслями права. Выявляются приоритетные направления правового регулирования в биоправе, затрагивающие экологию человека.

Ключевые слова: экология человека; биоправо; право биобезопасности; медицинское право; биотехнологии; биотехнологи-

¹ Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права Юридического института РУДН.

² Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда <https://rscf.ru/project/23-28-000113/> (Тема: «Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и судебной защиты», № 23-28- 00113).

ческое право; экогуманизация; жизнь; здоровье; биологическая идентичность человека; биоэтика.

UMNOVA-KONYUKHOVA I.A. Human ecology, bio-law and biosafety law: interbranch and interdisciplinary interrelations

Abstract. The article is devoted to the consideration of the interrelationships of the concept of “human ecology” with biolaw and one of its legal institutions – the law of biosafety. The content of “human ecology” as a concept and science is revealed. Attention is drawn to the fact that the concept of “human ecology” has not yet become the subject of in-depth analysis in domestic legal science. The necessity to implement the concept of human ecology in biological law in conjunction with medical, environmental and other branches of law is substantiated. The priority directions of legal regulation in biolaw affecting human ecology are identified.

Keywords: human ecology; biolaw; biosafety law; medical law; biotechnology; biotechnological law; ecohumanization; health; human biological identity; bioethics.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А. Экология человека, биоправо и право биобезопасности: межотраслевые и междисциплинарные взаимосвязи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 7–25. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.01

Введение

В XXI столетии тема экологии человека приобрела базисное значение для развития отраслей права, правовых наук и юридических дисциплин. Вопросы защиты человека как биосоциального существа в условиях роста и дифференциации вызовов и угроз его жизни, здоровью и биологической идентичности определяют необходимость внедрения ключевых требований экологии человека в биоправо и право биобезопасности как одного из его важнейших правовых институтов. При этом важное значение имеет экогуманизация всех отраслей права, в той или иной мере относящихся к защите биологической природы и биологического благополучия человека. Для решения этой задачи предстоит сформировать соответствующий комплекс знаний, интенсивно развивать правовую

науку и внедрять специализированные образовательные курсы, посвященные правовым основам экологии человека, биоправу и праву биобезопасности в их системной взаимосвязи.

«Экология человека» как концепция, к сожалению, до сих пор не стала предметом глубокого анализа в отечественной правовой науке, хотя уже многие годы ее обоснование и развитие находится в центре внимания экологов, медиков, социологов и представителей других естественных и общественных наук. Уже несколько десятилетий медиками в содружестве с учеными других смежных отраслей науки издаются образовательные учебные курсы по экологии человека¹, выпускаются научные журналы с аналогичным названием², во многих странах созданы образовательные учреждения, специализирующиеся на подготовке кадров в области экологии человека³. Между тем отечественные правоведы не проявляют должной активности в этом направлении: до сих пор не предложено целостной концепции правовых основ экологии человека, не определены ее принципы, содержание и пути реализации в законодательстве и программно-стратегических документах. Очевидно, что разработка и внедрение этой концепции в действующее право должны осуществляться одновременно с развитием правовых доктрин биобезопасности и биоправа. Для решения этой задачи важное значение имеет внесение ясности в основные взаимосвязи концепции экологии человека с биоправом и ее ключевым

¹ См., напр.: Эдокова Г.И. Методическое пособие по экологии человека. – Горно-Алтайск, 1994. – 107 с.; Алексеев С.В. Экология. – Санкт Петербург, 2000. – 240 с.; Акимова Т.А., Хаскин В.В. Экология. Человек – Экономика – Биота – Среда. – Москва, 2001. – 566 с.; Прохоров Б.Б. Экология человека. – Москва, 2003. – 320 с.; Ильиных И.А. Экология человека : курс лекций. – Горно-Алтайск, 2005. – 136 с.; Симонова И.Н. Экология человека : учеб. пособие. – Пенза, 2014. – 108 с. и др.

² См., напр.: «Экология человека» (русский научный журнал; гл. ред. – А.М. Гржибовский, основан в 1994 г.); Human Ecology: An Interdisciplinary Journal (ежеквартальный научный журнал (гл. ред. – Дэниел Бейтс (Городской университет Нью-Йорк), основан в 1972 г.).

³ Например, широкая сеть колледжей по экологии человека создана в штатах США (Колледж экологии человека штата Нью-Йорк при Корнелском университете; Колледж экологии человека Атлантики; Колледж экологии человека при Государственном университете Нью Йорка и др.).

институтом – правом биобезопасности в межотраслевом, научном и междисциплинарном правовом измерениях.

Экология человека как концепция и наука. Концепция экологии человека возникла и сформировалась как ответ на запросы общества, обеспокоенного состоянием среды обитания и качеством здоровья людей. Впервые термин «экология человека» появился в 1921 г. в работе американских исследователей Р.Е. Парка и Э.В. Берджеса, которые использовали его в социологических исследованиях¹.

В чем же заключается необходимость использования понятия «экология человека», если в самом термине «экология», предложенном немецким биологом Э.Г. Геккелем, уже подразумевается связь окружающей среды с человеком и другими живыми существами, а также взаимодействие между ними? В экологии человека акцент переносится на самого человека, на его жизненные процессы и устойчивость биологических характеристик по отношению к тому, что называется внешними и внутренними факторами воздействия. При этом биологическая составляющая *homo sapiens* связана не только с природными условиями, окружающей природной средой, но и со средой обитания в целом, где помимо природы существует антропогенное и социальное воздействие на человека.

Среди антропогенного воздействия особо выделяются сегодня биотехнологическое и цифровое влияния на человека как на биологическое существо, которые способны нанести вред трем главным его биологическим благам и ценностям: жизни, здоровью и биологической идентичности. Именно защита этих биоблаг и составляет основную цель биоправа и права биобезопасности как института данной отрасли права.

В концепции экологии человека в широком смысле человек рассматривается не только как биологическое, но и как социальное существо. Цель концепции экологии человека в биосоциальном понимании – обеспечить общество соответствующей информацией, способствующей оптимизации жизненной среды человека и процессов, протекающих в самом человеке как биологическом и одновременно социальном существе, человеческом обществе и

¹ Цит. по: Ильиных И.А. Экология человека : курс лекций. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 37.

среде обитания человека и общества¹. Современные исследователи подчеркивают, что экология человека охватывает в социальном измерении такие факторы, как: численность отдельных общностей людей и всего человечества; возрастная и половая структуры общностей; уровень здоровья людей, который может быть выражен через среднюю продолжительность жизни, наиболее характерные болезни и распространенные причины смерти; специфику питания людей каждой эпохи, качество пищи, способы ее приготовления; тип трудовой деятельности, механизмы и орудия труда, источники энергии, используемые в хозяйстве и быту; систему расселения; культурные и гигиенические навыки². Можно выделить и другие факторы, обусловленные современными процессами научно-технологического прогресса и внедрения биоинженерии, нанотехнологий, цифровизации и прочих новых видов деятельности, влияющих на биологическое благополучие человека и способных даже изменить его биологическую природу.

Концепция экологии человека стала основой формирования одноименной науки. Как наука, экология человека изучает закономерности взаимодействия человека как биосоциального существа со сложным многокомпонентным окружающим миром, с динамичной, постоянно усложняющейся средой обитания, проблемы сохранения и укрепления здоровья³.

Изучение взаимодействия человека с окружающей средой невозможно без использования информации и методов исследования некоторых других наук о Земле – географии, геологии, геофизики, геохимии, климатологии, гидрологии и др.⁴ Но наибольшая связь экологии человека как науки прослеживается с биологией, медициной и экологией.

Биологические знания об особенностях биологической организации человека и взаимодействия человека с окружающей средой посредством тела позволяют обнаруживать источники нарушений в человеческом существе, предсказывать последствия действия различных факторов окружающей среды на организм и

¹ См.: Симонова И.Н. Экология человека : учеб. пособие. – Пенза, 2014. – С. 7.

² Там же. – С. 8–9.

³ Ильиных И.А. Указ. соч. – С. 12.

⁴ Там же. – С. 10.

исправлять нарушения, вызванные негативным влиянием на тело человека. Наряду с организмом в рамках экологии человека изучаются также популяционно-генетические характеристики, дающие представление об эволюционных механизмах адаптации биологических характеристик к генетическим изменениям. Исследователи считают, что в настоящее время формируется новое направление, связанное с экологией человека и биобезопасностью, – экологическая генетика¹.

Если попытаться выявить круг основных направлений научных исследований на стыке биологии, медицины и экологии, то очевидно, что в экологии человека используется информация по целому комплексу смежных знаний, например, по популяционной и экологической генетике, наследственным болезням и аномалиям у человека, экологической физиологии, иммунодефицитным состояниям, аллергологии, экологической и наркологической токсикологии, радиоэкологии, биокибернетике и другим сегментам, стремящимся к дальнейшей дифференциации.

Главным понятием экологии человека и, соответственно, объектом научных исследований является здоровье. По определению Всемирной организации здравоохранения, «здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» (преамбула к Уставу ВОЗ, 19 – 22 июня 1946 г.)². Здоровье человека подразумевает функциональное состояние его организма, обеспечивающее физическую и умственную работоспособность, хорошее самочувствие, способность воспроизводства здорового потомства и продолжительность жизни. В правовом контексте регулируется как здоровье конкретного человека, так и здоровье социальных общностей и групп (населения, трудового коллектива, определенных профессиональных и социальных категорий людей и пр.), а также человеческой популяции в целом.

Реализация концепции экологии человека в биологическом праве во взаимосвязи с медицинским правом и другими отраслями права. Экология человека является концептуальной

¹ См.: Ильиных И.А. Указ. соч. – С. 18.

² См.: Как ВОЗ определяет здоровье? – URL: <https://www.who.int/ru/about/frequently-asked-questions> (дата обращения 09.01.2024).

основой развития биоправа, которое в свою очередь функционирует в тесной взаимосвязи с другими отраслями права.

Содержательно наиболее тесное взаимодействие прослеживается между биоправом и медицинским правом. Однако современные исследователи отмечают, что пока связи биоправа с медицинским правом определены достаточно слабо¹. Само медицинское право еще только формируется как самостоятельная отрасль права. Оно отделилось от системы административного права и преимущественно определяет сегодня требования медицинской практики, связанные с образованием и профессиональной квалификацией. Такой вектор развития медицинского права дает основание полагать, что вопросы пределов применения биотехнологий в клинической деятельности скорее всего будут концентрироваться в биоправе и в значительной мере определяться в таком его правовом институте, как право биобезопасности.

Особенностью новой отрасли права – биоправа – является его стремительное эволюционное развитие под влиянием бинарного взаимодействия биологии и медицины. Как отмечает доктор юридических наук, профессор Афинского университета Такис Видалис, за последние десятилетия поразительный прогресс в науках о жизни предоставил огромную информацию о живой природе. Основываясь на этой информации и с помощью новых технологий, ученые исследуют способы манипулирования жизненными функциями в области медицинских технологий, касающихся трансплантаций, искусственного поддержания жизни или репродукции с медицинской помощью, применения методов обширной обработки генетических данных человека, геной инженерии, включая генную терапию у людей, и преднамеренного создания генетически модифицированных или трансгенных микроорганизмов. Необходимость практических решений важнейших проблем, возникающих в связи с развитием биологических практик, постепенно приводит к появлению новой отрасли права, определяемой в настоящее время как «биологическое право»².

¹ См.: Laws of Medicine. Core Legal Aspects for the Healthcare Professional / ed. Amirala S. Pasha. – 2022. – P. 7–8.

² См.: Vidalis T. The Emergence of Biolaw. The European Experience and the Evolutionary Approach. – 2022. – P. 3.

Т. Виталис полагает, что в Европе международное европейское право и законы государств должны играть решающую роль в формировании данного права. Он допускает при этом активность судов, с одной стороны, эволютивным путем меняющих содержание законодательства, а с другой – оперативно разрешающих острые юридические споры и дающих тем самым ориентиры законодателю. Например, значительный общественный интерес вызвали дела, касающиеся вопросов прекращения жизни (эвтаназии) и вспомогательной репродуктивной медицины. В итоге содержание действующего законодательства в области биомедицины в сфере медицинской ответственности основано преимущественно на прецедентном праве. По мнению Т. Виталиса, развитие и дальнейшая проработка этой области кажутся неизбежными, поскольку в судах появляются новые случаи врачебной халатности, связанные с использованием передовых технологий, особенно в США¹. Среди других стран, интенсивно продвигающих биотехнологии в сферу медицинских услуг и вовлекающих для разрешения споров суды, можно назвать Великобританию, Китай, Францию, Италию, Австрию, Германию, Канаду, Россию и ряд других стран.

Взаимосвязь биологического права с медицинским правом проявляется, во-первых, в необходимости обеспечения основных прав на жизнь, здоровье, биологическую неприкосновенность и биоидентичность (например, в области обработки генетических данных, в трансплантационной и репродуктивной медицине, при осуществлении генетического редактирования и других генных преобразований и пр.); во-вторых, в установлении ограничений на исследования и медицинскую практику для защиты человеческого достоинства и других его биосоциальных ценностей. С этой точки зрения принципы и нормы биологического и медицинского права тесно связаны с конституционным правом и, в особенности, – с институтом прав и свобод человека.

Значительный пласт смежных биомедицинских правил установлен в отношении деятельности научно-исследовательских и коммерческих организаций (университеты, научно-исследовательские институты, клиники, больницы и пр.), а также отдельных экс-

¹ См.: Vidalis T. The Emergence of Biolaw. The European Experience and the Evolutionary Approach. – 2022. – P. 3.

пертов и экспертных групп в государственном и в частном секторах в сфере трансплантологии и лечения бесплодия, создания и использования биобанков, репродуктивной медицины и т.д. В этом контексте биологическое право взаимосвязано не только с медицинским, но и с административным правом.

Весьма интенсивно биологическое право в связке с уголовным правом формирует межотраслевой институт биокриминологии. Растет число составов биопреступлений, за которые наступает уголовная ответственность за злоупотребление биотехнологиями. При этом нередко нарушаются принципы и нормы не только биоправа, но и биоэтики (аборты, искусственное воспроизводство, эвтаназия, ассистированное самоубийство, теневая трансплантация органов, нелегальное редактирование генов и др.).

В определенной мере принципы и нормы биологического права связаны с отраслями частного права. Речь идет о случаях, когда биотехнологические разработки коммерциализируются и начинают действовать гражданско-правовые отношения (врачебные, фармацевтические, пищевые, косметологические и пр. услуги), либо возникают проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью, с признанием биотехнологических заявок на патентные права.

Как отмечает Н.В. Кручинина, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), результаты биотехнологий широко внедряются в гражданский оборот: услуги по проведению добровольной государственной геномной регистрации и использованию геномной информации, по проведению медико-генетического консультирования и диагностики, по оказанию медицинской помощи с использованием геномной терапии и репродуктивных технологий. Вместе с тем возникают вопросы обеспечения контроля и ответственности за ненадлежащее качество оказанных услуг, защиты прав граждан при использовании биотехнологий¹.

¹ См.: Кручинина Н.В. Гражданско-правовая защита прав граждан при использовании биотехнологий XXIII // Цивилизация знаний: российские реалии : междунар. науч. конф. в Российском новом ун-те (РосНОУ). 8–29 апр. 2022 г. – 2022. – С. 49–50. – URL: elibrary49354829_36071603.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

Основным субъектом и бенефициарием биоправа выступает человек. Вместе с тем, с точки зрения экспертов, существует необходимость регулирования жизни нечеловеческих видов (микроорганизмов, растений и животных), которые традиционно считаются юридическими «объектами», имеющими относительную ценность и предназначенными главным образом для удовлетворения интересов и потребностей людей¹. На этой основе современные исследователи отстаивают эволюционный взгляд на биологическое право, то есть рассмотрение его в тесной связи с открытиями наук о жизни и с разработками в области искусственного интеллекта и робототехники. По их мнению, актуально признание субъектом права не только человека, но и других живых существ, а также человекоподобного искусственного интеллекта. Аргументация такой позиции основывается на двух соображениях. Во-первых, человеческая жизнь не может существовать без поддержки нечеловеческих организмов и ценность последних, по сути, является неотъемлемой частью самой человеческой ценности. Во-вторых, для закона важен не материал живых организмов (а именно их специфическая структура с наличием ДНК), а скорее функции, которые влияют на жизнь человека и потому подлежат регулированию². Исходя из этих соображений, рекомендуется обратить внимание на правовой статус некоторых нечеловеческих организмов и «интеллектуальных машин» в их взаимосвязи с экологией человека, что в итоге предполагает будущие существенные изменения в содержании биологического права и права биобезопасности.

Эволюция биоправа в этом направлении, как представляется, имеет серьезные ограничения, связанные с защитой биологического благополучия человека. При неконтролируемой эволюции принципов и норм биоправа в сторону расширения субъектов права может пострадать человек и его биобезопасность. Это произойдет в случае, если взаимодействие с ним нечеловеческих организмов и интеллектуальных машин создаст реальную угрозу жизни, здоровью и биологической идентичности человека.

Приоритетные направления правового регулирования в биоправе, затрагивающие экологию человека. Среди приори-

¹ См.: Vidalis T. Op. cit. – P. 11.

² Ibid.

тетных направлений правового регулирования в биоправе в контексте обусловленности его содержания концепцией экологии человека на первое место сегодня ставится задача *правового определения содержания такого понятия, как биотехнологии*.

Биотехнологии в целях производства продуктов, их модификации, улучшения характеристик или даже фальсификации могут использовать биологические системы создания новых продуктов и технологий¹. То есть, биотехнологии имеют широкий спектр применения – в медицине, биологии, фармацевтике, сельском хозяйстве, пищевой промышленности, охране окружающей среды и других сферах. Сам термин «биотехнология»² был впервые введен в обиход в 1919 г. венгерским инженером Карлом Эреки для описания применения технологии к живым организмам. Область биотехнологии значительно эволюционировала за последнее столетие с развитием новых технологий и методов, таких как редактирование генов и синтетическая биология, что позволяет ученым с ее помощью манипулировать живыми организмами и модифицировать их способами, которые ранее были невообразимы³. В связи с этим биотехнологическое право как институт биоправа следует рассматривать прежде всего как совокупность тех принципов и норм права, которые позволяют защитить человека, его жизнь, здоровье и биологическую идентичность от злоупотребления биотехнологиями.

Анализ правового регулирования и правоприменения дает основание говорить о начальной стадии развития биотехнологического права. В настоящее время суды формулируют правила квалификации фактов злоупотребления биотехнологиями, разрешают споры между теми, кто, используя биотехнологии, злоупотребляет ими и нарушает права человека, и теми, кто считает себя пострадавшими⁴.

¹ См.: Stasi A. *Biotechnology Law and Policy Emerging Legal Issues, Cases and Materials*. – 2023. – С. 1. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-99-2135-5> (дата обращения: 11.02.2024).

² Термин «биос» – жизнь, а «технология» – применение научных знаний в практических целях.

³ Stasi A. *Op. cit.* – С. 1.

⁴ См.: Regulation of Genome Editing in Human iPSC Cells. A Comparative Legal Analysis of National Regulatory Frameworks for iPSC-based Cell/Gene Therapies / eds. Hans-Georg Dederer, Gregor Frenken. – 2022. – 334 p.

По способам воздействия можно было бы выделить три основных направления правового регулирования в сфере биотехнологий: первое – поощрительное право, создающее условия для развития биотехнологической науки и биотехнологической деятельности в целях сохранения человеческой жизни, улучшения здоровья и неприкосновенности биологической идентичности; второе – запретительное право, которое путем запретов устанавливает ограничения в биотехнологиях для защиты человека, прав и свобод и других фундаментальных ценностей; третье – санкционное право, создающее систему санкций за биоуправления и выход за установленные биотехнологические правовые рамки.

К числу особо актуальных проблем правового регулирования биотехнологических исследований, затрагивающих экологию человека, относятся вопросы *установления четких правовых пределов проведению генетических разработок и генетических манипуляций с человеческим телом*. Правоведы обращают внимание на сложность анализа клинических исследований и методов лечения, которые порождают резонансные этические и юридические проблемы прав человека. В сложившихся условиях требуется интенсивное взаимодействие биологов и генетиков с юристами в поисках правового решения возникающих проблем в законодательстве и судебных актах¹.

В современной правовой науке хотя и допускается геномная терапия и геномные методы лечения наследственных заболеваний, но обращается внимание на необходимость систематизации правовых норм в законодательных актах, определяющих границы этой медицинской деятельности. Ученые подчеркивают, что нормативные рамки должны сегодня формироваться на универсальном международно-правовом и национальном законодательном уровнях, а не только в судах и в правительственных подзаконных актах, что является сегодня преимущественной правовой практикой². Особое внимание при использовании геномных технологий требует защита прав ребенка, в том числе обеспечение права на естественное

¹ См.: Regulation of Genome Editing in Human iPS Cells. Op. cit.

² Ibid. – P. 1–6.

биологическое происхождение, права знать своих биологических родителей и семейную (генетическую) историю¹.

В связи с ростом масштабов и характера патогенного воздействия на человека параллельное развитие в биоправе, праве биобезопасности и медицинском праве *получают гигиеническое и санитарно-эпидемиологическое направления правового регулирования*, в рамках которых решаются такие вопросы, как влияние факторов окружающей среды на здоровье человека, его работоспособность и продолжительность жизни, разрабатываются нормативы, требования и санитарные мероприятия, направленные на оздоровление населенных мест, условий жизни и деятельности людей. Экология человека как наука во взаимосвязи с правовой наукой призвана изыскивать пути правовой охраны здоровья человека от вредного влияния физических, химических и биологических факторов путем научно обоснованного гигиенического и санитарно-эпидемиологического нормирования содержания вредных веществ, вирусов, бактерий, грибов и других патогенов в окружающей среде.

Другое направление, которое должно быть в центре совместного внимания биологов, медиков и правоведов, – *биобанкинг биологического материала человека (БМЧ) и реализация принципа некоммерческого распоряжения человеческим телом и его частями* в контексте биобезопасности и биоэтики. Исследователи этой проблемы – польские ученые Джоанна Павликовска, доцент юридического факультета Белостокского университета, Якуб Павликовски, профессор кафедры гуманитарных наук и социальной медицины Люблинского медицинского университета, Дорота Крекора-Заяц, доцент кафедры сравнительного гражданского права факультета права и администрации Варшавского университета – отмечают, что запрет на коммерциализацию человеческого тела и его частей применяется непоследовательно и страдает от многих исключений на рынке биологических материалов человека². Примеры включа-

¹ См.: Богданова Е.Е., Малеина М.Н., Ксенофонтова Д.С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex Russica*. – 2020. – № 5. – С. 129–142.

² См.: Pawlikowska J., Pawlikowski J., Krekora-Zajac D. Biobanking of Human Biological Material and the Principle of Noncommercialisation of the Human Body and its Parts // *Bioethics*. – 2023. – N 37. – P. 154–164.

ют возможность патентования определенных продуктов, полученных из БМЧ, их коммерческого сбыта или оплаты за донорство крови. Текущая практика сбыта продуктов, полученных из БМЧ, делает альтруистичного донора наиболее уязвимым для эксплуатации, лишая при этом льгот. Польские ученые считают, что есть два способа улучшить такое положение дел. Первый – это последовательное применение запрета на коммерциализацию тела и его частей по отношению к продаваемым тканям и клеточным продуктам. Такой запрет направлен на защиту человека от эксплуатации и овеществления посредством обезличивания, коммодификации и маркетизации частей человеческого тела, так как такие действия могут нарушать целостность, достоинство и даже идентичность человека. Реализация полного запрета на коммерциализацию тела и его частей потребует установления правовых ограничений возможности получения финансовой выгоды, связанной с обработкой, распределением и продажей продуктов на основе БМЧ. К сожалению, такой подход правового регулирования не получил широкого признания и не имеет шансов на полное внедрение в ближайшем будущем.

Второй способ состоит в освобождении БМЧ от абсолютно-го запрета на коммерциализацию при определенных условиях и с четкими, прозрачными правовыми ограничениями¹. Данный способ как более реалистичный в современный период применяется в правовом регулировании многих государств. Точечные ограничения коммерциализации человеческого тела и его частей в виде ряда запретов являются этическим и правовым стандартом в демократических странах на протяжении нескольких десятилетий. Согласно такому подходу, нельзя получать прибыль от продажи, приобретения органов, тканей и клеток или посредничества в них. Этот подход присущ правовым традициям как континентального, так и общего права. Что касается закупки биологического материала для научных исследований, то она подразумевает необходимость альтруистического пожертвования биологического материала человека. В то же время сегодня биологический материал становится ценным сырьем для фармацевтической и биотехнологической промышленности, и функционирование этих секторов не

¹ См.: Pawlikowska J., Pawlikowski J., Krekora-Zajac D. Op. cit.

основано на альтруизме. В продаже появляется все больше лекарственных и фармацевтических препаратов на основе БМЧ. Эти продукты включают в себя послеоперационные, посмертные и диагностические материалы, а также донорские материалы, например пуповинная кровь и белки плазмы, собранные, обработанные и используемые как государственными, так и частными организациями.

Следует отметить, что коммерциализация деятельности, связанной с исследованием и использованием БМЧ, является не только правовой, но и духовно-нравственной проблемой. Религиозные и моральные границы воспринимаются более широко, чем правовой запрет на коммерциализацию человеческого тела и его частей.

Еще одно приоритетное направление правового регулирования в биоправе, затрагивающее экологию человека, – *репродуктивная медицина*, интерес к которой не угасает уже несколько десятилетий.

Среди отечественных ученых озабоченность вызывают правонарушения в этой области, которые зачастую происходят из-за несоблюдения установленных Министерством здравоохранения РФ правил, стандартов, протоколов, определяющих специальное образование и подготовку медиков, объем услуг, сроки и место их оказания¹. Е.Е. Богданова, профессор кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и Д.А. Белова, доцент кафедры гражданского права этого же университета, выделили несколько блоков проблем правового регулирования в сфере репродуктивной медицины: расширение круга субъектов права на применение вспомогательных репродуктивных технологий; правовая природа эмбриона *in vitro*; использование репрогенетических технологий, связанных с исследованиями генома эмбриона человека, а также коллизии нормативных правовых актов, регулирующих отноше-

¹ См.: Кручинина Н.В. Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека // *Lex Russica*. – 2019. – № 6 (151). – С. 48–51.

ния, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), и неопределенность категориального аппарата¹.

Актуальной сферой правового регулирования использования биологического материала человека во вспомогательных репродуктивных технологиях является донорство. В странах по-разному регулируются условия участия в этой процедуре, в частности то, требуется ли, чтобы у донора уже был ребенок². В то время, как донорская сперма для ЭКО и внутриматочного оплодотворения разрешена практически во всех европейских странах, донорство яйцеклеток запрещено в Германии, Норвегии, Швейцарии и Турции³.

Отечественные ученые отмечают, что в российском законодательстве, к сожалению, не проработаны механизмы защиты прав женщин-доноров. Методы ВРТ в целом применяются в России уже давно, однако специального закона, регулирующего эту сферу, пока нет. Общие вопросы ВРТ в Российской Федерации урегулированы в ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В ст. 55 этого Закона определено, кто имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства, что понимается под суррогатным материнством, кто может быть суррогатной матерью, основные права и обязанности потенциальных родителей.

В некоторых странах приняты специальные подробные законы о ВТР. Например, в Великобритании еще в 1990 г. был издан Акт об искусственном оплодотворении и эмбриологии⁴. В нем не только закрепляются общие положения о ВРТ, но и определяется множество условий и ограничений их применения с медицинской, личностной (уважение достоинства человека) и семейно-правовой

¹ См.: Богданова Е.Е., Белова Д.А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования : монография. – Москва, 2021. – С. 14.

² Там же.

³ См.: Кручинина Н.В. Указ соч. – С. 53.

⁴ См.: Human Fertilisation and Embryology Act 1990 // UK Legislation. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37/contents> (дата обращения: 11.01.2022).

(принцип уважения семейной жизни) точек зрения. Данный Акт устанавливает порядок медицинского осмотра доноров и генетического тестирования клеток, полученных от них, устанавливает запрет на коммерческое суррогатное материнство и использование яйцеклеток, закрепляет случаи исключения из принципа анонимности доноров клеток. В частности, по данному Акту ребенок имеет право на получение информации о биологическом родителе и на встречу с ним, от которой тот не имеет права отказаться.

Специальным законом вопросы ВРТ урегулированы в Испании, Канаде, Греции, Израиле, Бельгии, Германии¹. Наиболее строгие ограничения вспомогательных репродуктивных технологий приняты в Законе Германии 1990 г. «О защите человеческого эмбриона» («Gesetz zum Schutz von Embryonen»). В нем прямо запрещены некоторые виды ВРТ – перенос генетически чужеродных эмбрионов, донация ооцитов и суррогатное материнство. Помимо этого, установлен запрет на исследования человеческих эмбрионов, отбор по полу, искусственную модификацию половых клеток, значительно ограничены случаи их криоконсервации².

На постсоветском пространстве законы о ВРТ приняты: в Беларуси – Закон от 07.01.2012 № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях»; Кыргызстане – Закон от 04.07.2015 № 148 «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации»; Таджикистане – Закон 02.12.2002 № 72 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах»; Молдове – Закон от 24.05. 2001 № 185-XV «Об охране репродуктивного здоровья и планировании семьи»; Армении – Закон от 26.12.2002 № ЗР-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека». В Казахстане Кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения почти полностью включил в себя положения Закона РК от 16.06.2004 № 565-2 «О репродуктивных правах граждан и гаранти-

¹ См.: Свитнев К.Н. Основные тенденции в изменении международного законодательства, касающегося правового регулирования ВРТ // Современное право. – 2019. – № 2. – С. 106–113.

² См.: Понкин И.В., Понкина А.А. Особенности этико-правового и институционального регулирования биотехнологий во Франции, Италии, Германии и Австрии // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 4. – С. 158–169.

ях их осуществления»¹. В названных законах определяются действия и процедуры, которые запрещены законом, например, покупка гамет, использование репродуктивных материалов без согласия, получение гамет от несовершеннолетних, получение платы за суррогатное материнство, запрещено платное рекламирование суррогатного материнства, платные посреднические услуги, создание химер (когда в человеческий эмбрион, введена клетка нечеловеческой формы жизни), торговля репродуктивными возможностями женщин и мужчин, создание клона человека, выбор пола ребенка и т.д. В них также определяется юридическая ответственность за нарушения установленных запретов.

Заключение

Таким образом, «экология человека» как концепция заслуживает более пристального внимания со стороны правовой науки. Современное правовое регулирование биологического благополучия человека подразумевает комплексный охват взаимосвязей в различных сферах человеческой жизнедеятельности, предопределяемых данной концепцией. Влияние экологии человека на биоправо и на его правовой институт – право биобезопасности – происходит в условиях их тесного взаимодействия с другими отраслями права, что свидетельствует об экогуманизации современного права в целом. Аналогичным образом выстраивается научное и междисциплинарное развитие биоправа и права биобезопасности.

Наиболее тесное взаимодействие наблюдается между биоправом и медицинским правом. Их бинарное развитие позволяет выделить приоритетные направления правового регулирования, затрагивающие экологию человека. К их числу относятся правовое определение содержания биотехнологий и установление пределов их использования в целях защиты жизни, здоровья и биологической идентичности человека; биобанкинг биологического материала

¹ См.: Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K090000193_ (дата обращения: 11.01.2022).

человека и реализация принципа некоммерческого распоряжения человеческим телом и его частями, развитие репродуктивной медицины в условиях соблюдения требований биобезопасности и биоэтики.

ЗАХАРОВ Т.В.¹ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного состояния сотрудничества государств в сфере биологической безопасности, анализируются труды российских и зарубежных ученых, обращенные к проблемам правового регулирования разработки биологических технологий, связанных с ними угроз и рисков. Освещаются точки зрения исследователей на сложившиеся условия сотрудничества. Раскрывается нормативная основа участия Российской Федерации в межгосударственном сотрудничестве в сфере биологической безопасности.

Ключевые слова: международное право; международное экологическое право; формы и направления межгосударственного сотрудничества; биологическая безопасность; биологическая технология.

ZAKHAROV T.V. Prerequisites and conditions for interstate cooperation in the field of biosecurity

Abstract. The article examines the problems of the current state of cooperation between states in the field of biological safety, analyzes the works of Russian and foreign scientists addressing the problems of legal regulation of the development of biological technologies, related threats and risks. The points of view of researchers on the existing conditions of cooperation are highlighted. The regulatory framework for the participation of the Russian Federation in interstate cooperation in the field of biological safety is revealed.

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: international law; international environmental law; forms and directions of interstate cooperation; biosecurity; biotechnology.

Для цитирования: Захаров Т.В. Предпосылки и условия сотрудничества государств в сфере биологической безопасности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 26–36. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.02

Введение

В современных условиях обеспечение биологической безопасности является весьма актуальной задачей, решение которой невозможно без объединения усилий всего международного сообщества. Сотрудничество государств в сфере биологической безопасности представляет собой сложную, диверсифицированную область международного взаимодействия. Объем и разнородность вовлеченных общественных отношений говорит о необходимости комплексного, системного подхода в правовом регулировании. Экономическое значение биологических технологий делает данную сферу сотрудничества высококонкурентной.

Проблема биологической безопасности. Само количество разделов биологии как науки (выделение в пределах биологии самостоятельных биологических наук, биологических дисциплин, дисциплин на стыке биологии и смежных наук), количество направлений биологических исследований, расширяющиеся междисциплинарные связи биологии, в том числе сопряженные с технологическим развитием в иных областях, – все это говорит о высокой сложности объекта правового регулирования. Рассматривая лишь одно из новых, развивающихся направлений биологических технологий – «синтетическую биологию» – рабочая группа экспертов пришла к заключению, что проблемы синтетической биологии слишком объемны для широкого обсуждения в контексте поставленных перед группой задач¹. Учеными справедливо

¹ См.: Завриев С., Шемякин И. Синтетическая биология — современные вызовы и проблемы биобезопасности // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 12. – С. 81.

отмечается неопределенность границ между биологической безопасностью и рядом других видов безопасности, имеющих как смежный объект защиты, например – экологическая или продовольственная безопасность, так и те объекты защиты, которые находятся в иных сферах жизнедеятельности общества и государства, к примеру, цифровая безопасность¹.

Угрозы биобезопасности подразделяются на непреднамеренные – «в силу объективных факторов»² и преднамеренные – умышленное применение биотехнологий в качестве средства совершения террористического акта, иного преступления (правонарушения) либо в качестве оружия в ходе военных действий³. Однако сложность объекта правового регулирования, стремительное развитие биотехнологий, иных технологий требуют условного отношения к подобному разделению. Так, объектом национальной безопасности государства стали биометрические персональные данные лиц, находящихся под его юрисдикцией⁴. Государства за-

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Юриспруденция. – 2023. – № 2. – С. 9; Краснова И.О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex Russica. – 2014. – № 5. – С. 552; Орехов С.Н., Яворский А.Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина. – 2020. – № 5. – С. 60–73; Лукомская А.С. Многообъектность преступных посягательств по делам об экологических преступлениях при принятии судами решений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 63, 68. Галюкова М.И. Архитектоника биобезопасности // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 10. – С. 59.

² См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // Вестник Российского ун-та дружбы народов = RUDN Journal of Law. Сер.: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 547–548.

³ См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Указ соч. – С. 547–548.

⁴ См.: McKibbin K., Shabani M. Genomic data as a national strategic resource: implications for the genomic commons and international data sharing for biomedical research and innovation // The Journal of Law, Medicine & Ethics. – 2023. – Vol. 51, N 2. – P. 302; Significance of and Outlook for the Biosecurity Law of the People's Republic of China / H. Liang, C. Huang, X. Zhu, Z. Yuan // Journal of Biosafety and Biosecurity. – Beijing, 2021. – Vol. 3, N 1. – P. 46–50; US Department of Health and Human Services (HHS), Office of the Inspector General (OIG), Opportunities Exist for

интересованы в ограничении доступа к ним иностранных лиц – в сохранении конкурентных преимуществ посредством асимметричного доступа к информации. Предоставление биометрических данных иностранному государству создает риск использования их в качестве средства контроля или средства причинения целенаправленного вреда.

Особая важность проблем биологической безопасности предопределена тем обстоятельством, что потенциальные масштабы негативных последствий преднамеренного общественно опасного применения биотехнологий позволяют отнести их к оружию массового поражения¹.

Российские ученые – А.Х. Абашидзе и В.С. Маличенко – предлагают расширенное обобщенное толкование категорий «биобезопасность» и «биозащита», рассматривая их как «...способность государства эффективно реагировать на биологические угрозы и связанные с ними факторы, включая защиту от новых инфекционных заболеваний и смягчение их последствий; защиту от биологической войны и биотерроризма; предотвращение злонамеренного использования биотехнологии; обеспечение лабораторной биобезопасности; охрана специальных биологических ресурсов и др.»².

Предпосылки сотрудничества государств в сфере биологической безопасности. Проблема биологической безопасности открывает новые возможности для международного сотрудничества государств. Некоторые авторы указывают на нее как на предпосылку глобального управления³.

Главной предпосылкой международного сотрудничества в сфере биобезопасности видится стоящая перед государствами необходимость эффективно реагировать на возникающие угрозы. Сотрудничество государств способно значительно повысить по-

the National Institutes of Health To Strengthen Controls in Place To Permit and Monitor Access to Its Sensitive Data, Report No. A-18-18-09350 (2019).

¹ См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Указ. соч. – С. 544.

² Там же. – С. 545.

³ См.: Biosafety and biosecurity / D. Zhou, H. Song, J. Wang, Z. Li, S. Xu, X. Ji, X. Hou, J. Xu // Journal of Biosafety and Biosecurity. – 2019. – Vol. 1, N 1. – P. 15–18; Emeziem C. COVID-19 Pandemic, The World Health Organization, and Global Health Policy // Pace International Law Review. – 2021. – Vol. 33, N 1. – P. 189–217.

тенциал коллективной биологической безопасности. Безусловно, сложно говорить о сотрудничестве между государствами, находящимися в состоянии конфликта, особенно в условиях, когда одно из них намеревается применить биотехнологии в ущерб своим оппонентам. Тем не менее потенциальный вред биотехнологий зачастую имеет не только трансграничный характер, но и неконтролируемое распространение. Это в полной мере подтвердила пандемия коронавирусной инфекции, которая «не только унесла уже почти четыре миллиона человеческих жизней, но и серьезно сказалась на социально-экономической обстановке во всех без исключения странах мира»¹.

Предупреждение, выявление и реагирование государства на угрозы биобезопасности связаны с уровнем его научно-технологического развития. Особую проблему представляет способность государства финансировать имплементацию международного механизма обеспечения биологической безопасности на внутригосударственном уровне. Для государства, ослабленного экономической, социальной и политической нестабильностью, сотрудничество может приобрести вынужденный характер².

Условия сотрудничества государств в сфере биологической безопасности. Развитие биотехнологий существенно опережает правовое регулирование на национальном уровне³. Это связано, в том числе, с неопределенностью будущего объекта регулирования. С. Завриев и И. Шемякин отмечают, что «на сегодняшний день крайне сложно определить, до какой степени могут быть изменены биологические системы и какими будут полностью синтетические организмы»⁴. Очевидным препятствием создания основы международного сотрудничества является неопределенность содержания

¹ Путин В.В. Телеграмма участникам III Международной научно-практической конференции «Глобальные угрозы биологической безопасности. Проблемы и решения». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/65915> (дата обращения: 13.02.2024).

² См.: AL-Eitan L., Alnemri M. Biosafety and Biosecurity in the Era of Biotechnology: The Middle East Region // *Journal of Biosafety and Biosecurity*. – 2022. – Vol. 4, N 2. – P. 131.

³ См.: Гуляева Е.Е. Роль международных организаций в противодействии биотерроризму // *Евразийский юридический журнал*. – 2023. – № 10 (185). – С. 36.

⁴ Завриев С., Шемякин И. Указ. соч. – С. 79.

основных категорий области биологической безопасности. Само понятие «биологическая безопасность» трактуется в разной степени – и широко, и узко – в нормативных актах государств, соглашениях между ними и в науке¹. Нет согласия в отношении правового содержания понятий «биотехнология», «технология двойного назначения», «биологическая защита». В качестве объективного фактора следует учитывать условия постоянной трансформации данных категорий, расширения их содержания, перманентного расширения перечня биологических агентов². В связи с этим международное право в данной сфере характеризуется правовой неопределенностью, значительным количеством «серых зон», разностью в правовых подходах государств. Так, не создана международная система контроля оборота новых данных в области синтетической биологии в связи с новизной этого направления³, отсутствует универсальное международное соглашение, регулирующее обращение технологий двойного назначения, и пр. В этих условиях даже такие «обыденные» для права вопросы, как международная защита авторских прав на биотехнологии, растущая проблема «биопиратства», не имеют быстрого решения⁴.

Политика западных государств, как отмечают исследователи, направлена на широкое вовлечение в сферу разработки биологических технологий разного рода частных компаний, в том числе негосударственных профессиональных и экспертных сообществ⁵.

¹ См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Указ. соч. – С. 545–546; Koblenz, G. Pathogens as Weapons: the International Security Implications of Biological Warfare // *International Security*. – Cambridge, US., 2003. – Vol. 28, N 3. – P. 84–122; UK Biological Security Strategy. – 2018. – P. 9.

² Final Document of the Eighth Review Conference of the States Parties to the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction. 2017, BWC/CONF.VIII/4. – URL: <https://documentsddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/004/32/PDF/G1700432.pdf> (дата обращения: 14.02.2024).

³ Завриев С., Шемякин И. Указ. соч. – С. 80.

⁴ Rotzin K. Today's Pirates: Biopirates: Biopiracy, Biotech, and the International, Biotech, and the International Frameworks that are not up to the Challenge // *UC Law, Science and Technology Journal*. – San Francisco, 2024. – Vol. 15, N 1. – P. 34.

⁵ The Coalition for Epidemic Preparedness Innovations (CEPI) and the Partnerships of Equitable Vaccine Access / S. Halabi, L. Gostin, K. Aneja, F. Nardi,

Научно-технологический прогресс делает производство биологических агентов все более дешевым и доступным. В западной науке популяризируются такие явления, как «гаражные биотехнологии» (garage biotech), биотехнологии «сделай сам» (DIY-biology)¹. А.Х. Абашидзе и В.С. Маличенко оценивают такую тенденцию как потенциальный фактор, усиливающий биологические угрозы².

Специалисты в сфере биотехнологий обращают внимание на то, что «...сегодня в большинстве случаев есть возможность разместить заказ на синтез довольно длинных последовательностей ДНК и генов³ через Интернет в компании, занимающиеся синтезом заказанных последовательностей нуклеотидов и при этом соблюдающие конфиденциальность заказа»⁴. «Именно с этих позиций для “профилактики” угроз следует на международном уровне ... обязать все компании и фирмы, занимающиеся синтезом ДНК, скринировать заказываемые последовательности на возможное наличие в них генов или фрагментов геномов особо опасных агентов, в первую очередь вирусов, поражающих человека»⁵.

Отдельную проблему представляет проведение государствами биологических исследований за пределами собственной территории (фактическое осуществление эффективного контроля проводимых исследований и распоряжение их результатами) за счет привлечения научных центров иностранного государства, частных

K. Gottschalk, J. Monahan // *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. – Cambridge, 2023. – Vol. 51, N 2. – P. 234–246.

¹ Ledford H. Garage Biotech: Life Hackers // *Nature*. — 2010. — Vol. 467, N 7316. – P. 650–652; Kuiken T. Governance: Learn from DIY Biologists // *Nature*. – 2016. – Vol. 531, N 7593. – P. 167–168; Mehlman M., Conlon R., Pearlman A. Governing Nonconventional Genetic Experimentation // *Journal of law and the biosciences*. – Oxford, 2023. – P. 1–24. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36910719/> (дата обращения: 12.02.2024).

² См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Указ. соч. – С. 555.

³ Молекула ДНК длиной в 8–10 тыс. звеньев сопоставима с размерами геномов ряда патогенных вирусов, например, ВИЧ или вируса гепатита С (см.: Завриев С., Шемякин И. Указ. соч. – С. 81).

⁴ Там же. – С. 81.

⁵ Там же.

лиц. Государство избегает, таким образом, нарушения собственного национального права и международных обязательств¹.

Нормативная основа участия Российской Федерации в международном сотрудничестве в сфере биологической безопасности. Направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере биобезопасности определены в ст. 15 Федерального закона «О биологической безопасности в Российской Федерации». В целях предотвращения, нейтрализации и устранения биологических угроз (опасностей) уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, а также организации, уполномоченные в соответствии с законодательством РФ, осуществляют в пределах своей компетенции международное сотрудничество по следующим направлениям:

1) укрепление режима Конвенции ООН о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 16.12.1971 г. (КБТО) (вступила в силу 26.03.1975 г., является бессрочной) в целях обеспечения полного запрета биологического оружия, а также расследование случаев предполагаемого применения биологического и токсинного оружия;

2) предотвращение террористических актов и (или) диверсий с использованием патогенов и ликвидация последствий их совершения;

3) безопасное обращение с патогенами;

4) интеграция Российской Федерации в межгосударственные и международные системы обеспечения биологической безопасности и в иные международные интеграционные объединения, участие в международном научном обмене в указанной сфере;

5) представление интересов Российской Федерации в международных организациях, а также в организациях и структурах регионального и национального уровней в области обеспечения биологической безопасности российскими экспертами и представителями уполномоченных специализированных организаций;

6) коллекционная деятельность, связанная с использованием патогенных микроорганизмов и вирусов, в том числе по вопросам

¹ См.: Орехов С. Н., Яворский А. Н. Указ. соч. – С. 72.

депонирования штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов, в соответствии с международными договорами РФ;

7) безопасное обращение с биологическими ресурсами, регулирование трансграничного перемещения и контроль за трансграничным перемещением генно-инженерно-модифицированных организмов;

8) предотвращение, локализация и ликвидация чрезвычайных ситуаций в области обеспечения биологической безопасности международного характера.

Элементы биобезопасности системно перечислены в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ 02.07.2021 № 400. Кроме того, обеспечение биологической безопасности определяется в качестве одного из четырех направлений Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 гг., утвержденной постановлением Правительства РФ от 22. 04.2019 № 479.

Международно-правовую основу сотрудничества государств в сфере биобезопасности закладывает вышеназванная Конвенция – КБТО. Она касается исключительно проблем преднамеренного применения биотехнологий в качестве оружия. Тем не менее, она остается главным международным обязательством Российской Федерации в сфере обеспечения биобезопасности. Вопросы безопасности в качестве программных тезисов включены также в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. В связи с этим данная Конвенция рассматривается как регулятивная основа взаимодействия государств в пределах созданного ею механизма. Следует заметить, что разработка отдельного Протокола к Конвенции, регулирующего конкретные аспекты биобезопасности, началась уже на первом совещании Конференции участников Конвенции в 1994 г.¹. Однако принятый в 2003 г. Протокол по биобезопасности к упомянутой Конвенции рассматривается как компромиссный, а, следовательно, в значительной степени не отражающий фактические намерения сторон. Российская Федерация не является участницей данного Протокола.

¹ См.: Щеголева А.М. История разработки и принятия Картахенского Протокола по биобезопасности 2000 г.: travaux préparatoires // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. – Москва, 2014. – № 2. – С. 302.

В 2016 г. Советом коллективной безопасности ОДКБ принята Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., в которой содержатся положения, направленные на укрепление режима КБТО, и перед государствами поставлена задача – обеспечить транспарентность биологической деятельности за пределами их территорий.

Особое положение среди норм, определяющих обязательства государств, занимают Международные медико-санитарные правила 2005 г., утвержденные в 2005 г. ВОЗ. В этих Правилах формируется «всеобъемлющая стратегия обеспечения безопасности в сфере здравоохранения»¹.

Таким образом, результатом сотрудничества государств стало принятие на универсальном и региональных уровнях целого ряда нормативных документов рекомендательного, программного характера в сфере биобезопасности. Следует отметить, что, хотя многие названные международные документы не создают обязательств для государств, они, тем не менее, выполняют важные рекомендательные и аналитические функции в области биологической безопасности и применения биотехнологий.

Заключение

Степень влияния биотехнологий на состояние безопасности государств неумолимо растет. В условиях правовой неопределенности важное значение имеет позитивная ответственность научных сообществ, вовлеченных в разработку биотехнологий. В программных документах межгосударственного сотрудничества в системе международных организаций, в научных дискуссиях все чаще поднимается вопрос регулирования ключевых аспектов научной деятельности и технологического производства². Предлагается создание особых этических комитетов, которые будут оцени-

¹ Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Указ. соч. – С. 556.

² См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Указ. соч. – С. 544; Fidler D. International Law and Weapons of Mass Destruction: End of the Arms Control Approach? // Duke Journal of comparative & International Law. – Durham, 2004. – Vol. 14, N 1. – P. 39–88; Martins B., Ahmad, N. The Security Politics of Innovation: Dual-use Technology in the EU's Security Research Programme // Emerging Security Technologies and EU Governance. – 2020. – P. 58–73.

вать соблюдение учеными и практиками этических и гуманистических принципов при осуществлении инновационных разработок¹. Однако опасение вызывает транснациональное доминирующее положение ряда частных медицинских, фармацевтических, сельскохозяйственных и т.п. корпораций, занимающих лидирующее положение в разработке и распространении биотехнологий. Тем не менее ответственность за защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, за предотвращение биологических угроз, создание и развитие системы мониторинга биологических рисков остается за государствами. Сотрудничество государств в данной сфере, таким образом, вынуждено строиться на основе национальных условий². Будучи подверженным императиву основополагающих принципов современного международного права, сотрудничество государств в сфере биобезопасности основывается на соблюдении суверенитета государств и их национальных интересов, имея в качестве перспективы создание системы глобальной неделимой биологической безопасности.

¹ См.: Гуляева Е.Е. Указ. соч. – С. 36.

² См.: Qin Q., Sun Y. A Global Biosafety Strategy Research Framework with Specific Implications for China // *Journal of Biosafety and Biosecurity*. – Beijing, 2021. – Vol. 3, N 2. – P. 111.

КАРЦХИЯ А.А.¹ ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ КАК ОСНОВЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования сферы национальной и мировой климатической повестки в свете 28 Конференции сторон РКИК ООН, состоявшейся в декабре 2023 г. Используя сравнительно-правовые и системно-логические методы исследования, автор в результате анализа новой Климатической стратегии Российской Федерации, а также новых международно-правовых документов по вопросам глобальной климатической повестки и реализации Парижского соглашения по климату, выявил актуальные риски и угрозы, перспективы развития вопросов правового регулирования климатической повестки. Глобальный характер климатических изменений и его социально-экономических последствий требует полноценного и равноправного международного взаимодействия Российской Федерации и других стран мира.

Ключевые слова: климатическая повестка; биобезопасность человека; международное климатическое право; устойчивое развитие; климатические риски и угрозы; стратегия развития.

KARTSKHIYA A.A. Legal perspectives of the climate agenda as the basis of human biological safety: Russian and international aspects

¹ © Карцхия Александр Амиранович, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, доктор юридических наук, профессор.

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the legal regulation of the sphere of the national and global climate agenda in the light of the 28th Conference of the Parties to the UNFCCC, held in December 2023. Using comparative legal and system-logical research methods, the author, as a result of analyzing the new Climate Strategy of the Russian Federation, as well as new international legal documents on the global climate agenda and the implementation of the Paris Climate Agreement, identified current risks and threats, prospects for the development of issues of legal regulation of the climate agenda. The global nature of climate change and its socio-economic consequences requires full and equal international cooperation between the Russian Federation and other countries of the world.

Keywords: climate agenda; human biosafety; international climate law; sustainable development; climate risks and threats; development strategy.

Для цитирования: Карцхия А.А. Правовые перспективы климатической повестки как основы биологической безопасности человека: российский и международный аспекты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 37–51. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.04

Введение

Современный мир переживает многочисленные долгосрочные структурные преобразования, включая стремительное развитие искусственного интеллекта, изменение климата, кардинальные изменения в геополитическом распределении власти и демографические сдвиги. Все это напрямую затрагивает вопросы биологической безопасности человечества и даже самого его существования, поскольку окружающие людей условия меняются, не всегда в лучшую сторону, что становится причиной роста заболеваемости и смертности.

Указанные выше структурные факторы, как отмечалось в докладе ВЭФ The Global Risks Report 2024¹, носят глобальный,

¹ См.: The Global Risks Report 2024. – URL: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/> (дата обращения: 02.02.2024).

всепроницающий характер и продолжают развиваться. Вместе с тем национальные и региональные инвестиционные и регуляторные стратегии, совместные усилия государства, частных компаний и гражданского общества имеют решающее значение для снижения воздействия глобальных рисков на биологическую безопасность человека.

В докладе выделены некоторые из наиболее серьезных рисков, с которыми может столкнуться человечество в ближайшее десятилетие на фоне быстрых технологических изменений, экономической неопределенности, потепления на планете и геополитических конфликтов. Предполагается, что четыре структурных фактора будут определять глобальный ландшафт, реализацию рисков и управление ими в течение следующего десятилетия, а именно:

- траектории, касающиеся глобального потепления и связанных с ним последствий для систем Земли (*изменение климата*);
- изменения в численности, росте и структуре населения по всему миру (*демографическая бифуркация*);
- пути развития передовых технологий (*технологическое ускорение*);
- существенная эволюция концентрации и источников геополитической мощи (*геостратегические сдвиги*).

В каждой из этих областей формируется новый набор глобальных условий, и эти переходные процессы могут характеризоваться значительной неопределенностью и волатильностью. В докладе выделены следующие основные экологические риски:

– ***утрата биоразнообразия и коллапс экосистем*** – серьезные последствия для окружающей среды, человечества и экономической деятельности из-за разрушения природного капитала в результате вымирания или сокращения численности видов животного мира планеты, охватывающие как наземные, так и морские экосистемы;

– ***критические изменения в системах Земли (переломные моменты климата)*** – долгосрочные, потенциально необратимые и самосохраняющиеся изменения в критических планетарных системах в результате нарушения критического порога или «переломной точки» на региональном или глобальном уровне, которые оказывают внезапное и серьезное воздействие на здоровье планеты или благосостояние людей, включая повышение уровня моря в

результате разрушения ледяных щитов; выброс углерода в результате таяния вечной мерзлоты и нарушение океанских или атмосферных течений;

– **экстремальные погодные явления** – гибель людей, ущерб экосистемам, уничтожение имущества и / или финансовые потери в результате экстремальных погодных явлений, включая наземные (например, лесные пожары), водные (например, наводнения), а также связанные с атмосферой и температурой (например, аномальная жара) явления, включая те, которые усугубляются изменением климата;

– **нехватка природных ресурсов (продовольствия, воды)** – недостаток продовольствия или воды для использования человеком, промышленностью или экосистемой. Проявляется в виде отсутствия продовольственной и водной безопасности на местном, региональном или глобальном уровнях в результате чрезмерной эксплуатации человеком важнейших природных ресурсов и неправильного управления ими, изменения климата (включая засуху, опустынивание) и / или отсутствия подходящей инфраструктуры;

– **стихийные бедствия, не связанные с погодой** – гибель людей, ущерб экосистемам, уничтожение имущества и / или финансовые потери в результате стихийных бедствий, не связанных с погодой, в том числе наземные (например, землетрясения, извержения вулканов), водные (например, цунами) и внеземные (например, удары астероидов и геомагнитные бури);

– **загрязнение (воздуха, почвы, воды)** – попадание вредных веществ в воздух, воду и почву в результате деятельности человека, приводящее к воздействию на людей и их гибели, финансовым потерям и / или ущербу экосистемам, включая бытовую и промышленную деятельность и аварии, разливы нефти и радиоактивное загрязнение.

Глобальная климатическая повестка как основа биологической безопасности человека. Экстремальные погодные условия являются основным риском, который может оказаться доминирующим в 2024 г. В 2023 г. глобальная средняя температура поверхности Земли впервые была более чем на 2°C выше доиндустриального уровня – таким образом, 2023 г. считался самым жарким годом за всю историю наблюдений.

В связи с этим представляют особый интерес события последних месяцев. Так, в сентябре 2023 г. ООН опубликовала Глобальный аналитический доклад¹, который представляет собой первую всеобъемлющую оценку усилий почти 200 стран по борьбе с изменением климата с момента принятия Парижского соглашения по климату в 2015 г. В докладе ООН подчеркивается необходимость того, чтобы страны значительно расширили свои амбиции в области экологически чистой энергетики, и отмечается, что мир быстро приближается к критическому этапу в борьбе с изменением климата, и для достижения целей Парижского соглашения необходимы немедленные действия. ООН подтвердила, что всем заинтересованным сторонам, включая правительства, организации и частные компании, крайне важно значительно активизировать свои усилия по борьбе с изменением климата. В докладе подчеркивается необходимость укрепления международного сотрудничества, особенно в областях передачи технологий, мобилизации финансирования и наращивания потенциала. Парижское соглашение (2015) поставило цель удержать повышение глобальной температуры значительно ниже 2°C по сравнению с доиндустриальными уровнями – 1,5°C или менее.

Проведенная в декабре 2023 г. очередная, 28-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (28th UN Climate Change Conference) подтвердила в ряде деклараций и совместном заявлении стран-участниц (*COP28 Declaration On Climate, Relief, Recovery And Peace*) приверженность целям и задачам Парижского соглашения 2015 г. и декларировала, что глобальные усилия по повышению устойчивости к изменению климата по-прежнему недостаточно адаптированы или нацелены на конкретные потребности и вызовы людей, сообществ и стран, которым угрожают нестабильность или конфликты, повышающие уязвимость людей и их подверженность климатическим опасностям, препятствуют способности адаптации, отрицательно сказываются на жизни, средствах к существованию, инфраструктуре, воде, человеческом капитале, продовольствии, здравоохранении, культурной самобыт-

¹ См.: The Global Stocktake Report. Technical Dialogue of the First Global Stocktake, UN 2023. – URL: <https://unfccc.int/topics/global-stocktake> (дата обращения: 02.02.2024)

ности, образовании и представляют собой серьезную и растущую проблему стабильности, достижения целей устойчивого развития.

Конференция ознаменовала собой первое глобальное подведение итогов в соответствии со ст. 14.2 Парижского соглашения по климату 2015 г., которые были изложены в итоговом докладе «Глобальный анализ» (*The Global Stocktake, GST*)¹ по вопросам сокращения выбросов парниковых газов, адаптации и жизнестойкости перед лицом изменения климата, источников финансирования реализации и поддержки климатических проектов, а также финансирования потерь и ущерба для стран, уязвимых к изменению климата. Итоговый документ о результатах первого Глобального подведения итогов подтвердил установку на удержание роста среднегодовой температуры в пределах 1,5°C и призвал к глобальным усилиям по отказу от ископаемого топлива (нефти, угля и газа) в энергетических системах, ускорив действия для достижения чистого нуля (net zero) к 2050 г. Этот документ, не имея обязательной юридической силы, направлено на поддержку переходного процесса путем ускорения внедрения технологий с низкими выбросами парниковых газов или вообще без них, включая новые технологические решения (например, по улавливанию) углерода, которые могли бы помочь решить проблему парниковых выбросов и сократить зависимость от ископаемого топлива. Документ содержит ряд климатических действий, которые Конференция считает необходимыми для сокращения выбросов и стабилизации роста глобальной среднегодовой температуры, включая утроение мощностей возобновляемой энергетики на глобальном уровне и удвоение глобальных среднегодовых темпов улучшения энергоэффективности к 2030 г., а также усилий для снижения выработки электроэнергии на основе угля без применения мер по сокращению выбросов. На Конференции была принята Глобальная программа по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности (*COP28: Global Renewables and Energy Efficiency Pledge*)², в которой

¹ См.: The Global Stocktake. – URL: <https://unfccc.int/topics/global-stocktake> (дата обращения: 02.02.2024).

² См.: Global Renewables and Energy Efficiency Pledge. – URL: <https://www.cop28.com/en/global-renewables-and-energy-efficiency-pledge> (дата обращения: 02.02.2024).

предусмотрено ускорение глобальных усилий в направлении энергетических систем с нулевым балансом выбросов парниковых газов при использовании безуглеродного и низкоуглеродного топлива к 2050 г., убыстрение сокращения выбросов от автотранспорта, а также существенное сокращение выбросов парниковых газов, помимо CO₂, включая метан, к 2030 г.

Впервые с начала ежегодных саммитов по климату участники COP28 официально призвали ускорить внедрение технологий с низким уровнем выбросов, включая ядерную энергетику, для содействия достижению глубокой и быстрой декарбонизации, особенно в трудноизвлекаемых секторах, таких как промышленность, и за счет производства водорода с низким содержанием углерода. Кроме того, в продолжение вопросов обсуждаемой климатической повестки в соответствии с инициативой МАГАТЭ «Atoms4NetZero» в марте 2024 г. в Брюсселе состоится саммит по ядерной энергии для обсуждения роли ядерной энергетики в решении глобальных проблем сокращения использования ископаемого топлива, повышения энергетической безопасности и ускорения экономического развития¹.

Конференция, наконец, пришла к новому Соглашению о механизме Фонда потерь и ущерба (*Loss and Damage Fund, L&D Fund*), первоначально предложенном Вануату в 1991 г. для продвижения климатической справедливости. Деятельность Фонда инвестиций и развития была затруднена из-за концепции ответственности развитых стран перед развивающимися странами. Однако на COP27 (Шарм-эш-Шейх, Египет) было принято Соглашение о Фонде L&D. COP28 развивает эти положения в новом Соглашении о механизме распределения средств. Установлено, что Фонд L&D создан для возмещения вызванных изменением климата различного рода потерь и ущерба – от культурных и экономических до экологических. Термин «потери и ущерб» относится к реальным затратам или последствиям, возникшим в результате негативного воздействия изменения климата. Если ранее смягчение последствий изменения климата имело отношение к источнику

¹ См.: First-Ever Nuclear Energy Summit to be Held in Brussels in March 2024. – URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/first-ever-nuclear-energy-summit-to-be-held-in-brussels-in-march-2024> (дата обращения: 02.02.2024).

изменения климата, а адаптация касалась его воздействия, то теперь Фонд L&D предусматривает компенсацию потерь и ущерба, устранение неизбежных и необратимых негативных последствий изменения климата. В Соглашении о Фонде L&D подчеркивается концепция климатической справедливости для развивающихся стран, которые больше всего страдают от изменения климата, чем развитые страны Глобального Севера, исторически являющиеся крупнейшими источниками выбросов парниковых газов. Фондом управляет и контролирует его деятельность Правление Фонда, состоящее из представителей 26 государств-членов, которые в основном состоят из развивающихся стран, а также предоставит Всемирному банку как доверительному управляющему Фонда рекомендации по формированию Фонда финансового посредничества сроком на четыре года. Основными финансовыми инструментами, используемыми для распределения средств Фонда, являются гранты и кредитование на льготных условиях, а также смешанное финансирование.

Ранее страны – участницы Конференции по климату обязались, начиная с 2020 г., ежегодно предоставлять развивающимся странам климатическое финансирование в объеме 100 млрд долл., но это удалось выполнить частично, и было мобилизовано только 83 млрд долл. В 2024 г. страны должны принять окончательное решение по новой коллективно выраженной количественной цели по финансам (*New Collective Quantitative Goal, NCQG*).

Глобальное соглашение по возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности подписали 123 страны, но Россия, Индия и Китай, ряд стран ОПЕК не присоединились к совместному заявлению. В документе содержится призыв к созданию мировых мощностей по выработке энергии из возобновляемых источников, которые бы составили не менее 11 000 ГВт., а также требование удвоить среднегодовые темпы повышения энергоэффективности примерно с 2% до более 4% в год до 2030 г.

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Саудовская Аравия представили Хартию по декарбонизации нефти и газа, которая направлена на ускорение действий по борьбе с изменением климата в этом секторе. Инициативу поддержали 50 нефтегазовых компаний со всего мира с совокупной долей добычи нефти более 40%, включая Saudi Aramco, SOCAR, BP, ENI, Shell и другие. ПАО «ЛУКОЙЛ» стало единственным российским участником Хартии.

Подписавшие стороны обязуются сократить чистые выбросы углекислого газа до нуля к 2050 г. или ранее, а метана при добыче нефти и газа – почти до нуля к 2030 г.¹

Однако, как отмечают эксперты², участникам COP28 не удалось прийти к согласию по вопросам экономических механизмов функционирования углеродных рынков (ст. 6.2, 6.4 Парижского соглашения). В частности, не было найдено решения о надзорном органе и учете различных видов кредитов и учетных углеродных единиц, а основные вопросы об устойчивости заявленных сокращений и удалений будут рассмотрены только в 2024 г. на COP29. Конференция отметила важность обеспечения справедливого перехода, который является неотъемлемым компонентом GST, GGA и климатического финансирования, но потребуются отдельное количественное определение справедливого перехода, исходя из оценок выбросов и обязательств по климатическому финансированию. В итоговом решении COP28 также подчеркивается важность защиты и восстановления экосистем и активизации усилий по прекращению и обращению вспять обезлесения к 2030 г., а также содержится призыв к сохранению и восстановлению океанов и прибрежных экосистем.

Что касается глобальной климатической повестки, то следует сделать вывод, что глобальный характер изменения климата и современные социально-экономические последствия требуют полноценного международного сотрудничества Российской Федерации с другими странами мира на принципах технологической нейтральности и сбалансированных действий по обеспечению устойчивого развития. В российском законодательстве определены действующие стратегические правовые документы по климатической политике Российской Федерации, а также современные международные соглашения и документы, которые касаются реализации Парижского соглашения по климату (2015) и определяют теку-

¹ См.: COP28: итоги главного климатического события года. – URL: <https://iclrc.ru/ru/news/201> (дата обращения: 02.02.2024).

² Василенко Е. Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-oon-ob-izmenenii-klimata/?ysclid=lsc4y0goua787659965> (дата обращения: 02.02.2024).

щие перспективы правового регулирования климатической повестки дня.

В частности, в новой Климатической доктрине РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812, сформулирована основанная на фундаментальных и прикладных научных знаниях, ориентированная на долгосрочную перспективу единая государственная климатическая политика по вопросам, связанным с изменением климата и его последствиями. Климатическая доктрина РФ развивает положения, касающиеся экономических механизмов снижения выбросов, климатических рисков и развития научной базы в области наук о климате.

Вместе с тем Климатическая доктрина РФ содержит ряд новых фундаментальных положений, в том числе: признание антропогенных причин изменения климата, установление количественных целей по сокращению выбросов парниковых газов и закрепление цели достижения углеродной нейтральности (баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением) к 2060 г., а также введение концепции технологической нейтральности, которая подразумевает беспристрастный подход к использованию технологий, способствующих смягчению антропогенного воздействия на климат, основанный на оценке их экономической эффективности, климатической и экологической эффективности и целесообразности. Кроме того, доктрина развивает положения, касающиеся экономического механизма сокращения выбросов парниковых газов, климатических рисков и декларирует разработку климатической повестки дня на основе наук о климате.

Вопросы климатической повестки особенно актуальны для России с ее огромными территориями, уникальными климатическими зонами и ресурсами, что служит большими плюсами, но и сопряжено с большими рисками в условиях возрастающей антропогенной нагрузки на биосферу и экосистему планеты. Экологические риски и угрозы энергетической безопасности с учетом геополитических особенностей России, важности топливно-энергетического комплекса страны, наличия геостратегических объектов, таких как российская Арктика, несомненно, имеют важное стратегическое значение для страны и определяют ее климатическую стратегию. При этом в условиях существующих рисков и угроз энергетической безопасности использование традиционных видов

энергоресурсов будет играть доминирующую роль в структуре топливно-энергетического баланса каждого современного государства в обозримой перспективе¹.

Интересы Российской Федерации, связанные с изменением климата, не ограничиваются ее территорией и носят глобальный характер. Это обусловлено как всеобъемлющим изменением климата, так и необходимостью учитывать в международных отношениях многообразие воздействия на климат и последствия его изменения в различных регионах мира.

Изменение климата, как отмечается в Климатической доктрине РФ, создает некоторые угрозы национальной безопасности Российской Федерации, на которые следует реагировать путем обеспечения желаемых долгосрочных экологических и экономических последствий. Необходимо учитывать экономические риски, связанные с введением другими государствами мер по борьбе с изменением климата, затрагивающих интересы Российской Федерации, и репутационные риски, возникающие из-за непринятия достаточных мер по борьбе с ним. Суверенитет в оценках и выводах, основанный на полной и достоверной информации о текущих и ожидаемых последствиях изменения климата для Российской Федерации и других государств, способность удовлетворять собственные технологические потребности для реагирования на угрозы, связанные с изменением климата, а также своевременное планирование мер по адаптации к изменению климата на отраслевом и региональных уровнях имеют большое значение (адаптационные меры).

Проведение мероприятий климатической повестки, несмотря на серьезные геополитические изменения наших дней, осуществляются в соответствии с международными документами и соглашениями, и прежде всего: резолюцией ГА ООН от 25.09.2015 г.

¹ См.: Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности Арктической зоны Российской Федерации при разведке и добыче нефти и газа в условиях санкционных ограничений // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8. – С. 160–168; Карцхия А.А. Право и безопасность в условиях глобальных климатических изменений // Юрист. – 2022. – № 9. – С. 28–33; Шпаковский Ю.Г., Жаворонкова Н.Г. Экологическое законодательство как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 6. – С. 142–157.

«Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», Рамочной конвенцией ООН об изменении климата (1992) и дополнительным Киотском протоколом (1997), а также Парижским соглашением по климату¹.

Особо важным аспектом климатической повестки признается формирование правового регулирования экологической безопасности и охраны окружающей среды в условиях глобального изменения климата, а также вопросов защиты прав и свобод человека при имплементации международных климатических соглашений в национальное законодательство².

Так, Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р, определила цель адаптировать российскую экономику к условиям глобального энергетического перехода, а также сократить выбросы парниковых газов и достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г., как это предусмотрено Указом Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». Установление требований к снижению углеродоемкости продукции, развитию зеленого инвестирования, снижению энергоёмкости сопровождается развитием законодательства в области низкоуглеродной экономики во всех развитых странах, включая США, страны ЕС, Азиатско-Тихоокеанского региона и другие. Например, Европейская комиссия одобрила в 2019 г. новую климатическую стратегию Евросоюза – «Европейский курс» (EU Green Deal), направленную на эффективное использование ресурсов в целях сдерживания изменения климата, снижения уровня

¹ См.: Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf?ysclid=lbjwf63uwu29819563> (дата обращения: 03.02.2024).

² См.: Егорова М.А. Современные правовые проблемы права и экологии в условиях цифровой трансформации общественных отношений, предпринимательской деятельности и глобальных климатических изменений // Предпринимательское право. – 2023. – № 1. – С. 2–7; Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Тенденции и перспективы развития законодательства в сфере обеспечения климатической безопасности Российской Федерации // Юрист. – 2022. – № 9. – С. 24–27.

загрязнения для достижения главной стратегической цели – 100% климатической нейтральности (нулевых нетто-выбросов всех парниковых газов государствами ЕС с 2050 г.).

Климатическая повестка, как отмечают эксперты, находит свою реализацию в том числе через ESG-стратегии, ключевым компонентом в которых является корпоративное управление для достижения целей устойчивого развития. Тема устойчивого развития, климатическая повестка и оценка рисков влияния изменения климата, а также оценки ESG-рисков по-прежнему будут играть важную роль в части регулирования деятельности бизнеса разных отраслей экономики и отдельных компаний¹.

В целом развитие правового регулирования в связи с актуальностью климатической повестки представляется особенно важным. Предлагаются различные подходы, например, применение концепции опережающего воздействия права и формирования концепции нормативно-правовых комплексов² в сфере энергетики и сохранения климата для реализации стратегических целей России. Представляет особый интерес национальная концепция развития зеленого права³, которая использует концепцию энергетического перехода к зеленой энергетике в рамках устойчивого развития в совокупности с выработкой адекватных правовых принципов и методов регулирования, соответствующего понятийного аппарата.

Изменение климата имеет и экономическую оценку и последствия. Так, по оценкам Международного валютного фонда⁴, глобальные климатические изменения представляют серьезную

¹ См.: Крылова А. ESG-перезагрузка // Банковское обозрение. – 2023. – № 5. – С. 36–39; Карцхия А.А. Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата // Гражданское право. – 2022. – № 2. – С. 16–20.

² См.: Тихомиров Ю.А. Креативные регуляторы в правовом и виртуальном пространстве // Журнал российского права. – 2023. – № 3. – С. 5–16.

³ См.: Новикова Е.В. Зеленая экономика и зеленое право: мировые тенденции // Экологическое право. – 2020. – № 3. – С. 13–19.

⁴ См.: IMF Strategy to Help Members Address Climate Change Related Policy Challenges—Priorities, Modes of Delivery, and Budget Implications, 2021 International Monetary Fund. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2021/07/30/IMF-Strategy-to-Help-Members-Address-Climate-Change-Related-Policy-Challenges-Priorities-463093> (дата обращения: 03.02.2024).

угрозу долгосрочному росту и процветанию и оказывают прямое влияние на экономическое благополучие всех стран. В связи с этим практическое значение имеют установление минимальных международных цен на углерод, переход к зеленой экономике, корректировка выбросов углерода на границах, расширение частного климатического финансирования в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, укрепление архитектуры климатической информации, налогово-бюджетная политика в поддержку адаптации, а также зеленые государственные инвестиции и управление государственными финансами.

Кроме того, исследования последних лет показали¹, что сектора экономики чистой и возобновляемой энергетики имеют первостепенное значение в нынешнюю эпоху деградации окружающей среды и изменения климата, что отражается в индексе неопределенности климатической политики (CPU) и влияет на волатильность акций экологически чувствительных отраслей по возобновляемым источникам энергии, в частности в энергетике, транспорте, горнодобывающей промышленности, общем промышленном производстве, зеленой экономике США, стран Европы и Азии.

Заключение

Антропогенные последствия и изменения климата, как отмечается в докладе ООН The Global Stocktake, ощущаются во всем мире. Итоги климатического саммита COP28 демонстрируют важность сохранения в силе цели Парижского соглашения по ограничению повышения температуры на 1,5°C выше доиндустриального уровня, что потребует большей и устойчивой приверженности целям и задачам соглашения и более тесного и активного взаимодействия государственных органов, частных компаний и гражданского общества стран – участниц климатического саммита COP28.

¹ См.: Climate Change and Volatility Forecasting: Novel Insights from Sectoral Indices / Ghani U., Bo Zhu, Feng Ma, Ghani M. // Journal of Climate Finance. – 2024. – Vol. 6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/377580299_Climate_Change_and_Volatility_Forecasting_Novel_Insights_from_Sectoral_indices (дата обращения: 03.02.2024).

Глобальный характер климатических изменений и его социально-экономических последствий требует полноценного и равноправного международного взаимодействия Российской Федерации и других стран мира на принципах технологической нейтральности и сбалансированности действий для обеспечения устойчивого развития в интересах реализации общих целей мировой климатической повестки.

**КОДАНЕВА С.И.¹ ЭКОЛОГИЯ ПИТАНИЯ КАК ОСНОВА
БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПРА-
ВОВЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН ТИХООКЕАН-
СКОГО РЕГИОНА)**

Аннотация. Биологическая безопасность человека зависит от множества факторов, одним из которых является качество потребляемого им продовольствия, поскольку некачественные продукты, содержащие остатки вредных и даже опасных веществ, приводят к росту заболеваний. В настоящей статье рассмотрены примеры правового регулирования и практики развития отрасли органического сельского хозяйства в различных странах Тихоокеанского региона. Выявлены основные препятствия для рынка органических продуктов, а также полезный опыт других стран в устранении таких препятствий.

Ключевые слова: биологическая безопасность; органические продукты; органическое сельское хозяйство; экологически чистые продукты; качество продуктов питания.

KODANEVA S.I. Nutrition ecology as the basis of human biological safety: legal aspects (on the example of the countries of the Pacific region)

Abstract. Human biological safety depends on many factors, one of which is the quality of the food they consume, since low-quality products containing residues of harmful and even dangerous substances lead to an increase in diseases. This article examines examples of legal regulation and practice of the development of the organic agriculture

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

industry in various countries of the Pacific region. The main obstacles to the organic market have been identified, as well as the useful experience of other countries in removing such obstacles.

Keywords: biosafety; organic products; organic agriculture; environmentally friendly products; food quality.

Для цитирования: Коданева С.И. Экология питания как основа биологической безопасности человека: правовые аспекты (на примере стран Тихоокеанского региона) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 52–68. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.05

Введение

Биологическая безопасность человека зависит от множества факторов, влияющих на его анатомическую, физиологическую и личностную безопасность. При этом базовым условием для нормальной жизнедеятельности является физиологическая безопасность человека, которая обеспечивается за счет сочетания таких факторов, как физическая неприкосновенность, охрана здоровья, качественная и своевременная медицинская помощь, здоровое питание и благоприятная окружающая среда¹.

Особую роль в физиологической безопасности человека играет именно качественное питание. Не случайно в последние десятилетия наблюдается рост заболеваемости из-за низкого качества продуктов питания², в том числе – хроническими болезнями, такими как опасные для жизни аллергии³. Это обусловлено попаданием в

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Право на биологическую безопасность: формирование понятия и перспективы законодательного регулирования // Контуры глобальных трансформаций. – 2023. – Т. 16, № 5.

² См.: Ng S., Shao S., Ling N. Food Safety Risk-Assessment Systems Utilized by China, Australia, New Zealand, Canada, and the United States // Journal of Food Science. – 2022. – Vol. 87. – P. 4780–4795. – URL: https://www.researchgate.net/publication/364743289_Food_safety_risk-assessment_systems_utilized_by_China_AustraliaNew_Zealand_Canada_and_the_United_States (дата обращения: 10.01.2024).

³ См.: Identifying Key Priorities for Research to Protect the Consumer with Food Hypersensitivity: A UK Food Standards Agency Priority Setting Exercise / Turner P.J., Andoh-Kesson E., Baker S. [et al.] // Clinical and Experimental Allergy. – 2021. – Vol. 51. – P. 1322–1330. – URL: https://www.researchgate.net/publication/364743289_Food_safety_risk-assessment_systems_utilized_by_China_AustraliaNew_Zealand_Canada_and_the_United_States

пищу опасных или вредных добавок вследствие загрязнения окружающей среды и использования синтетических препаратов в сельском хозяйстве.

Следует отметить, что еще относительно недавно – чуть более века назад – сельское хозяйство во всем мире было органическим, т.е. основанным на естественных биологических циклах и севообороте, что обеспечивало самовоспроизводство плодородия почв и достаточно низкий уровень эпизоотий. Однако индустриализация конца XIX – начала XX в. привела к развитию пищевой промышленности, требующей большого количества сырья. Это стало основой для перехода к массовому выращиванию монокультур и крупных поголовий скота и, как следствие, к потере биоразнообразия, снижению плодородия почв, росту заболеваний и т.д. Для решения этих проблем стали в больших объемах использоваться различные химические вещества: пестициды и гербициды, гормоны роста и антибиотики и т.д.

Однако страдают от этого не только потребители, в организм которых остатки указанных вредных веществ попадают с пищей, но и фермеры, непосредственно контактирующие с этими веществами. Неслучайно уже во второй половине XX в. стал подниматься вопрос о необходимости ограничения или даже полного отказа от химикатов в сельском хозяйстве. Еще в 1963 г. во исполнение резолюций, принятых в 1961 г. на 11 сессии конференции Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) и 16 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения – высшего органа ВОЗ – была создана так называемая Комиссия Codex Alimentarius для реализации совместной программы ФАО и ВОЗ по стандартизации пищевых продуктов. Комиссия разрабатывает и утверждает стандарты, методические указания, нормы и правила, в том числе относящиеся к органическим продуктам¹. Эти докумен-

[on/353096403_Identifying_key_priorities_for_research_to_protect_the_consumer_with_food_hypersensitivity_A_UK_Food_Standards_Agency_Priority_Setting_Exercise](https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/organic-agriculture) (дата обращения: 10.01.2024).

¹ Согласно Codex Alimentarius, органическое сельское хозяйство – это целостная система управления производством, которая способствует здоровью агроэкосистем, включая биоразнообразие, биологические циклы и биологическую активность почвы.

ты являются основой для гармонизации национального законодательства, в том числе в соответствии с требованиями ВТО.

В 1972 г. создана Международная федерация экологического сельскохозяйственного движения (далее IFOAM – International Federation of Organic Agricultural Movements), основная задача которой – внедрение более экологичных подходов в хозяйствование. Эта организация разработала несколько стандартов качества сельскохозяйственной продукции, три из которых непосредственно относятся к производству органической продукции: Общие цели и требования органических стандартов (COROS); Стандарт IFOAM для системы органического производства и переработки и Требования аккредитации для органов по сертификации, контролирующим органическое производство и процессы переработки¹.

Соответственно, те страны и компании, которые участвуют в международной торговле продуктами питания (и как поставщики, и как потребители), стремятся в той или иной степени соответствовать указанным документам, хотя уровень этого соответствия может достаточно сильно различаться. Рассмотрим это на примере стран Тихоокеанского региона, в число которых входит и Россия. Выбор региона исследования обусловлен тем, что он объединяет как развитые, так и развивающиеся страны, представляющие весь спектр примеров развития органического сельского хозяйства.

Правовое регулирование органической продукции в разных странах

Российская Федерация

В России нормативную базу, регулиующую производство и продажу органической продукции, составляют Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об органической

¹ Согласно определению IFOAM, органическое с/х – это производственная система, поддерживающая здоровье почв, экосистем и людей. Она опирается на экологические процессы, биоразнообразие и циклы, адаптированные к местным условиям, а не на использование ресурсов с неблагоприятными последствиями. Органическое с/х сочетает в себе традиции, инновации и науку, принося пользу общей окружающей среде и способствуя справедливым отношениям и хорошему качеству жизни для всех участников.

продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и подзаконные акты¹.

В целом российское законодательство опирается на стандарты и определения ИФОАМ, предусматривая добровольную сертификацию органической продукции. При этом закреплено, что использовать маркировку органической продукции вправе только те производители, которые получили соответствующие сертификаты. Однако никакой ответственности за нарушение этого требования в российском законодательстве не предусмотрено, хотя использование указанной маркировки без сертификации можно рассматривать как введение потребителей в заблуждение, что подпадает под ст. 14.7. КоАП РФ («Обман потребителей»).

¹ См., напр.: приказы Министерства сельского хозяйства РФ: от 19.11.2019 № 633 (ред. от 17.04.2023) «Об утверждении порядка ведения единого государственного реестра производителей органической продукции, в том числе порядка предоставления органами по сертификации сведений, предусмотренных частью 3 статьи 6 Федерального закона “Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, а также порядка предоставления информации о наличии или об отсутствии сведений о производителях органической продукции в едином государственном реестре производителей органической продукции»; от 19.11.2019 № 634 «Об утверждении формы и порядка использования графического изображения (знака) органической продукции единого образца»; Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.3.2.1078-01.2.3.2 № 36 «Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 06.11.2001 (ред. от 06.07.2011)), VI раздел которых посвящен органическим продуктам, а также ГОСТы: ГОСТ Р 56104-2014 «Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые органические. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10.09.2014 № 1068-ст); ГОСТ 33980-2016 «Межгосударственный стандарт. Продукция органического производства» (действует на территории ЕАЭС) (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 22.11.2016 № 1744-ст (ред. от 01.03.2022)); ГОСТ Р 57022-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Продукция органического производства. Порядок проведения добровольной сертификации органического производства» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 05.08.2016 № 906-ст (ред. от 28.02.2022)); и ГОСТ Р 59425-2021 «Продукция органическая из дикорастущего сырья. Правила сбора, заготовки, переработки, хранения, транспортировки и маркировки» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 14.04.2021 № 212-ст).

Особенностью российского законодательства до недавнего времени являлась некоторая неопределенность в понятийном аппарате. Так, согласно Закону № 280-ФЗ, *органическая продукция* – экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует установленным требованиям. При этом использование термина «экологически чистый продукт» в названии и при нанесении информации на потребительскую упаковку пищевого продукта, а также «использование иных терминов, не имеющих законодательного и научного обоснования», прямо запрещено и упомянутыми выше СНИПами, и иными нормативными актами РФ и Таможенного союза¹. При этом следует заметить, что никакой ответственности за использование подобных обозначений в законодательстве РФ не установлено.

Это стало основой для научной дискуссии относительно соотношения указанных понятий и наличия различий между такими категориями продуктов, как «*органические*» и «*экологически чистые*»². Действительно, мировая практика показывает, что требования к «экологически чистым» и «органическим» продуктам могут заметно различаться. Тем не менее российский законодатель пошел по пути признания указанных понятий фактически эквивалентными. Согласно Федеральному закону от 24.07.2023 № 367-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона “Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» (вступает в силу 1 сентября 2024 г.), продукты питания могут быть маркированы

¹ См., напр.: Решение Комиссии таможенного союза от 28.05.2010 № 299 «О применении санитарных мер в Евразийском экономическом союзе», Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 51074-2003 «Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования».

² См., напр.: Проблема кодификации «органических продуктов питания»: теоретико-методологические аспекты системного анализа и правового регулирования / Воронин Б.А., Воронина Я.В., Стожко Д.К., Стожко К.П. // Аграрный вестник Урала. – 2023. – № 5 (234). – С. 97–107; Коваленко М.А. Законодательное регулирование понятий «органическая продукция» и «экологически чистый продукт» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 10, октябрь. – С. 126–132. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/193061.htm> (дата обращения: 10.01.2024).

словами «биодинамический», «биологический», «экологический», «экологически чистый», «зеленый», а также обозначениями «эко» и «био». Таким образом, по смыслу статьи получается, что все эти обозначения относятся к органической продукции. Вместе с тем возникает противоречие между нормативными правовыми актами Российской Федерации и законодательством Таможенного союза, который рассматривает такую маркировку как «научно необоснованную» и прямо запрещает ее использовать. Очевидно, что до момента вступления в силу вышеназванного Федерального закона № 367-ФЗ потребуется устранить это противоречие, либо уточнить условия, при которых подобная маркировка может быть использована (например, на иностранных товарах, имеющих соответствующие сертификаты).

Китай

Китай относительно недавно стал проявлять интерес к органическому с/х, поскольку ранее приоритет отдавался количеству, а не качеству производимого продовольствия. Соответственно, использовались самые жесткие методы хозяйствования, что привело к высокому уровню загрязнения почв и водоемов. Тем не менее по мере экономического роста и повышения покупательной способности населения стал расти и спрос на «чистые» продукты. Сегодня Китай – третья в мире страна по количеству земель, отведенных под органическое земледелие (после Австралии и Аргентины)¹.

В 1990 г. Министерство сельского хозяйства страны инициировало программу «Зеленых продуктов питания». В 1992 г. для управления этой программой был создан Китайский центр развития экологически чистых продуктов питания, который занимается сертификацией и выдачей разрешений на использование соответствующей маркировки. В 1994 г. Государственное управление по охране окружающей среды учредило Центр разработки органических продуктов питания при Нанкинском институте наук об окру-

¹ См.: Li H. Regulatory Issues on Organic Food in China // Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds Goh B., Price R. – Singapore, 2020. – P. 119–134. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-15-3580-2_8 (дата обращения: 11.01.2024).

жающей среде, а затем открыло 23 местных филиала для контроля качества органических продуктов на местах. С 2001 г. Министерство сельского хозяйства Китая реализует общенациональный План перехода на экологически чистые сельскохозяйственные технологии. Затем были запущены программы «зеленых» и «органических» продуктов.

Таким образом, в Китае нет путаницы в понятиях, но существует трехуровневая система качества: 1) все продукты питания должны соответствовать минимальным требованиям безопасности, закрепленным в Плане; 2) для признания продукта «зеленым» или «экологически чистым» требуется его сертификация в соответствии с установленными требованиями, в том числе касающимися допустимых остатков синтетических веществ (пестицидов и т.п.); 3) «органические» продукты – это самый высокий уровень качества, также требующий отдельной сертификации. Для признания продукта «органическим» не допускается не только использование синтетических веществ при его выращивании, обработке и упаковке, но и использование ГМО. Сельскохозяйственные производители обязаны соблюдать естественные природные циклы и придерживаться традиционных экологических принципов ведения хозяйства. Китайский стандарт «органических» продуктов, принятый в 2006 г. (затем дважды обновлявшийся в 2011 и 2019 гг.), и процедуры сертификации основываются на документах IFOAM и признаны этой организацией. В стране допускается получение сертификатов как в национальных аккредитованных организациях, так и в иностранных (единственное требование – трехлетний стаж деятельности).

Без прохождения процедуры сертификации производители не вправе использовать обозначение «органический» или сходное с ним. Кроме того, каждый продукт, прошедший сертификацию, получает уникальный номер и включается в единую базу, по которой можно проверить его подлинность. Использование органической маркировки без наличия сертификата, а также подделка сертификата влекут штраф. Предусмотрены ежегодные проверки производителей, которые могут лишиться сертификата в случае выявления нарушений. Однако, как отмечает Х. Ли¹, штрафы в Ки-

¹ См.: Li H. Op. cit. – P. 119–134.

тае слишком низкие, а контроль – недостаточно жесткий, что приводит к нарушениям и злоупотреблениям. Кроме того, процедура сертификации слишком длительная и дорогая, что делает ее недоступной для мелких производителей.

Индия

В Индии проблему недоступности лицензирования органической продукции для малых предприятий и фермеров решили посредством создания системы гарантий участия (PGS), похожей на российскую систему саморегулируемых организаций (СРО). Так, мелкие фермеры могут объединяться вместе и проводить друг у друга проверки соответствия установленным требованиям (что эквивалентно сертификации), тем самым гарантируя качество всей продукции, произведенной в рамках объединения. Кроме того, объединения фермеров централизованно реализуют переработку, маркетинг и продажу продукции. На национальном уровне программой PGS руководит Национальный центр органического земледелия.

Что касается крупных производителей, то они обязаны проходить процедуру сертификации, которая в Индии строже, чем в Китае, и соответствует стандартам ЕС. Нормативной основой системы является Закон о безопасности и стандартах пищевых продуктов 2006 г. и Правила безопасности и стандарты пищевых продуктов (органические продукты питания) 2017 г., которые, помимо требований к качеству органических продуктов, охватывают маркировку, транспортировку, хранение, распространение, розничную продажу и импорт сертифицированных органических продуктов. Правила запрещают любому лицу, не соблюдающему их требования, заниматься любой коммерческой деятельностью, связанной с органическими продуктами питания. Допускается сертификация в Национальном центре органического земледелия, по системе PGS, или в признанных в Индии иностранных аккредитованных организациях. Соответственно, на товаре должно быть указано, в какой из данных систем товар сертифицирован. Начиная с 2019 г. в Индии существует единый национальный логотип «Джайвик Бхарат». Импортируемые товары, если они сертифицированы в стране-экспортере, не требуют повторной сертификации в Индии. В Ин-

дии, так же как и в Китае, создана онлайн-платформа прослеживаемости органической продукции¹.

Канада

В Канаде органическая сертификация – это гарантия того, что все пищевые продукты, в которых используется термин «органические», на самом деле производятся и перерабатываются здоровым и безопасным способом². Нормативную основу составляют Закон о безопасных продуктах питания для канадцев 2012 г. (вступил в силу в 2019 г.), Стандарты органических продуктов Канады (COS), которые обновляются каждые пять лет, Общие принципы и стандарт управления 2013 г., Списки разрешенных веществ 2013 г. и Общие принципы аквакультуры, стандарты управления и списки разрешенных веществ 2013 г.

Для того чтобы пищевой продукт был сертифицирован как органический, все производители, переработчики и работники цепочки поставок должны соответствовать требованиям, изложенным в COS. Заявитель должен обратиться в орган по сертификации, аккредитованный Канадским агентством по инспекции пищевых продуктов, быть способен продемонстрировать полную прослеживаемость своей продукции и быть открытым для проверки независимой третьей стороной. Как только продукция фермера или предприятия проходит соответствующую сертификацию, ему разрешается использовать как термин «органический», так и логотип Canada organic в маркировке и маркетинге своей продукции. После чего он ежегодно будет подвергаться строгой проверке соблюдения установленных требований.

¹ См.: Nathani S.A., Mollah M. Regulatory Framework for Organic Food Safety in India // Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds. Goh B., Price R. – Singapore, 2020. – P. 135–151. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-15-3580-2_9 (дата обращения: 11.01.2024).

² Phillips A.C. Canadian Organics: Enhancing Food Safety and Trade Growth Through Regulatory Harmonization and International Collaboration/ Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds. Goh B., Price R. – Singapore, 2020. – P. 249–262. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-15-3580-2_15 (дата обращения: 11.01.2024).

Однако указанный логотип не используется на местной продукции, которая не пересекает границ одной провинции Канады. Соответственно, каждая провинция вправе устанавливать собственные требования и правила маркировки для такой продукции. Например, собственные системы сертификации существуют в Нью-Брансвике, Новой Шотландии, Манитобе, Квебеке и Британской Колумбии. В двух последних также существует собственная официальная маркировка, которая может наноситься на всех продуктах, произведенных в этих провинциях.

Что касается импорта, то Канада признает только сертификаты, выданные аккредитованными организациями тех стран, с которыми у нее заключены соглашения об эквивалентности¹.

США

Соединенные Штаты Америки были первой страной в мире, где органическое сельское хозяйство стало пользоваться популярностью, поэтому здесь рынок органической продукции наиболее развит. Однако особенностью данной страны является то, что полномочия по регулированию качества продуктов питания разделены между федерацией и штатами, а также между различными органами власти. В результате каждый штат устанавливает собственные стандарты «органической» продукции, которые сильно различаются. Кроме того, не существовало достаточных гарантий безопасности такой продукции, поскольку отказ от синтетических веществ при сохранении индустриальных методов ведения с/х приводит к росту вспышек различных инфекций, в том числе опасных для людей. Это вынудило национальное правительство США принять в 1990 г. Акт об органических продуктах, содержащий единые требования, распространяющиеся не только на продукты, произведенные в США, но и на импортируемые из других стран. Однако контрольные функции оставались по-прежнему крайне фрагментированными. Кроме того, следуя неолиберальной политике, в США, в отличие от других стран мира, реализуется подход, основанный на самопроверках производителей, декларирующих соот-

¹ В настоящее время таких соглашений пять: с США (2009), ЕС (2011), Швейцарией (2012), Коста-Рикой (2013) и Японией (2015).

ветствие своей продукции установленным требованиям. Предполагается, что они больше всего заинтересованы в качестве, поскольку от этого зависит их репутация у потребителей. Однако в 2011 г. исследователи подсчитали, что 9,4 млн человек в США страдали теми или иными заболеваниями пищевого происхождения, и 56 тыс. из них были госпитализированы¹. По меньшей мере 15 вспышек заболеваний были связаны с органической продукцией, поскольку отказ от использования синтетических веществ усиливал риски заболеваний, в том числе опасных для человека. Принятый в том же году Акт о модернизации безопасности пищевых продуктов обязывал уполномоченные органы власти определять научно обоснованные минимальные стандарты безопасности продуктов питания, чтобы реализовать риск-ориентированный подход. Теперь производители и поставщики продовольствия обязаны утверждать и соблюдать превентивные меры контроля, основанные на риске. Большинство импортеров продуктов питания обязаны проверять соблюдение их поставщиками законов США о безопасности пищевых продуктов, а Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами занимается сертификацией продуктов высокого риска, поступающих от иностранных производителей, и вправе инспектировать зарубежные предприятия-производители.

Однако все эти требования закона распространяются только на крупные компании, в то время как фермеры, торгующие на местных рынках, могли по-прежнему не соблюдать требования безопасности. Для устранения этого противоречия в 2015 г. вступили в силу Стандарты выращивания, сбора урожая, упаковки и хранения продуктов для потребления человеком, распространяющиеся на всю плодоовощную отрасль. Кроме того, были утверждены Правила превентивного контроля пищевых продуктов для человека; Программа проверки импортных товаров; Правила санитарной транспортировки и Правила защиты пищевых продуктов от преднамеренной фальсификации.

¹ См.: Telesetsky A. Food Safety Law in the United States: Risk Management in the Organic Food Supply Chain // Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds. Goh B., Price R. – Singapore, 2020. – P. 217–228. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-15-3580-2_13 (дата обращения: 11.01.2024).

Однако общий подход, основанный на самопроверках и риск-ориентированном подходе сохранился. Например, компания, закупающая продукцию за рубежом, обязана или сама провести аудит у своего поставщика, или удостовериться в том, что тот уже прошел необходимый аудит. Управление по контролю за продуктами питания и лекарствами также вправе проводить выборочные проверки. Но, по данным 2019 г., менее 30% зарубежных поставщиков проходили такие проверки. Как отмечает А. Телесецкий, это имеет существенные последствия для органической промышленности, поскольку фактически далеко не все товары, поступающие в США из более чем 100 стран и маркируемые как «органические», на самом деле являются таковыми в соответствии со стандартами, установленными Национальным советом по органической продукции¹.

Кроме того, Министерство сельского хозяйства США позволяет использовать отдельные синтетические вещества в органическом с/х, что стало основанием для судебного иска одного из фермеров, который он выиграл, после чего в Акт об органических продуктах были внесены поправки, закрепившие возможность использования неорганических веществ при переработке «органических» продуктов.

Наконец, так же как и в Канаде, в США штаты самостоятельно устанавливают стандарты в отношении продуктов, весь цикл производства и потребления которых находится на их территории. Соответственно, качество продуктов от штата к штату может сильно различаться.

Новая Зеландия

В Новой Зеландии рынок органической продукции регулируется рядом законов: Закон о продуктах питания 2014 г., Закон о продуктах животного происхождения 1999 г., Закон о вине 2003 г. и Закон о добросовестной торговле 1986 г. При этом единого стан-

¹ См.: См.: Telesetsky A. Food Safety Law in the United States: Risk Management in the Organic Food Supply Chain // Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds. Goh B., Price R. – Singapore, 2020. – P. 217–228. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-15-3580-2_13 (дата обращения: 11.01.2024).

дарта, устанавливающего требования к «органической» продукции, не существует. В соответствии с Соглашением о совместной системе стандартов на пищевые продукты, заключенном в 1996 г. между Новой Зеландией и Австралией, в этих странах действует Австралийско-Новозеландский кодекс пищевых стандартов, который регулирует использование вспомогательных веществ для обработки, красителей, добавок, витаминов и минералов, состава некоторых пищевых продуктов, включая стандарты для генетически модифицированных продуктов. Он также касается правил маркировки. Однако стандартов для органического производства он также не содержит.

Таким образом, в Новой Зеландии нет законов, регулирующих использование термина «органический» или устанавливающих конкретные стандарты для органического производства. Такие продукты должны соответствовать тем же стандартам безопасности пищевых продуктов и потребительским стандартам, которые применяются ко всем продуктам питания, продаваемым в Новой Зеландии.

Вопросы производства и маркировки органических продуктов в этой стране регулируются различными неправительственными организациями. Основными частными сертифицирующими агентствами являются: BioGro Organic Standards; AsureQuality Organic Standard; Demeter; Hua Parakore и OrganicFarmNZ. Так, например, BioGro является крупнейшей в Новой Зеландии организацией по сертификации органических продуктов и принадлежит Ассоциации почвы и здоровья. Использование логотипа BioGro гарантирует, что продукт изготовлен без испытаний на животных, генетических модификаций или пестицидов. Сертификат BioGro признан на международном уровне и аккредитован IFOAM. Organic Farm NZ предназначена для небольших местных предприятий, поставляющих продукцию на рынок Новой Зеландии, поскольку предлагает недорогой вариант сертификации, при которой группа из трех-пяти производителей проверяет друг друга. Независимый аудитор изучает только документы и ежегодно проверяет одного из членов группы по очереди¹.

¹ См.: Epps T., Wheeler D. Regulation of the New Zealand Organics Sector // Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds. Goh B., Price R. –

Таиланд

Аналогичным образом, в Таиланде сертификацией органических продуктов занимаются преимущественно неправительственные организации, крупнейшей из которых является созданный в 2001 г. Фонд сертификации органического сельского хозяйства Таиланда – независимая НКО по сертификации. Фонд утвердил собственные органические стандарты, а его сертификация признана IFOAM, а также рядом иностранных государств. В Северном Таиланде функционирует собственный орган по сертификации – Northern Organic Standards Organization, которая, однако, не имеет международного признания. Кроме того, услуги по сертификации предлагают такие государственные организации, как Департамент риса (предлагает сертификацию органического риса), Институт органического растениеводства при Министерстве сельского хозяйства (предлагает сертификацию иных растительных культур), Ферма органической аквакультуры и центр сертификации продукции при Министерстве рыболовства (предлагает сертификацию для аквакультуры) и Департамент животноводства (предлагает сертификацию для домашнего скота), которые опираются на утвержденные в 2003 г. государственные стандарты для органической продукции («Сельскохозяйственный стандарт Таиланда TAS 9000-2003: Органическое сельское хозяйство, часть 1: Производство, переработка, маркировка и маркетинг органического сельского хозяйства»).

Что касается местных фермеров, то они либо продают свою продукцию на местных рынках без какой-либо сертификации, либо объединяются в союзы и ассоциации, реализуя свою продукцию через специализированные торговые точки. Однако, хотя они и обозначают свою продукцию как «органическую», но сертификации также не проходят, поскольку в Таиланде не существует нормативных запретов на использование слова «органический». Официальным обозначением для органической продукции, прошедшей сертификацию, является «Organic Thailand». Данную маркировку вправе использовать только сертифицированные производители, в

товаре которых 95% составляет органический продукт. Однако, как показало проведенное в 2016 г. исследование, товары с указанной маркировкой имели высокий уровень химического и микробиологического загрязнения: 25% сертифицированных органических продуктов в супермаркетах содержали химические остатки, превышающие допустимые уровни¹. Это связано с тем, что никакой ответственности за несоблюдение установленных требований и использование органической маркировки на товарах ненадлежащего качества в Таиланде не предусмотрено.

Заключение

Из рассмотренных в статье примеров разных стран можно видеть, что органическое сельское хозяйство в целом в мире находится на стадии становления. Даже у таких лидеров отрасли, как США, по-прежнему сохраняется множество проблем с обеспечением качества и безопасности органических продуктов. Наиболее общими проблемами и даже преградами для развития органического хозяйства являются общее качество окружающей среды, поскольку многие загрязнения сохраняются в почвах много лет или могут снова попадать в нее с соседних неорганических ферм и даже из отдаленных производственных компаний через воду, поэтому такая почва и вода оказываются непригодными для выращивания органических продуктов, даже если фермеры не используют запрещенные вещества.

Еще одной общей проблемой является сложность, длительность и высокая стоимость процедур сертификации, делающие ее недоступной для большинства мелких производителей. Так, во всех рассмотренных странах установлены переходные периоды, в течение которых производители уже обязаны соблюдать строгие стандарты, но еще не могут маркировать свою продукцию как органическую, а, следовательно, и продавать ее по более высокой цене. В свою очередь, цены на такую продукцию сами по себе яв-

¹ См.: Chitov T. Understanding Production and Safety Situations of Organic Food in Thailand // Regulatory Issues in Organic Food Safety in the Asia Pacific / eds. Goh B., Price R. – Singapore, 2020. – P. 171–198. – URL: https://doi.org/10.1007/978-981-15-3580-2_11 (дата обращения: 11.01.2024).

ляются сильным препятствием для развития рынка органических товаров, поскольку в большинстве рассмотренных стран (за исключением США и Канады) превышают цены на обычную сельхозпродукцию в три-пять раз, что делает ее недоступной для большинства потребителей.

Наконец, значимым негативным фактором, подрывающим доверие к органической продукции, является «органическое мошенничество» – использование маркировки на товарах, не соответствующих установленным стандартам и / или не имеющим соответствующих сертификатов. Тем не менее изучение опыта различных стран мира, в том числе и представленных в настоящей статье, позволяет находить удачные примеры решения многих из рассмотренных выше проблем, а также заимствовать лучшие практики, что является крайне важным для развития российского рынка органической продукции.

АЛЕШКОВА И.А.¹ ПРИНЦИПЫ БИОБЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ²

Аннотация. Рассматриваются основные принципы биобезопасности и направления научных исследований в области обеспечения биологической безопасности в контексте прав человека. Анализируются точки зрения ученых на правовые вопросы, возникающие в связи с применением новых биотехнологий и их влияние на развитие концепции прав человека.

Представленные научные исследования подтверждают многогранность сфер правового регулирования и междисциплинарный характер правового комплекса – обеспечение биологической безопасности. Подчеркивается, что в условиях интенсивного развития биотехнологий идет постепенное изменение парадигмы прав человека.

Ключевые слова: биоправо; биологическая безопасность; права человека; принципы права; охрана здоровья граждан; социальная ответственность.

ALESHKOVA I.A. Principles of biosafety and human rights: current research directions

¹ *Алешкова Ирина Александровна*, ведущий научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Юридического института РУДН.

² Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда <https://rscf.ru/project/23-28-000113/> (Тема: «Право на биологическую безопасность в Российской Федерации: актуальные проблемы правового регулирования и судебной защиты», № 23-28- 00113)

Annotation. The basic principles of biosafety and directions of scientific research in the field of ensuring biological safety in the context of human rights are considered. The points of view of scientists on legal issues arising in connection with the use of new biotechnologies and their impact on the development of the concept of human rights are analyzed.

The presented scientific research confirms the versatility of the areas of legal regulation and the interdisciplinary nature of the legal complex – ensuring biological safety. It is emphasized that in the context of intensive development of biotechnologies, there is a gradual change in the human rights paradigm.

Keywords: biolaw; biological safety; human rights; principles of law, protecting the health of citizens; Social responsibility.

Для цитирования: Алешкова И.А. Принципы биобезопасности и права человека: современные направления научных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 69–83. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.06

Введение

В современный период обеспечение биологической безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики. Многие государства совершенствуют организационно-правовые меры, направленные на защиту населения и окружающей среды от биологического вреда и разнообразных опасных биологических факторов.

Одной из таких мер является создание комплексного правового регулирования биоправа в целях:

- формирования обеспечения биологической безопасности различных сфер жизнедеятельности человека;
- определения стратегии управления биологическими рисками в области обеспечения безопасности пищевых продуктов, общественного здравоохранения, лекарственных средств, продовольственных товаров;
- охраны животных и растений, включая связанные с ними экологические риски, сохранения биоразнообразия;

– создания юридически значимых стандартов поведения, необходимых для защиты экологии человека, в том числе в случае возникновения и распространения болезней и инфекций, а также при использовании генетически модифицированных организмов или микроорганизмов и др.

Вместе с тем активное развитие биотехнологий и постоянно расширяющийся перечень опасных биологических факторов актуализируют внимание ученых на изучении различных и дискуссионных тем биобезопасности человека на основе комплексного междисциплинарного подхода. К числу таких научных исследований можно отнести следующие: новые решения по согласованию публичных интересов с личными правами человека¹; вопросы о праве собственности с учетом изменений, происходящих в естественных науках (включая молекулярную биологию, иммунологию и нейронауки) и сопутствующих им методах (включая репродуктивные технологии и редактирование генов)²; изменения требований к товарам и продукции, ее маркировке, правилам их перемещения³; охрану биоданных; развитие биобанкинга⁴ и другие дискуссионные вопросы, на которых остановимся ниже.

Международные стандарты и права человека: их взаимосвязь в области обеспечения биологической безопасности. Международное сотрудничество, государственные гарантии и права человека занимают центральное место в научных исследованиях, направленных на совершенствование политики обеспечения биологической безопасности, общественного здравоохране-

¹ См.: Moyn S. Basic Needs and Human Rights. Not Enough: Human Rights in an Unequal World. – 2018. – P. 119–145. – URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctv24trcgs.9> (дата обращения 02.02.2024).

² См.: Wichelen S., Leeuw M. Biolegality: How Biology and Law Redefine Sociality // Annual Review of Anthropology. – 2022. – Vol. 51 (1). – P. 383–399.

³ См.: Осауленко Л.Н. Обеспечение безопасности пищевой продукции и защиты прав потребителей в праве Евразийского Экономического Союза // Анализ риска здоровью. – 2018. – № 4. – С. 24–30.

⁴ См.: Ethical, Legal, and Social Implications in Research Biobanking: A Checklist for Navigating Complexity / O. Tzortzatou-Nanopoulou, K. Akyüz, M. Gouisauf, L. Kozera, S. Mežinska, M.Th. Mayrhofer, S. Slokenberga, J. Reichel, T. Croxton, A. Ziaka, M. Makri // Developing World Bioethics. – 2023. – Vol. 1 (12). – URL: <https://doi.org/10.1111/dewb.12411> (дата обращения 02.02.2024).

ния, государственного управления деятельностью по обеспечению биобезопасности, и рассматриваются как средства защиты жизни и здоровья человека, недопущения дискриминации и социального неравенства¹.

Вместе с тем постоянно расширяющийся перечень антропогенных и естественных (природных) биологических рисков, которые могут причинить вред, создать непредсказуемое влияние на физическую и социальную жизнь человека и оказать негативное воздействие на окружающую среду, вызывает потребность в поиске решений по различным направлениям обеспечения биобезопасности.

В научной литературе учеными отмечается ряд сформировавшихся в современный период дискуссионных вопросов в области обеспечения биобезопасности и прав человека. Так, заслуживающей обсуждения темой в период COVID-19 и после его окончания является профилактика инфекционных заболеваний и вакцинация, защита прав человека в процессе вакцинации, его право на свободу передвижения. Ученые обращают внимание на важность достижения баланса как между личными и коллективными правами, так и между исключительными правами изобретателей и общественным интересом в контексте необходимого распространения и доступности вакцин². Другой обсуждаемой научной проблемой является несформированность международно-правовых механизмов, способных обеспечить полноценный контроль над отдельными этапами обращения технологий двойного назначения³. Все чаще поднимается вопрос о необходимости совершенствования стандартов и методов профилактики профессиональных заражений (при работе с патогенами в научных исследо-

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. Юриспруденция. – 2023. – № 2. – С. 7–19.

² См.: Моргунова Е.А., Шахназаров Б.А. Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий : монография. – Москва, 2023. – 152 с.

³ См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки = RUDN Journal of Law. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 541–563.

ваниях, на производстве биопрепаратов и др.) и угроз нозокомальных заражений¹.

Все отмеченные выше вопросы затрагивают не только сферу здравоохранения, которая имеет сложные взаимосвязи в условиях глобализации, но и условия жизни человека в обществе, стране, его защиту от различного рода угроз. По мнению канадского социолога Яньцю Рэйчел Чжоу, при столкновении с общей угрозой будущему человечеству необходимо преодолевать различные экономические, социальные и политические барьеры².

О.А. Ястребов подчеркивает, что «государство как носитель публичного интереса обязано защитить не только права отдельного индивида от посягательств на них, но и общество в целом от тех масштабных угроз, которые могут повлечь массовые инфекционные заболевания, соответственно публичная юридическая обязанность пройти вакцинацию направлена на публичное благо (общее благо), обеспечивающее охрану здоровья как отдельных граждан, так населения в целом»³.

Важную функцию в балансировании законных интересов и формировании универсальных стандартов правового регулирования осуществляют *принципы обеспечения биологической безопасности*. Их развитие происходит с учетом влияния биологически опасных факторов на человека (население), окружающую среду и будущие поколения. Наиболее часто называемыми в научных исследованиях принципами в области биобезопасности и прав человека являются принципы: автономии человека, уважения достоинства человека, приоритета публичных интересов.

Ученый-исследователь из Афинского университета и сотрудник Национальной комиссии по биоэтике Греции – Такис Видалис

¹ См.: Биотерроризм в ряду биологических угроз: прошлое и настоящее / Ю.В. Лобзин, Е.П. Лукин, П.Е. Лукин, А.Н. Усков // Медицина экстремальных ситуаций. – 2018. – № 20 (1). – С. 8–21.

² См.: Zhou Y.R. Vaccine nationalism: contested relationships between COVID-19 and globalization // Globalizations. – 2022. – Vol. 19. – N 3. – P. 450–465. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14747731.2021.1963202> (дата обращения 02.02.2024).

³ Ястребов О.А. Обязательная вакцинация: социальное благо или нарушение индивидуальных прав // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки = RUDN. Journal of Law. – 2022. – Т. 26, N 1. – С. 210–235.

обращает внимание на то, что под «биологической автономией» следует понимать способность любого человека контролировать все функции и данные своего организма как простой биологической сущности. При этом Т. Видалис подчеркивает, что аспект личной автономии «биологической автономии» является очень важным в биоправе, ибо любое вмешательство других в биологическую конституцию человека в конечном итоге влияет на эту уникальное измерение свободы¹.

Несмотря на то что принцип уважения человеческого достоинства используется в конституциях отдельных стран и международных документах расплывчато и многозначно, он сохраняет свою непосредственную действенность при обеспечении биологической безопасности человека. Происходящие попытки корректирования правового регулирования комплекса биобезопасности, благодаря принципу уважения достоинства человека, создают пределы всех форм вмешательства в его биологическую автономию.

Обеспечение баланса между защитой общего блага – здоровья населения и законными интересами человека, его автономией – достигается посредством общей цели – достижения благополучия человека². С.А. Кравец справедливо отмечает, что именно благополучие человека является биоэтическим вектором и ориентиром для конвергенции международного и внутригосударственного права, а также сохранения достоинства человека и культурного разнообразия³.

Ученые из австралийского Университета Дикина Ребекка МакВиртер и Мартин Кларк, анализируя вызвавшее резонанс су-

¹ См.: Vidalis T. The Emergence of Biolaw: the European Experience and the Evolutionary Approach. – 2022. – 319 p. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-02359-0> (дата обращения 02.02.2024).

² См.: Meier B.M., Evans D.P., Phelan A. Rights-Based Approaches to Preventing, Detecting, and Responding to Infectious Disease / Eccleston-Turner M., Brassington I. (eds.) ; Infectious Diseases in the New Millennium // International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. – 2020. – P. 217–253. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7226904/> (дата обращения 02.02.2024).

³ См.: Кравец И.А. Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 7–17.

дебное решение Европейского суда по правам человека по делу «Вавржичка против Чехии» и отмечая указанные в решении содержательные взаимосвязи между правом на уважение частной жизни и правом на здоровье, подчеркивают важность разрешения проблемы на основе согласованности защиты индивидуального и общественного здоровья¹.

Гармонизации публичных, государственных, общественных и частных интересов невозможно достигнуть без единого понимания одной из системообразующих категорий теории конституционного права – «общего блага»².

На наш взгляд, особенность функциональной направленности принципов биобезопасности состоит в том, что они способствуют согласованию правового регулирования в различных нормативных правовых актах, подчеркивают важность автономии биологической сущности человека с его социальной составляющей.

Большой научный интерес вызывает и перспектива расширения системы прав человека. В доктрине отмечаются три тенденции ее преобразования с учетом развития биотехнологий: выделение нового поколения прав (репродуктивных, соматических, нейроправ и др.); создание новых субъективных прав специальных субъектов (детей, женщин, доноров и др.); выделение новых объектов правовой защиты (биоданные, биоресурсы организма человека, интересы будущих поколений, человеческий вид и др.)³.

Эти тенденции вызывают размышления о будущем развитии системы прав человека. Представляется, что в перспективе будут

¹ См.: McWhirter R., Clark M. Expertise, Public Health and the European Convention on Human Rights: Vavříčka vs Czech Republic // *Modern Law Review*. – 2023. – Vol. 86. – P. 1035–1048. – URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12800> (дата обращения 11.02.2024).

² См.: Лихтер П.Л. Правовая категория «общее благо» в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // *Lex russica*. – 2019. – № 4. – С. 78–84.

³ См.: Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С. Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии // *Вестник Пермского ун-та. Юридические науки*. – 2023. – № 4. – С. 568–589; Tripkovic B., Zysset A. Uncovering the Nature of ECHR Rights: An Analytical and Methodological Framework // *Human Rights Law Review*. – 2024. – Vol. 24. – P. 1–22. – URL: <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngad034> (дата обращения 11.02.2024).

формироваться новые права и обязанности человека, расширяться содержательные взаимосвязи универсальных прав человека, а также формироваться концепция и система принципов биоправа, опирающиеся на приоритет общего блага.

Предложение о новых правах человека вызвано потребностью сохранения его биологической целостности¹. Биологическая целостность человека является ключевой в условиях использования биотехнологий. Она, по мнению С. Сяньцзиня, включает в свое содержание «биологическую целостность личности», «биологическую целостность вида», «биологическую целостность индивидуальности»².

Американский правозащитник Пол Матука, раскрывая особенности права на биологическую целостность, отмечает, что оно не закреплено в нормативных правовых актах, но применительно к американской правовой системе выводится из 14-й поправки Конституции США, гарантирующей жизнь, свободу и собственность, а также равную защиту законом. П. Матука подчеркивает, что биологическая целостность – это состояние, при котором окружающая среда способна продолжать поддерживать человеческую жизнь, она необходима для осуществления прав человека, ибо невозможно осуществлять права, если экосистема и окружающая среда не могут поддерживать жизнь человека. В своих рассуждениях автор подчеркивает, что право на биологическую целостность, во-первых, направлено на создание и поддержание условий, при которых человек и природа могут существовать в продуктивной гармонии; во-вторых, определяет связи между различными частями экосистемы; в-третьих, признается гарантией качества услуг, необходимых для поддержания жизнедеятельности человека; в-четвертых, взаимосвязано с универсальными правами человека. П. Матука характеризует право на биологическую целостность как

¹ См.: Fischman R.L. The Meanings of Biological Integrity, Diversity, and Environmental Health // Natural Resources Journal. – 2004. – Vol. 44. – P. 989. – URL: <https://digitalrepository.unm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1347&context=nrgj> дата обращения 15.01.2024).

² См.: Сяньцин С. Этический анализ генетически модифицированных технологий (с точки зрения биологической целостности) // Китайские социальные науки. – 2016. – Вып. 6. – С. 68. – URL: http://sscp.cssn.cn/zgshkx/zgshkx201606/201606/t20160621_3078829.html (дата обращения 11.01.2024).

негативное право, запрещающее органам публичной власти предпринимать действия, нарушающие это право, если только действие не носит узкоспециализированный характер и не служит насущному государственному интересу. В своем исследовании ученый отмечает важность права на биологическую целостность для сохранения личной автономии, достоинства личности, равноправия. Обосновывая свою позицию тем, что, когда люди лишены возможности реализовывать свои биологические потребности, например право на чистую воду (приводя в качестве примера случай, когда токсины зараженных водорослей в питьевой воде привели к двум вспышкам заболевания людей), то биологическая сущность человека находится под угрозой. Целостность, по мнению автора, подразумевает широкий диапазон состояний действия, которые могут прямо или косвенно повлиять на экологию человека. В исследовании также отмечается, что право на биологическую целостность взаимосвязано с правом на биологическую неприкосновенность, с правом на благоприятную окружающую среду, а также с правом производить потомство и иметь семью. Тем самым подчеркивается, что право на биологическую целостность является основополагающим для экологии человека. Если людей окружает экосистема, не способная поддерживать их существование и право на биологическую безопасность, все остальные права не имеют значения¹.

Поддерживая позицию ученых о том, что именно права человека могут сыграть важную роль в обеспечении биологической безопасности в условиях стремительного развития биотехнологий, отметим позицию Эндрю Фэгана, специалиста в области прав человека Университета Эссекса, который обращает внимание на то, что наряду с универсальным принципом равенства следует применять принцип достаточности при использовании биотехнологий².

¹ См.: Matouka P. The Fundamental Right to Biological Integrity // *Wayne Law Review*. – 2022. – Vol. 67. – P. 59, 61, 80. – URL: <https://waynelawreview.org/wp-content/uploads/2022/03/67.1-Wayne-L.-Rev-57.pdf> (дата обращения 11.02.2024).

² Fagan A. Not Enough: Human Rights in an Unequal World // *International Dialogue*. – 2018. – Vol. 8. – P. 108–117. – URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1158&context=id-journal> (дата обращения 14.03.2024).

Есть веские основания полагать, что конвергенция принципов международного и конституционного права может стать одной из основных движущих сил, если не главной причиной развития новых прав человека.

Принципы государственного управления в области обеспечения биологической безопасности и права на охрану здоровья. Существенное внимание в научных исследованиях учеными уделяется стратегиям государственного управления в области обеспечения биологической безопасности. Специалисты стремятся найти оптимальный вариант организационно-правовых инструментов, способствующих минимизации неравенства и содействующих человеческому развитию. Особенно отмечается важность совершенствования принципов управления¹.

Ученые обращают внимание на то, что ставший универсальным в области биологического контроля и надзора *принцип предосторожности*, закрепленный в различных международных договорах и сильно укоренившийся в европейском праве, требует переосмысления применительно к некоторым областям биотехнологий. Одни исследователи полагают, что этот принцип в области биотехнологий подавляет инновации, необходимые для обеспечения реализации права на здоровье (в частности, разработки новых лекарственных препаратов, инновационных методик лечения и др.)². Другие отмечают, что именно благодаря его действию обязанности государства в области общественного здравоохранения реализуются более эффективно. Так, шведский философ Свен Уве Хансон подчеркивает, что именно принцип предосторожности, предполагающий, что принимаемые решения должны быть основаны на научных знаниях, обеспечивает качественное государственное управление. В частности, когда научные данные не позволяют провести полную оценку риска, этот принцип, например, используется для прекращения распространения или снятия с рынка про-

¹ См.: Pereira Jr. Sousa Principles for Governance: Strategies for Reducing Inequality and Promoting Human Development. – Springer International Publishing, 2023. – 249 p.

² См.: Schreiber K. Recht und Ethik der Risikoregulierung in der Grünen Gentechnik: Das Vorsorgeprinzip in der Rechtssache Confédération Paysanne. – Springer Wiesbaden, 2023. – 420 p.

дукции, которая признана опасной. Принцип предосторожности в основном применяется только в случае потенциального риска. На его основе развивается подход к управлению биологическими рисками¹.

Отмечая сущностную (обеспечение надежного уровня защиты биоразнообразия, природных ресурсов и экологии человека) и функциональную (превентивный характер при принятии решений в случае непредсказуемого риска жизни и здоровью человека) направленности принципа предосторожности, специалисты подчеркивают его востребованность в области экологического права, в том числе управления природными ресурсами. Вместе с тем не отрицается значимость этого принципа при осуществлении государственной потребительской политики в целях формирования законодательства, регулирующего производство и оборот лекарственных препаратов, биологически активных добавок, продуктов питания, а также оборот и выращивание животных и растений.

Государственное управление в области обеспечения биобезопасности основывается также на *принципе взаимосвязи различных видов безопасности* (национальной, экологической, биологической, продовольственной, продуктовой, энергетической, климатической и др.) и *принципе согласованности мер и действий органов публичной власти при реагировании на чрезвычайные ситуации*, в том числе возникающие в области биологической безопасности².

Во многих научных исследованиях подчеркивается важность *принципов повышения осведомленности населения в вопросах обеспечения биологической безопасности и соразмерности ограничений прав человека и недискриминации в условиях введения в действие особых правовых режимов, согласованности прав и обязанностей и др.*

¹ См.: Hansson S.O. How Extreme Is the Precautionary Principle? // *Nanoethics*. – 2020. – Vol. 14 (3). – P. 245–253.

² См.: Арчаков В.Ю., Савков П.И. Зарубежный опыт обеспечения биологической безопасности в контексте современных вызовов и угроз // *Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы междунар. науч. конф.*, Минск, 17 дек. 2021 г. / Белорусский гос. ун-т ; редкол.: Е.А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 20–25.

Указанные принципы выступают предпосылкой для формирования доверия общества к принимаемым со стороны государства решениям, ограничительным мерам, ибо повышение осведомленности населения, усиление биологического контроля в сфере охраны здоровья человека являются наиболее значимыми в области обеспечения биологической безопасности.

Подводя итог, следует отметить, что государственное управление в области развития и применения биотехнологий формируется на основе определенных принципов. Исходя из их функционального предназначения, можно выделить *универсальные* (они устанавливают требования для неограниченного числа лиц) и *релевантные* (принципы-долженствования, способствующие реализации экологического, санитарно-эпидемиологического контроля (надзора), контроля за трансграничным перемещением генно-инженерно-модифицированных организмов и за безопасностью продукции).

Биоресурсы человека, право собственности и патентное право. Вопрос о том, являются ли здоровье, тело, органы, ткани, генетические элементы и другие компоненты человека его собственностью, не утрачивает своей актуальности и обусловлен зависимостью темпов развития биотехнологий с экономическими факторами.

В связи с этим особого внимания заслуживает обоснованные профессором А.А. Моховым концепция взаимосвязи биотехнологий, биобезопасности, биоэкономики¹ и тема запрета коммерциализации ряда биологических материалов (ресурсов) человека. С одной стороны, запрет на коммерциализацию биологических материалов человека обеспечивает противодействие развитию коммерциализации тела человека. С другой стороны, обращение ряда биологических ресурсов на основе договорных отношений имеет значение для развития медицины, репродуктивных технологий, биоинженерии и др.

В научной литературе все чаще поднимается вопрос о необходимости корректировки *принципа запрета на коммерциализацию ряда биологических ресурсов человека*. Например, польские ученые, изучая тему рынка биологического материала человека

¹ См.: Мохов А.А. Концепция трех «БИО» (биотехнология, биобезопасность, биоэкономика) и ее правовое обеспечение // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 9–15.

(БМЧ), проанализировали сложившееся правовое регулирование в странах общего и континентального права, а также многочисленные судебные решения, затрагивающие вопросы по патентованию определенных продуктов, полученных из БМЧ, их коммерческого маркетинга и оплаты за донорство. Этот анализ позволил выявить ряд проблем, в том числе цель введения запрета на коммерческий оборот биологических материалов человека. По их мнению, она состояла в том, чтобы обеспечить непосредственную физическую защищенность донора. Любые риски, потенциальные угрозы и этическая ответственность исключали возможность коммерческого оборота различных биоресурсов человека.

Некоторые разновидности биологических ресурсов человека все же признаются собственностью. Так, мумифицированное тело человека, ставшего музейным экспонатом (египетские мумии), является собственностью музеев; кража капсул с кровью признается как преступление против собственности. В современный период оплодотворенные яйцеклетки выступают предметом собственности. Также допускается коммерческое обращение лекарственных средств передовой терапии, основанных на генах, тканях или клетках. Запрет на коммерциализацию не распространяется на их реализацию, если они были обработаны. Ученые полагают возможным допустить научные исследования крови, плазмы и стволовых клеток из периферической крови, а также мокроты и других выделений. Это, однако, не касается органов, нерегенерирующих тканей (например, фрагментов органов, почек), гамет, тканей гонад, эмбрионов и эмбриональных тканей. Вопрос оплаты получения клеток, тканей и органов после смерти требует обсуждения, как и вопрос развития механизма контроля за исследованиями¹.

Из принципа альтруистического донорства органов трансплантации и крови для клинических целей (переливание) возникла концепция «альтруистического дарения», основанная на принципах прямой помощи больным, межличностной солидарности и гражданской ответственности. Во взаимосвязи с принципом запрета

¹ См.: Pawlikowska J., Pawlikowski J., Krekora-Zajac D. Biobanking of Human Biological Material and the Principle of Noncommercialisation of the Human Body and its Parts // *Bioethics*. – 2023. – Vol. 37. – P. 154–164. – URL: <https://doi.org/10.1111/bioe.13127> (дата обращения 11.02.2024)

на коммерциализацию ряда биологических ресурсов человека реализация принципа альтруистического донорства стала устойчивой практикой. Многие государства не поддерживают финансовое вознаграждение за донорство тканей, исключая любую компенсацию. Запрет на вознаграждение донора / участника исследования обусловлен двумя аспектами. Во-первых, это забота о качестве информированного согласия, которое они дают, во-вторых – это риск нарушения принципа непричинения вреда:

Также вызывает интерес у исследователей вопрос о лицензировании и патентовании биотехнологий¹. Например, Алессандро Штази из Университета Махидол (Таиланд) и Исабель Перейра Родригес из Университета Эворы (Португалия) рассматривают правовые вопросы, возникающие в связи с развитием и применением биотехнологий, включая права интеллектуальной собственности на биотехнологии, используемые при производстве продуктов питания и при осуществлении редактирования генов. Анализ этих вопросов показал, что развитие технологий редактирования генов CRISPR сопровождалось не только революционными научными открытиями и этическими дебатами, но и юридическими спорами по владению патентами и лицензионным соглашениям. В качестве примера приводится патентный спор по поводу «Технология CRISPR», начавшийся еще в 2012 г. Разрешение этого спора позволяет утверждать, что патентные претензии в области биотехнологий – одни из самых сложных, так как существует еще много нерешенных юридических проблем².

Заключение

Изучение научной литературы по вопросу биобезопасности и прав человека показывает, что со стороны ученых идет активное

¹ См.: Patent Power in Biomedical Innovation: Technology Governance in Biomodifying Technologies / Bicudo E., Morrison M. [and others] // The Journal of World Intellectual Property. – 2022. – Vol. 25. – P. 473–494.

² См.: Stasi A., Rodrigues I.P. Dealing With Patent Fragmentation in Genetics: Can Patent Pools Facilitate the Development of CRISPR Gene-Editing Technology? // Journal of Law and Medicine – 2019. – Vol. 26 (4). – P. 866–873; Stasi A. Biotechnology Law and Policy: Emerging Legal Issues, Cases and Materials. – 2023. – P. 137–148.

обсуждение самых разнообразных вопросов. В научных исследованиях последних десятилетий уделяется особое внимание не только новым видам прав человека, но и принципам, способным в условиях интенсивного развития биотехнологий обеспечить интересы личности, общества и государства посредством правового регулирования.

ТРОФИМОВ В.В.¹, ВАРТАНЯН С.Г.² СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА БИОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются понятие, содержание и правовая природа субъективного права граждан на биологическую безопасность и корреспондирующие обязанности государства обеспечивать реализацию этого права. Рассматривается механизм обязательной вакцинации как одного из элементов права на биологическую безопасность. Выявляются элементы относительности субъективного права гражданина на биологическую безопасность и особенности его осуществления. В результате исследования делается вывод о том, что право на биологическую безопасность является комплексным субъективным правом, включающим в себя множество различных аспектов, таких как право на охрану здоровья, на информацию, на благоприятную окружающую среду и др. Относительность права гражданина на биологическую безопасность подтверждается возможностью реализации конкретных правомочий гражданина, закрепленных за ним в законе, и конкретных корреспондирующих обязанностей со стороны государства.

Ключевые слова: биологическая безопасность; субъективное право; относительное субъективное право; общественный договор;

¹ © Трофимов Василий Владиславович, начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», доктор юридических наук, доцент.

² © Вартанян Самвел Гарикович, аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

контрактарианизм; обязательная вакцинация; общерегулятивные правоотношения.

TROFIMOV V.V., VARTANYAN S.G. The subjective right of citizens to biological safety: features of legal regulation and implementation

Abstract. The article analyzes the concept, content and legal nature of the subjective right of citizens to biological safety and the corresponding obligations of the state to ensure the realization of this right. The mechanism of mandatory vaccination is considered as one of the elements of the right to biological safety. The elements of relativity of a citizen's subjective right to biological safety and the peculiarities of its implementation are revealed. As a result of the study, it is concluded that the right to biological safety is a complex subjective right that includes many different aspects, such as the right to health protection, to information, to a favorable environment, etc. The relativity of a citizen's right to biological safety is confirmed by the possibility of realizing the specific powers of a citizen assigned to him in the law, and specific corresponding duties on the part of the state.

Keywords: biosafety; subjective rights; relative subjective rights; social contract; contractual arrangements; mandatory vaccination; general regulatory legal relations.

Для цитирования: Трофимов В.В., Вартамян С.Г. Субъективное право граждан на биологическую безопасность как предпосылка к ее реальному обеспечению // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 84–97. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.07

Введение

Нарастание биологических угроз в современном мире становится все более очевидным¹. В связи с этим различные государст-

¹ См.: ТАСС: Захарова: биологические лаборатории США на постсоветском пространстве могут быть угрозой для России (Официальный представитель МИД России Мария Захарова ; Пресс-служба МИД РФ/ТАСС; 9 марта 2022 г.). – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14006311?ysclid=lrugvi2i78574600402> (дата обращения – 15.12.2023).

ва, в том числе Российская Федерация, уделяют большое внимание проблемам предупреждения и минимизации данных угроз, созданию эффективного механизма обеспечения защищенности населения от биологических опасностей и стараются усиливать систему мер национальной безопасности в этой области.

Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97 были утверждены Основы государственной политики в области химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу (далее – Основы биологической безопасности). Согласно п. 2 Основ биологической безопасности, государственная политика в области обеспечения химической и биологической безопасности является частью системы государственного управления в сфере национальной безопасности Российской Федерации и представляет собой совокупность правовых, медико-биологических, санитарно-эпидемиологических, ветеринарно-санитарных, фитосанитарных, административно-организационных, военных, финансовых, коммуникационных, информационных и других мер, направленных на защиту населения и окружающей среды от негативного воздействия опасных химических и биологических факторов, предотвращение химических и биологических угроз, создание и развитие системы мониторинга химических и биологических рисков, а также на осуществление межгосударственного и международного сотрудничества в области химической и биологической безопасности.

В целях реализации политики биологической безопасности, комплексного регулирования вопросов биологической безопасности и создания на территории РФ системы биологической безопасности для противодействия биологическим угрозам и защиты прав граждан¹ в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о биологической безопасности).

Согласно ст. 1 этого Закона, *биологическая безопасность* – это состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обес-

¹ См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О биологической безопасности Российской Федерации». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850485-7> (дата обращения – 15.12.2023).

печивается допустимый уровень биологического риска. Данное определение может быть в полной мере раскрыто с учетом понимания сопутствующих явлений, таких как «опасный биологический фактор», «биологическая угроза», которые имеют принципиальное значение для понимания масштабов биологической опасности и, соответственно, требуют постоянного мониторинга и верификации.

Субъективное право на биологическую безопасность: его структурные элементы (правомочия) и проблемы регулирования в современном российском законодательстве. Несмотря на то что субъективное право на биологическую безопасность не закреплено в Конституции РФ напрямую, его элементы содержатся в отдельных конституционных положениях: в праве на информацию (ч. 4 ст. 29), праве на труд в условиях надлежащей безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37), праве на охрану здоровья (ст. 41), праве на благоприятную окружающую среду (ст. 42), в процессе обеспечения безопасности граждан при чрезвычайном положении (ч. 1 ст. 56).

В связи с этим можно констатировать, что право на биологическую безопасность имеет конституционно-правовую природу, а также является комплексным субъективным правом, включающим в себя множество различных конституционно-правовых аспектов.

В научной доктрине право гражданина на биологическую безопасность связывается с новым поколением прав человека и включается в новую формирующуюся комплексную отрасль права – биоправо¹.

В соответствии со ст. 6 ФЗ о биологической безопасности в содержание комплексного права гражданина на биологическую безопасность входят субправа, или «правомочия»², рассматривае-

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 41.

² О правомочиях в структуре субъективного права см.: Матузов Н.И. О праве в объективном и субъективном смысле // Изв. вузов. Правоведение. – 1999. – № 4 (227). – С. 129–143; Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва, 2008. – С. 360–369; Цуканов Н.Н., Пономарева В.В., Филипсон К.Ю. Структура субъективного права: общетеоретическая характеристика // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 1 (22). – С. 33–37, и др.

мые в качестве структурных элементов данного субъективного права:

– право на охрану здоровья и охрану окружающей среды от опасных биологических факторов;

– право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов;

– право на получение информации о принимаемых мерах, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей);

– право гражданина на обращение с предложением мер по обеспечению биологической безопасности;

– право на защиту права на биологическую безопасность (в случае его нарушения), которое можно условно добавить в представленный законодательный перечень правомочий, поскольку практически в любом субъективном праве незримо, но достаточно определенно присутствует данный элемент, выражающий возможность субъекта требовать защиты своего права посредством как неюрисдикционных, так и, конечно же, прежде всего юрисдикционных механизмов (в рамках соответствующих административных и судебных процедур).

Как замечает профессор И.А. Умнова-Конюхова, в отечественном законодательстве достаточно узко трактуется право на биологическую безопасность¹. С такой точкой зрения трудно не согласиться. Кроме того, ФЗ о биологической безопасности не предусмотрел специальной защиты права на биологическую безопасность наиболее уязвимых слоев населения, таких как инвалиды, дети, беременные женщины, пожилые люди, а также должного уровня защиты интересов юридических лиц (организаций). То есть, можно утверждать, что правозащитные механизмы в законе не получили своей отчетливой характеристики (каким образом, в каких формах, в отношении каких инстанций и органов возможно обра-

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Московский юридический журнал. – 2023. – № 2. – С. 14.

щаться с требованием о защите прав и законных интересов в области биологической безопасности).

С учетом вышесказанного можно сделать вывод о том, что ФЗ о биологической безопасности является, скорее, пока рамочным, что предполагает внесение в него в последующем дополнений и изменений, обусловленных новыми вызовами и появлением малоизвестных до сих пор биологических угроз.

Основы биологической безопасности в п. 8 предусматривают определенный перечень биологических угроз, таких как модификация свойств и форм патогенных биоагентов, появление и распространение разных инфекций, разработка опасных генно-инженерных технологий и некоторые другие. Кроме того, в научной литературе среди биологических угроз также выделяют климатическое потепление¹, использование ГМО², мусорный экоцид³. В целом же для понимания масштабов биологической опасности для общества и государства и в целях принятия публичной властью необходимых мер противодействия относительно названных угроз следует проводить постоянный мониторинг, а также активнее применять методики и технологии прогнозирования соответствующих рисков.

Особенности правоотношений в механизме реализации субъективного права на биологическую безопасность. Реализация правовых отношений в сфере биобезопасности проявляется не в абстрактных, а конкретных юридических связях, которые возникают при осуществлении относительных субъективных прав, которым соответствуют четко определенные корреспондирующие обязанности. Относительное субъективное право предполагает наличие обязанного лица, в том числе в виде государства (его органов), если речь идет о публичных субъективных правах, и эта обязанность может быть предусмотрена как в договорах (ненорма-

¹ См.: Агафонов В.Б., Жаворонкова Н.Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 190.

² См.: Агафонов В.Б., Жаворонкова Н.Г. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биологической и генетической безопасности // Lex Russica. – 2019. – № 9. – С. 97.

³ См.: Есина Е. Мусорный экоцид в России. – Москва, 2019. – С. 30.

тивных и нормативных), определяющих управомоченные и обязанные стороны в отношениях, так и в нормативных правовых актах государства.

Как отмечает С.А. Сеницын, относительные права являются антагонизмом абсолютных прав, и для их осуществления, возникновения и защиты требуется деятельное взаимодействие нескольких субъектов права. Именно невозможность достижения цели собственными силами вынуждает субъектов вступать в кооперационные связи с иными участниками оборота¹. Для субъективного права на биобезопасность это не может не быть актуальным, так как для осуществления этого права одного пассивного состояния обладания данным правом недостаточно, для его обеспечения требуется активная реализация корреспондирующей обязанности другого субъекта (государства и его органов) по поддержанию состояния биологической безопасности на должном уровне, а также по устранению негативных последствий, если биологическая угроза дала о себе знать.

Связь между гражданами и государством возникает не только как общая (относительно не определенная) правовая связь (в рамках так называемых общерегулятивных правоотношений²), но и как множество относительных правоотношений между конкретными гражданами и органами государственной власти, выступающими от имени государства. Заметим, что такая относительная юридическая связь характеризуется активными действиями со стороны граждан, способных выражать правовые требования к обязанному субъекту права.

Например, согласно Конституции РФ гражданин РФ может обратиться с жалобой в государственный орган. При направлении конкретной жалобы (конкретного заявления) по причине ее (его) направления в соответствующие государственные органы между гражданином и государством возникает относительное правоотношение с корреспондирующими правами и обязанностями обоих субъектов. Применительно к вопросу обеспечения биологической

¹ См.: Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. – 2016. – № 2. – С. 61.

² См., напр.: Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 37–46.

безопасности гражданин вправе направить заявление, например, в Росприроднадзор с требованием о предоставлении информации об окружающей среде в районе его проживания; он также вправе требовать от государства возмещения вреда, причиненного гражданину в результате экологической катастрофы и т.д.

Проблемность существования относительных правоотношений в реализации права на биологическую безопасность связана, с одной стороны, с наличием законодательной основы, определяющей уполномоченных и обязанных субъектов, с другой стороны, с фрагментарностью регулирования корреспондирующих прав и обязанностей гражданина и государства. В частности, ФЗ о биологической безопасности не регулирует должным образом обязанности государства в области обеспечения биологической безопасности и не регламентирует механизм контроля общества за действиями государственных органов. Также данный Закон не устанавливает гарантии возмещения вреда при реализации биологических угроз.

Законодательное регулирование и судебное правоприменение в механизме обеспечения субъективного права на биологическую безопасность. Законодательство о биологической безопасности носит межотраслевой характер, и помимо ФЗ о биологической безопасности включает в себя другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты. Отдельные аспекты биологической безопасности регламентируются федеральными законами: например, от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности»; от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды»; от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»; от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Помимо законодательных актов в области биологической безопасности существует и множество подзаконных актов, детализирующих отдельные вопросы биологической безопасности (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ¹ и др.).

¹ См., напр.: Постановление Правительства РФ от 16.05.2005 № 303 (ред. от 08.08.2020) «О разграничении полномочий федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения биологической и химической безопасности Российской Федерации».

Несмотря на значительное число нормативных правовых актов, регулирующих вопросы биологической безопасности, распределение правовых ролей участников общественных отношений этими актами не столь определенное, что не позволяет в должной степени характеризовать возникающие правовые связи (отношения) как «относительные», т.е. предполагающие наличие как минимум двух сторон, где первая обладает субъективными правами, вторая – субъективными юридическими обязанностями.

По причине известной неопределенности в части наделения субъектов правоотношений в сфере обеспечения биологической безопасности соответствующими правовыми характеристиками (элементами правового статуса), в судебной практике часто возникают споры и коллизии.

Например, подобные споры возникают в области отношений, связанных с созданием и использованием генно-инженерно-модифицированных организмов. Так, Верховный Суд РФ рассмотрел дело № 9-АД23-12-К1, согласно которому региональное Управление Россельхознадзора выявило использование генно-инженерно-модифицированных организмов, которые не прошли государственную регистрацию. В своем постановлении от 19.09.2023 Верховный Суд РФ подтвердил несоответствие данных действий действующему законодательству РФ и оставил в силе постановление заместителя руководителя Управления Россельхознадзора по Нижегородской области и Республике Марий Эл. Такое решение, полагаем, во многом обусловлено тем, что использование подобных организмов, не прошедших государственную регистрацию, может нарушить право на биологическую безопасность населения (граждан).

Одним из аспектов биологической безопасности населения является вакцинация от различных массовых вирусных заболеваний¹. Во время пандемии COVID-2019 производилась массовая вакцинация всего населения, на законодательном уровне вводились массовые ограничения (как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ) на посещение общественных мест, государ-

¹ См.: Панкевич Н.В., Руденко В.В. Вакцинация от COVID-19 в системе национальной безопасности Российской Федерации: согласование частных и публичных интересов // Правоприменение. – 2022. – № 6. – С. 75.

ственных структур, учреждений культуры и т.д. В некоторых субъектах РФ работодатели получили право на отстранение работников от работы из-за отсутствия сертификата о вакцинации COVID-2019 (письмо Федеральной службы по труду и занятости от 13.07.2021 № 1811-ТЗ «О возможности отстранения от работы не привитых от COVID-19 работников»). Отдельные категории граждан (например, военнослужащие), согласно п. 1.1 постановления Главного государственного санитарного врача Минобороны России от 18.06.2021 № 129 «Об обеспечении проведения обязательных профилактических прививок», подлежали обязательной вакцинации вне зависимости от их желания. Основанием для отвода, согласно п. 345 Указа Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 31.07.2022) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации», служило только заключение медицинского работника. Вместе с тем для осуществления государством деятельности в сфере обеспечения здоровья населения (биологической безопасности общества) должны быть более определенные правовые основы, чтобы она не рассматривалась как нечто особенное и зависящее исключительно от усмотрения государственных чиновников, иными словами, по этому поводу должна быть определена четкая связь управомоченных (общество) и обязанных (государство) субъектов права.

Что же касается вакцинации подростков, то они могут быть вакцинированы при согласии хотя бы одного законного представителя. Указанная норма об обязательности наличия заявления от одного из родителей для вакцинации стала предметом рассмотрения в Верховном Суде РФ по делу № АКПИ22-106. Существо спора заключалось в оспаривании двумя несовершеннолетними приказа Минздрава России от 06.12.2021 № 1122-н, согласно которому вакцинация детей от 12 до 17 лет проводится добровольно по письменному согласию одного из родителей. Такого согласия у несовершеннолетних не было, и им не позволили пройти добровольную вакцинацию. Верховный Суд РФ в решении от 21.04.2022 отказал в признании незаконным оспариваемого акта, указав на то, что оспариваемые законоположения не ограничивают права заявителей, а лишь устанавливают необходимый порядок проведения профилактических прививок. Полагаем, что суд вынес в этом случае не вполне корректное решение, тем самым нарушив субъек-

тивное право несовершеннолетних (уже достигших к моменту вакцинации 17 лет) на получение вакцины, которое является важнейшим элементом биологической безопасности, при том условии, что они имели право на информированное согласие. Исходя из текста оспариваемого приказа Минздрава России, несовершеннолетние были фактически лишены возможности реализовать свое субъективное право, несмотря на наличие корреспондирующей обязанности государства, существующей на основании Федерального закона от 17.09.1998 № 157-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней».

В целом, проблема обязательной вакцинации является предметом рассмотрения многих споров, как в Российской Федерации, так и в европейских странах. По существу, в данном случае идет речь о соотношении субъективного права конкретного лица на биологическую безопасность (включая в том числе право на отказ от вакцинации) и субъективных прав других членов общества (в законодательстве на этот счет применяется термин «здоровье населения», «общественное здоровье»).

В этой части интересно проанализировать решение Большой палаты Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Вавричка и другие против Чешской Республики»¹. В этом деле ЕСПЧ рассмотрел вопрос легитимности обязательной вакцинации несовершеннолетних от различных болезней по типу полиомиелита, гепатита и столбняка. Проблема в том, что законодательство Чешской Республики предусматривает наложение административного штрафа в размере 110 евро за нарушение требований обязательной вакцинации. В соответствии с нормами данного законодательства были оштрафованы несколько граждан Чешской Республики, которые отказались прививаться, сославшись на запрет вмешательства в личную жизнь и наличие права на отказ от медицинского вмешательства. Фактически заявители выступали против безответственных прививок, которые имеют много побочных эффектов и создают угрозу иммунной системе их детей.

¹ См.: Дедов Д.И., Гаджиев Х.И. Комментарий к постановлению Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Вавричка и другие против Чешской Республики» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 27.

В итоге ЕСПЧ поддержал государство в этом споре, аргументируя тем, что государство, вводя нормы про обязательную вакцинацию, уделяет первоочередное значение интересам детей в целях развития общества.

Отметим, что данная позиция ЕСПЧ стала основой для принятия аналогичных позиций национальными судами нескольких государств в Европе, которые разбирали вопрос о правомерности норм национального права об обязательной вакцинации. Например, Конституционный суд Франции, рассмотрев несколько похожих жалоб относительно обязательной вакцинации, пришел к выводу о ненарушении законом о вакцинации конституционных прав человека и гражданина¹.

Аналогичную позицию относительно общественной важности вакцинации и законности отстранения от работы в связи с отказом от проведения плановых прививок занимает и Конституционный суд РФ, который в одном из своих определений (Определение Конституционного суда РФ от 21.11.2013 № 1867-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гунтаишвили Валентины Захаровны на нарушение ее конституционных прав Федеральным законом “Об иммунопрофилактике инфекционных болезней”») отметил, что подобные ограничения служат целям, указанным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно целям обеспечения здоровья и безопасности других лиц.

Исходя из сложившейся судебной практики, можно сделать вывод о возможности ограничения права гражданина на биологическую безопасность во взаимосвязи с правом на медицинскую помощь в целях обеспечения биологической безопасности остальных членов общества. Фактически в данном случае происходит пересечение относительных правовых связей между конкретным гражданином и государством и абсолютных – между конкретным гражданином и всем обществом.

¹ См.: Конституционный суд Франции признал законным введение обязательной вакцинации и «паспортов здоровья». – URL: <https://www.rbc.ru/society/05/08/2021/610bff0a9a7947531e675929> (дата обращения: 15.12.2023).

Пример про обязательность вакцинации, если его исследовать через призму общественного договора¹, является реализацией модели контрактарианизма. Контрактарианизм представляет собой форму согласования воли различных заинтересованных лиц и легитимации согласованной воли через институты государства и права. Для контрактарианизма характерно использование частно-правовых конструкций договора, воли, выработки общих условий и т.д. Дэвид Готье, один из авторов данной теории, под контрактарианизмом понимал сотрудничество между независимыми субъектами, обладающими собственными, зачастую корыстными интересами². Джон Ролз описывал теорию контрактарианизма через материальную практичность и пользу для сторон договора³.

В области биологической безопасности эта модель, как представляется, вполне применима и также позволяет конкретизировать формирующиеся относительные правовые связи, обозначить необходимым образом управомоченных и обязанных лиц, наметить схемы реализации механизмов юридической ответственности.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что для реального обеспечения биологической безопасности в государстве требуется произвести законодательное закрепление основных элементов права на биологическую безопасность, подробно описать дефиницию права на биологическую безопасность, установить перечень свойственных ему правомочий и, главное, – показать его связь с коррелирующими юридическими обязанностями тех субъектов, которые будут призваны в полной мере способствовать охране и защите (обеспечению соблюдения и реализации) субъективного права на

¹ Общественный договор между государством и гражданами включает в себя не только относительные правоотношения между гражданином и государством, но и правоотношения между самими гражданами, а также правоотношения между государством и всеми членами общества.

² См.: Соколов Б.О. Концепции общественного договора в современной политической теории : дис. ... канд. полит. наук. – Санкт Петербург, 2014. – С. 83.

³ См.: Ролз Дж. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. – 2-е изд. – Москва, 2010. – С. 52.

*Субъективное право граждан на биологическую безопасность
как предпосылка к ее реальному обеспечению*

биологическую безопасность. В свою очередь, это может потребовать пересмотра, а в определенной части и построения новых компонентов концепции субъективных прав (абсолютных и относительных) в частно- и публично-правовой сферах общественных отношений, в том числе в области действия права на биологическую безопасность.

ЯДОВА М.А.¹ МЕНТАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В работе анализируется влияние пандемии COVID-19 на состояние ментального здоровья и социально-трудовой потенциал российской и зарубежной молодежи. Пандемия стала кризисной ситуацией, во многом ограничивающей базовые права человека: право на здоровье и жизнь, право на социальную защиту и достойный труд, право на свободу и безопасность и др. Автор выделяет не только очевидно негативные последствия пандемии, но и ее необычный эмерджентный позитивный эффект, выразившийся в определенном оживлении общественной жизни и появлении новых повседневных онлайн-практик (трудовых, коммуникативных и пр.). Отмечается в целом успешный опыт адаптации молодежи к коронавирусному кризису, который может пригодиться старшим и последующим поколениям.

Ключевые слова: ментальное здоровье; социально-трудовой потенциал; трудовые стратегии; молодежь; права человека; пандемия COVID-19.

YADOVA M.A. Mental health and social and labour potential of youth in the context of the COVID-19 pandemic

Abstract. The paper reviews the impact of the COVID-19 pandemic on the state of mental health and social and labour potential of Russian and foreign youth. The pandemic has become a crisis situation, in many ways limiting basic human rights including the rights to health

¹ Ядова Майя Андреевна, заведующая отделом социологии и социальной психологии ИНИОН РАН, кандидат социологических наук.

and life, to social protection and decent work, to liberty and security, etc. The author highlights not only the obviously negative consequences of the pandemic, but also its unusual emergent positive effect, expressed in a certain revitalisation of social life and the emergence of new everyday online practices (labour, communication, etc.). The successful experience of young people adapting to the coronavirus crisis has been noted to be generally successful and may be of use to older and future generations.

Keywords: mental health; social and labour potential; labour strategies; youth; human rights; COVID-19 pandemic.

Для цитирования: Ядова М.А. Ментальное здоровье и социально-трудовой потенциал молодежи в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 98–110. – DOI: 10.31249/tjpravo/2024.02.08

Введение

Негативные и долгосрочные последствия пандемии COVID-19 ощутили на себе представители всех социально-демографических групп в России и за рубежом. Пандемия привела к значительным сбоям в работе медицинских служб и колоссальной нагрузке на системы здравоохранения по всему миру. Экономические последствия пандемии в виде глобальной рецессии и усиления социального неравенства, по оценкам некоторых экспертов, придется преодолевать как минимум десять лет. Закрытие школ, колледжей и университетов на время локдаунов привело к серьезным проблемам в образовательной сфере. Введенное в качестве временной меры дистанционное обучение и проблемы с доступностью образовательных ресурсов для некоторых (прежде всего слаборесурсных) категорий молодежи усугубило снижение качества образования. Разумеется, пандемия вызвала изменения в нашей повседневной жизни, трансформировав характер социальных взаимодействий и разрушающе воздействуя на ментальное здоровье людей. Очевидно, что спровоцированные коронавирусом кризисом ограничения на перемещения и контакты между людьми, страх перед заболева-

нием, увеличение случаев депрессии, тревожности и потеря близких не могут способствовать психологическому благополучию.

По словам Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, пандемия COVID-19 вызвала не только социальный и экономический кризис, но и кризис прав человека¹. На передовой борьбы с пандемией оказались такие базовые права человека, как право на жизнь, право на здоровье и право на свободу передвижения². В число принципов, являющихся основой социально-экономических мер противодействия пандемии, ООН включила важнейшие аспекты прав человека и соответствующие показатели контроля влияния распространившейся эпидемии на эту сферу. Перечислим их:

- право на здоровье и жизнь, особые меры защиты наиболее социально уязвимых групп населения, меры помощи и защиты, имеющие гендерную направленность;

- право на достоверную информацию и возможность участия в процессах принятия решений по вопросам противодействия пандемии;

- право на защиту от дискриминации, расизма и ксенофобии;

- право на социальную защиту и достойный труд;

- право на свободу и безопасность, справедливое судебное разбирательство и свободу передвижения;

- чрезвычайное положение и законодательство о чрезвычайном положении³.

Человечеству необходимо приложить немало усилий для восстановления и адаптации к условиям постковидного мира. Сегодня важно оценить масштаб и характер произошедших в ходе пандемии COVID-19 трансформаций, выделив наиболее адаптиро-

¹ См.: Гутерриш А. Пандемия и права человека. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения: 18.02.2024).

² Чебыкина Н.Р., Лямина К.А. Реализация прав человека в условиях пандемии COVID-19 // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 112–125; COVID-19 and Human Rights.

We are All in This Together. April 2020. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/04/un_policy_brief_on_human_rights_and_covid_23_april_2020.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

³ Issue paper on COVID-19 and Fundamental Principles and Rights at Work. – ILO, 2020. – P. 4.

ванные к эффектам пандемии группы населения. По мнению большинства специалистов, к одной из таких адаптированных социальных групп можно отнести молодежь, особенно ее наиболее сильноресурсную часть. Цель настоящей работы – выяснить, как российская и зарубежная молодежь пыталась адаптироваться и реализовать свои личные, социально-экономические и иные права в условиях новой коронавирусной реальности.

Прежде чем перейти к основным результатам исследования, поясним некоторые встречающиеся в статье категории. Под молодежью в данной работе будем прежде всего понимать представителей поколения миллениалов (от лат. *millennium* – тысячелетие) и центениалов (от англ. *centennial* – столетний): взросление первых, родившихся в середине 1980-х – 1990-е годы, пришлось на рубеж веков, вторых можно считать ровесниками XXI в., и они только вступают во взрослую жизнь. Что касается понимания термина «социальные ресурсы», то считаем целесообразным придерживаться традиционной для социальных наук трактовки, которая подразумевает, что успешность человека зависит от его личного капитала – определенного набора личностных и социальных ресурсов. Например, для нашей страны наиболее «сильными» ресурсами можно считать: стартовый капитал социального происхождения (статус родительской семьи); высокий уровень образования и профессиональной подготовки; относительное материальное благополучие; молодой возраст как естественный ресурс (впрочем, для некоторых социально уязвимых групп молодежи возрастные преимущества не вполне очевидны); наличие обширной сети межличностных связей; проживание в крупном городе; адаптивность и открытость новому опыту; адекватная самооценка¹.

Пандемия COVID-19 и ментальное здоровье молодежи.

Согласно общепринятому определению Всемирной организации здравоохранения, под ментальным (психическим) здоровьем понимается состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой жизненный потенциал, а также способен спра-

¹ См.: Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. – Москва : МВШСЭН, 2001. – С. 314–317.

виться со стрессами, эффективно и плодотворно работать и учиться, вносить полезный вклад в жизнь общества¹. Психическое здоровье – одно из базовых прав человека, имеющее ключевое значение для личного и общественного развития.

Вопреки распространенному мнению о том, что карантинные ограничения особенно разрушительно воздействовали на представителей старших поколений, важно отметить не менее болезненный эффект вынужденной самоизоляции для подростков и молодежи, для которых общение со сверстниками является жизненно важной частью социализации. Приведем результаты нескольких социально-психологических и медицинских исследований, свидетельствующих о неблагоприятном влиянии социальной депривации (лишении возможности общаться с другими людьми) на психическое здоровье юношей и девушек.

Так, ряд зарубежных и российских авторов, опираясь на внушительный массив социологических и статистических данных, отмечает характерные для многих молодых европейцев во время введения карантинных мер симптомы посттравматического стрессового расстройства, депрессии или повышенной социальной тревожности; причем девушки по сравнению с юношами, как правило, более психоэмоционально уязвимы². Многие молодые люди переживали из-за закрытия школ или университетов, опасаясь потерять привычные дружеские связи. Невозможность посещать школы, колледжи и университеты несла риск долгосрочных отри-

¹ См. подробнее статью о психическом здоровье на сайте ВОЗ: URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 18.02.2024).

² Подробнее см.: Rapid Systematic Review : the Impact of Social Isolation and Loneliness on the Mental Health of Children and Adolescents in the Context of COVID-19 / Loades M.E., Chatburn E., Higson-Sweeney N., Reynolds Sh., Shafran R., Brigden A., Linney C., McManus M.N., Borwick C., Crawley E. // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. – 2020. – Vol. 59, N 11. – P. 1218–1239; Impacts of Lockdown on the Mental Health and Wellbeing of Children and Young People: Considering Evidence within the Context of the Individual, the Family and Education / Millar R., Quinn N., Cameron J., Colson A. – Glasgow : Mental health foundation, 2020. – 18 p.; Шматова Ю.Е. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19: тенденции, последствия, факторы и группы риска // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 201–224.

цательных последствий для физического (расстройство сна, мало-подвижный образ жизни, несбалансированное питание и пр.) и психического (усиление тревожности, возникновение суицидальных мыслей и пр.) здоровья учащихся¹. В особенно ущемленном положении находится слаборесурсная часть молодежи (проживающие в малообеспеченных, неблагополучных семьях; терпящие домашнее насилие; имеющие хронические заболевания и т.п.), жизнь которой и до пандемии не была легкой. У этой части молодежи нередко имеются проблемы с доступом к дистанционному обучению и образовательным ресурсам. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, действенным способом борьбы со стрессом может стать интернет-терапия – онлайн-общение со сверстниками, ознакомление с достоверной информацией о пандемии и механизмах вакцинирования в Интернете, а в некоторых случаях возможность обращения к психологической и психиатрической помощи в дистанционном формате. В качестве других практических мер по улучшению психического состояния молодежи в периоды локдаунов некоторые исследователи также предлагали увеличить число специализированных молодежных онлайн-площадок для обсуждения пандемии и общения в целом. Стоит отметить, что это предложение успешно реализовалось на практике самой молодежью. Примечательно, что, по результатам опроса британско-американских исследовательниц Э. Орбен, Л. Томовой и С. Блэйкмор, юноши и девушки подтверждают, что онлайн-общение действительно их поддерживало во время пандемии, благотворно влияя на укрепление дружеских связей и помогая сделать жизнь разнообразнее и интереснее².

Социально-трудовой потенциал и трудовые стратегии молодежи в период пандемии. Реализация собственного социально-трудового потенциала – неотъемлемое право молодежи. Обычно под социально-трудовым потенциалом молодежи пони-

¹ См.: Youth Mental Health in the Time of COVID-19 / E. Power, S. Hughes, D. Cotter, M. Cannon // Irish Journal of Psychological Medicine. – 2020. – Vol. 37, N 4. – P. 301–305.

² См.: Orben A., Tomova L., Blakemore S.-J. The Effects of Social Deprivation on Adolescent Development and Mental Health // The Lancet. – 2020. – Vol. 4, N 8. – P. 634–641.

мают совокупность знаний, компетенций, навыков и ресурсов (не только профессиональных, но и социальных, личностных и т.д.), которыми обладает молодое поколение и которые могут быть использованы для участия в социальной и трудовой жизни общества. Эта категория включает в себя как индивидуальные качества и компетенции человека, так и возможности, предоставляемые обществом для их реализации. Элементами социально-трудового потенциала, как правило, считают уровень образования и профессиональной подготовки индивида, его трудовую и социальную активность, развитые социальные навыки и компетенции, его «ресурсоемкость» (уникальный набор личностных и социальных ресурсов). Социально-трудовой потенциал молодежи является стратегическим ресурсом для развития общества, поскольку молодежь играет ключевую роль в формировании образа будущего.

По данным Международной организации труда, спровоцированная пандемией COVID-19 рецессия стала самым серьезным кризисом занятости, с которым пришлось столкнуться молодежи в новом тысячелетии¹. Так, в год начала пандемии, 2020-м, уровень безработицы среди молодежи моложе 25 лет был в 2 раза выше (8,7%), чем в более старших возрастных группах (3,7%)². При этом молодые женщины чаще мужчин сталкивались с потерей работы. К тому же за годы пандемии сильно выросла доля тех, кто относится к категории NEET-молодежи (в переводе с англ. «не работает, не учится и не проходит стажировку» = «Not in Employment, Education or Training»), и до настоящего момента этот показатель не вернулся к докризисному уровню. Часть молодежи не смогла завершить обучение из-за материальных проблем и сложностей с доступом к образовательным онлайн-ресурсам. По оценкам ЮНЕСКО, 24 млн детей и подростков из-за пандемии не были в состоянии закончить даже образование в школах. Данная тенден-

¹ ILO: an Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis. – 2021. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

² Ibid. – P. 4.

ция особенно характерна для беднейших стран афро-азиатского региона и Латинской Америки¹.

В докладе Всемирного банка подчеркивается, что последствия пандемии COVID-19 существенно осложнили транзит от юности к взрослости и оказались катастрофическими для накопления человеческого капитала². Закрытие школ и проблемы с дистанционным обучением в некоторых школах привели к тому, что учащиеся забывали то, чему они научились раньше. Некоторые эксперты предполагают, что в результате негативного влияния пандемии на сферу образования сегодняшняя молодежь может потерять около 10% потенциальных заработков в будущем. В конце 2021 г. около 40 млн человек, включая молодые поколения, пострадали от вызванной пандемией безработицы. Во многих странах в 2021 г. примерно четверть юношей и девушек можно было отнести к категории NEET³. Нередко те, кто трудился в сфере розничной торговли или гостиничного бизнеса, попадали под «пандемийные» сокращения или по требованию работодателей уходили в вынужденный отпуск. Отчаявшиеся молодые специалисты в поиске рабочего места готовы были идти на сознательный демпинг или подвергать себя опасности, интенсивно работая в периоды карантинных ограничений⁴. Эти факторы создали условия для потенциальной прекаризации многих начинающих специалистов.

Вместе с тем результаты многих современных социальных исследований говорят о том, что часть молодежи (особенно обладающая весомыми социальными ресурсами) успешно адаптирова-

¹ См.: ILO: an Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis. – 2021. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf (дата обращения: 18.02.2024). – P. 9–11.

² См.: Collapse & Recovery: How COVID-19 Eroded Human Capital and What To Do About It // The World Bank. – 2023. – 16.02. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital/publication/collapse-recovery-how-covid-19-eroded-human-capital-and-what-to-do-about-it> (дата обращения: 18.02.2024).

³ См.: Ibid.

⁴ См.: The COVID-19 Pandemic and Youth in Recent, Historical Perspective: More Pressure, More Precarity / R. MacDonald, H. King, E. Murphy, W. Gill // Journal of Youth Studies. – 2023. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13676261.2022.2163884?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 18.02.2024).

лась к пандемии, научившись в некотором роде «управлять» новой коронавирусной повседневностью. Прежде всего речь идет о тех, чья деятельность в период пандемии позволила без особых потерь в зарплате перейти на полностью дистанционный или полудистанционный режим работы. Некоторые сферы деятельности (типа IT или научной работы) являются более приспособленными к подобному переходу. Примерная доля таких работников обычно достаточно мала и, по мнению экспертов, не превышает четверти от всего трудового коллектива¹.

В 2020 г. автором настоящей статьи было проведено социологическое исследование, в рамках которого изучались адаптационные стратегии представителей постсоветской молодежи в период пандемии COVID-19. Исходное предположение состояло в том, что присущая молодежи цифровая компетентность потенциально делает ее одной из наиболее адаптированных к пандемийным реалиям социальных групп в России. На основе результатов 20 индивидуальных полужформализованных глубинных интервью с представителями поколения миллениалов (18–34 лет; 11 юношей и 9 девушек) были выявлены используемые информантами в период карантина социальные практики, прежде всего с привлечением интернет-технологий. В исследовании участвовали жители Москвы и Московской области (студенты или выпускники вузов, молодые специалисты), располагающие достаточно «сильным» набором социальных ресурсов и имеющие опыт нахождения в режиме самоизоляции.

Как показали полученные результаты², многие информанты, несмотря на очевидные отрицательные эффекты карантинного времяпрепровождения, посчитали необходимым отметить положительные стороны локдаунов. Так, одни участники исследования отмечали высвободившееся время «на саморазвитие» (творческие хобби, чтение, виртуальные прогулки по музеям, занятия ино-

¹ См.: Чекмарев О.П., Лукичев П.М., Конев П.А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 333.

² Подробнее см.: Ядова М.А. Повседневные практики горожан в условиях пандемии COVID-19: российский и зарубежный опыт // Социология города. – 2023. – № 4. – С. 27–36.

странными языками и пр.) и отдых (онлайн-общение, просмотр фильмов, компьютерные игры), для других карантин дал возможность завершить дела, на которые раньше не было времени. Кто-то стал заниматься волонтерской деятельностью или записался на онлайн-курсы, начал делать ремонт на даче. Практически у каждого участника исследования появились любимые онлайн-практики и хобби, которые им хотелось бы оставить в своей жизни и после окончания пандемии COVID-19 (например, делать покупки в интернет-магазинах, общаться в Zoom, посещать онлайн-курсы).

Цифровая компетентность как дополнительный «антипандемийный» ресурс. Исходя из вышеизложенного, дополнительным конкурентным преимуществом в условиях пандемии можно считать цифровую компетентность. Несмотря на трудности, с которыми пришлось столкнуться современной молодежи, результаты ряда социальных исследований подтверждают, что эта социально-возрастная группа в целом оказалась готова к вызовам пандемии COVID-19, особенно наиболее вовлеченная в процессы цифровизации ее часть – сильноресурсные жители больших городов. У всех, кто был в состоянии освоить хотя бы минимальный набор цифровых навыков, в периоды вынужденной самоизоляции появилось достаточно много возможностей для общения, досуга, работы и преодоления бытовых трудностей¹.

Известно, что для нашей страны характерен значительный межпоколенческий «цифровой разрыв», подразумевающий неравенство в доступе к цифровым технологиям среди представителей разных поколений россиян: молодежь активно вовлечена в цифровую среду, тогда как старшее поколение нередко испытывает трудности в освоении и использовании новых технологий. Пандемия COVID-19 в некоторой степени способствовала его преодолению, поскольку сложившиеся жизненные обстоятельства буквально вынудили представителей старших поколений соприкоснуться со сферой ИТ. Интересные данные о степени цифровой компетентности разных поколений россиян в предпандемийный период приводит отечественный социолог и экономист В.В. Радаев².

¹ Ядова М.А. Указ соч.

² См.: Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва, 2019. – 224 с.

Напомним, что по разработанной им классификации сегодня в России представлено пять поколений. Они выделяются на основании исторических условий, которые были решающими при вступлении представителей этих поколений во взрослую жизнь. Формативный период мобилизационного поколения пришелся на 1941–1956 гг., поколения оттепели – на 1956–1964 гг., поколения застоя – на 1964–1984 гг., реформенного поколения – на 1985–1999 гг., поколения миллениалов – на 1999–2016 гг. Центениалы в силу юного возраста пока в эту классификацию не попали.

Согласно представленным В.В. Радаевым данным об уровне цифровой компетентности представителей разных российских поколений до пандемии (табл.), ожидаемо опережают всех миллениалы: в этой группе около 80% выходят в Интернет с мобильных устройств, еще больше (86%) проводят время в социальных сетях, каждый второй имеет опыт совершения онлайн-покупок. Близки к ним представители реформенного поколения, начавшие взаимодействовать с цифровой средой в зрелом возрасте. Скорее всего, постпандемийные условия жизни способствовали сокращению «цифрового разрыва» между этим поколением и миллениалами. Достаточно уверенно в цифровой среде чувствуют себя представители поколения застоя: около трети из них пользуются мобильным Интернетом, а больше половины взаимодействуют в социальных сетях. Слабую интернет-активность до пандемии демонстрировали представители поколения оттепели и мобилизационного поколения. Лишь некоторые из них считали необходимым пользоваться мобильным Интернетом (20% и 11,4% в обеих группах соответственно), проводить время в социальных сетях (35,2% и 18,9% соответственно), совершать покупки онлайн (29,6% и 17,6% соответственно). Судя по всему, российское мобилизационное поколение потеряно для освоения новых технологий: преодолеть цифровой барьер в состоянии лишь малое число пожилых россиян старше 80 лет (они, как правило, относятся к сильноресурсной страте). Отметим, что из всего набора цифровых практик наибольшей популярностью у всех поколений россиян пользуется посещение социальных сетей. Это говорит о том, что старшие поколения вслед за молодежью оценили преимущества онлайн-общения.

Таблица

**Использование Интернета представителями российских
поколений (за последние 12 мес.),
% от интернет-пользователей, N=14 943, 2016 г. ***

Поколения россиян	Выходили в Интернет с мобильных устройств	Совершали онлайн-покупки	Посещали социальные сети
Миллениалы	79,8	48,7	86,1
Реформенное поколение	59,9	42,9	69,3
Поколение застоя	32,3	29,7	55,4
Поколение оттепели	20	29,6	35,2
Мобилизационное поколение	11,4	17,6	18,9

* *Источник:* Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва, 2019. – С. 81.

Стоит отметить, что бóльшая вовлеченность молодежи в цифровые технологии по сравнению со старшими поколениями позволяет ей более объективно оценивать распространяющуюся информацию о пандемии, отсеивая фейки и слухи (реализация права на информацию). Например, в период пандемии по всему миру формировались сообщества молодых волонтеров, противостоящих в Интернете инфодемии – эпидемии ложных слухов, посвященных пандемии COVID-19 и вакцинации¹.

Заключение

Пандемия COVID-19 уникальным образом изменила пространство повседневной жизни, научив человечество особым практикам взаимодействия с окружающей средой. Молодежь, как в России, так и за рубежом, оказалась одной из наиболее адаптированных к изменившимся условиям жизни групп населения. Прежде всего это связано с высокой возрастной адаптивностью молодежи и ее глубокой вовлеченностью в цифровую среду, недаром поколения миллениалов и центениалов считаются первыми цифровыми поколениями в современном мире. Как продемонстри-

¹ См.: Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being : Survey Report. – Geneva, 2020. – 50 p.

ровали приведенные выше результаты социальных и статистических исследований, для значительной части отечественной и зарубежной молодежи (прежде всего для сильноресурсной страты) периоды локдаунов стали временем не только ограничений, но и новых возможностей. В то же время часть молодежи почувствовала себя «проигравшей пандемии», столкнувшись с ущемлением своих социально-трудовых прав или проблемами со здоровьем. Думается, что наряду с очевидно негативными последствиями пандемии можно выделить и ее эмерджентный позитивный эффект, выразившийся в определенном оживлении общественной жизни и появлении новых повседневных онлайн-практик (трудо-вых, коммуникативных и пр.). Опыт адаптации современной молодежи к пандемии COVID-19 стоит признать успешным – на наш взгляд, он может быть полезен старшим и последующим поколениям в новых кризисных и чрезвычайных ситуациях, с которыми, вероятно, человечеству еще предстоит столкнуться.

КРАСИКОВ Д.В.¹ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ РАЗЛИЧИЙ В СТАНДАРТАХ КОНТРОЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ДОСТУПА К АБОРТАМ)

Аннотация. Правовое регулирование доступа к абортam в контексте основных прав и свобод человека является одной из наиболее дискуссионных проблем, связанных с репродуктивными правами. В статье рассматриваются различия в подходах международных органов по правам человека к данной проблеме, отраженных в позиции Европейского суда по правам человека по делу «М.Л. против Польши» и в Заключительных замечаниях Комитета ООН по правам человека по докладу США в соответствии Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. В этом контексте делаются некоторые оценки перспективы рассмотрения дела «Беатрис и другие против Сальвадора» в Межамериканском суде по правам человека.

Ключевые слова: репродуктивные права; доступ к абортam; право на частную и семейную жизнь; Европейский суд по правам человека; Комитет ООН по правам человека; Межамериканский суд по правам человека; стандарты международного контроля.

KRASIKOV D.V. Reproductive rights in the practice of international human rights bodies: crystallizing differences of the standards of review (using the example of access to abortion)

¹ Красиков Дмитрий Владимирович, старший научный сотрудник отдела правoведения ИНИОН РАН, заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.

Abstract. Legal regulation of access to abortion in the context of fundamental human rights and freedoms is one of the most controversial issues related to reproductive rights. The article examines the differences in the approaches of international human rights bodies to this problem, as they are reflected in the position of the European Court of Human Rights in the case “M.L. vs Poland” and in the Concluding Observations of the UN Human Rights Committee on the US report under the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966. In this context, some assessments are made of the prospects for the consideration of the case “Beatriz and Others vs El Salvador” by the Inter-American Court of Human Rights.

Keywords: reproductive rights; access to abortion; right to private and family life; European Court of Human Rights; Human Rights Committee; Inter-American Court of Human Rights; standards of international review.

Для цитирования: Красиков Д.В. Репродуктивные права в практике международных органов по правам человека: кристаллизация различий в стандартах контроля (на примере доступа к абортam) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 111–125. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.02.09

Введение

Развитие концепции репродуктивных прав в современной политико-правовой сфере обостряет целый комплекс дискуссионных проблем взаимодействия общественных ценностей и интересов с правовыми рамками поведения людей, государств и международных институтов. Актуальность темы репродуктивных прав неоспорима, поскольку затрагивает не только индивидуальную автономию, но и более широкие вопросы социальной справедливости и равенства. Вместе с тем формирование сбалансированных правовых стандартов в этой области представляет собой непростую задачу, сопряженную со сложностями сочетания личных свобод разных субъектов с общественными интересами, учетом культурных и религиозных идеалов и приоритетов, а также с разрешением противоречий в сфере развивающихся технологий биомедицины.

Взаимосвязи между проблемами правового регулирования доступа к абортam и репродуктивными правами олицетворяют сложности взаимодействия личной автономии и государственного регулирования. Эти взаимосвязи ярко иллюстрируют более широкий спектр юридических дискуссий, касающихся репродуктивных прав, включая вопросы личной неприкосновенности, обеспечения частной и семейной жизни и роли государства в ее регулировании, а также права на жизнь, права на здоровье и медицинскую помощь.

Международные органы по правам человека неизбежно сталкиваются с трудностями при оценке правомерности принимаемых государствами ограничений в отношении доступа к абортam, учитывая различные внутригосударственные подходы и спорный характер данного вопроса с моральной, религиозной и политической точек зрения. Настоящая статья посвящена изучению трех произошедших в 2023 г. событий, которые имеют значение для кристаллизации международно-правовых практических подходов к проблемам прав человека, связанных с доступом к абортam, и сравнению этих подходов. Речь идет о принятии Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) постановления по делу «М.Л. против Польши» (*M.L. vs Poland*¹), о принятии Комитетом ООН по правам человека (далее – КПЧ) Заключительных замечаний по пятому периодическому докладу США в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП)², а также о начале слушаний по делу «Беатрис и другие против Сальвадора» (*Beatriz y otros vs El Salvador*³) в Межамериканском суде по правам человека (далее – МАСПЧ).

¹ European Court of Human Rights. Application no. 40119/21. Case of M.L. vs Poland. Judgment of 14 December 2023.

² Human Rights Committee. Concluding observations on the fifth periodic report of the United States of America (CCPR/C/USA/CO/5) // UN Treaty Bodies Database. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FUSA%2FCO%2F5&Lang=en (дата обращения: 10.01.2024).

³ См.: Corte Interamericana de Derechos Humanos. Información del caso: Caso Beatriz y Otros vs El Salvador // Página Oficial de la Corte Interamericana de Derechos Humanos. – URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/tramite/beatriz_y_otros.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «М.Л. против Польши». 14 декабря 2023 г. Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) принял постановление по делу «М.Л. против Польши», касающемуся действующих в Польше ограничений на проведение аборт. В 2020 г. Конституционный трибунал Республики Польша признал¹ несовместимым с польской Конституцией законодательное положение, предусматривавшее возможность произведения аборта в случае аномалий развития плода. В обстоятельствах указанного рассмотренного ЕСПЧ дела г-же М.Л. было отказано в проведении аборта, предварительно назначенного на дату, следующую за днем вступления в силу решения Конституционного трибунала. Ранее в ходе медицинского обследования было установлено, что у вынашиваемого ею ребенка была генетическая аномалия – трисомия 21 (синдром Дауна), что давало ей право на прерывание беременности в соответствии с действовавшей редакцией указанного выше закона. После получения отказа г-жа М.Л. направилась в Нидерланды, где ее беременность была прервана.

По утверждению заявительницы, отказ в проведении аборта нарушил ее права, гарантированные, в частности, ст. 3 (запрет пыток) и ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ). ЕСПЧ признал неприемлемой жалобу в части, касающейся заявлений о нарушении ст. 3 ЕКПЧ, поскольку посчитал, что отсутствовали достаточные основания полагать, что обращение с заявительницей достигло порога (минимального уровня) жестокости, предполагаемого пределами гарантии данной статьи. Что касается ст. 8 ЕКПЧ, в этой части жалоба была признана приемлемой, и в итоге ЕСПЧ констатировал ее нарушение. Для оценки правомерности обращения с заявительницей в контексте соблюдения ее права на уважение частной и семейной жизни ЕСПЧ заявил о применении основанного на п. 2 ст. 8 ЕКПЧ теста: было ли соот-

¹ См.: Trybunał Konstytucyjny. Sygn. akt K 13/17. Postanowienie z dnia 21 lipca 2020 r. // Strona internetowa Trybunału Konstytucyjnego Rzeczypospolitej Polskiej. – URL: <https://trybunal.gov.pl/postepowanie-i-orzeczenia/postanowienia/art/11257-ochrona-plodu-ludzkiego-warunki-dopuszczalnosci-przerywania-ciazy-praktyki-eugeniczne-planowanie-rodziny> (дата обращения: 10.01.2024).

ветствующее вмешательство – запрет прерывания беременности – осуществлено «в соответствии с законом» и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения одной из преследуемых им «правомерных целей».

Оценка соблюдения первого из этих критериев привела ЕСПЧ к выводу о нарушении ст. 8 ЕКПЧ: согласно его позиции, вмешательство в права заявительницы не может считаться законным, поскольку, во-первых, оно не было осуществлено органом, соответствующим требованиям верховенства права, а во-вторых, в обстоятельствах данного дела имеет место отсутствие предсказуемости, требуемой ст. 8 ЕКПЧ, учитывая, что решение Конституционного трибунала вмешалось в медицинскую процедуру, право заявительницы на которую уже было признано и процесс осуществления которой уже был запущен, создавая тем самым ситуацию, когда она была лишена надлежащих гарантий против произвола.

При этом в своей аргументации ЕСПЧ не уделил второму из этих факторов достаточного внимания, чтобы понять, как он повлиял на констатацию нарушения, а сосредоточился на первом из них. В соответствующей части рассматриваемого постановления Суд обосновывает позицию, согласно которой решение Конституционного трибунала, ставшее источником ограничения прав заявительницы, не соответствует принципу верховенства права в связи с недостатками состава данного органа: в его коллегии, принимавшей указанное решение, присутствовали судьи, избранные в нарушение ст. 6 ЕКПЧ, как это было установлено ЕСПЧ в одном из ранее рассмотренных дел¹.

Позиция Комитета ООН по правам человека по периодическому докладу США. В октябре 2023 г. КПЧ принял Заключительные замечания по пятому периодическому докладу США в соответствии с МПППП. В соответствующем докладе США² была высказана достаточно жесткая позиция в части, касающейся во-

¹ См.: European Court of Human Rights. Application no. 4907/18. Case of Xero Flor w Polsce sp. z o.o. vs Poland. Judgment of 7 May 2021.

² Human Rights Committee. Fifth Periodic Report Submitted by the United States of America under Article 40 of the Covenant Pursuant to the Optional Reporting Procedure, due in 2020 // Official Document System of the United Nations. – URL: <http://undocs.org/en/CCPR/C/USA/5> (дата обращения: 10.01.2024).

просов о прерывании беременности и репродуктивных правах: в докладе отвергаются любые предположения о том, что МПГПП обязывает государств-участников финансировать, поощрять аборты, обеспечивать доступ к ним или содействовать их проведению. Авторы доклада настаивают на том, что не существует «международного права человека на аборт», и что США выступают против любой интерпретации неотъемлемого права на жизнь, предусмотренного ст. 6 МПГПП, которая требует от государств-участников предоставления доступа к абортам. Позиция КПЧ, содержащаяся в его Замечаниях общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь»¹ и касающаяся ограничений регулятивной автономии государств в сфере аборт, получила в докладе критическую оценку, как не основанная на общепризнанных правилах толкования международных договоров.

Обращают на себя внимание различия в риторике доклада (подготовленного и представленного в конце 2020 – начале 2021 г.) и выступлений² г-жи Тейлор – представителя администрации Байдена-Харрис в процессе его обсуждения в КПЧ в 2023 г. Отметив, что действующая администрация Президента США твердо привержена защите и укреплению сексуального и репродуктивного здоровья и прав, она признала, что решение Верховного суда США об отсутствии конституционного права на аборт³ оказало непосредственное и разрушительное воздействие на здоровье и права женщин. Представитель США подчеркнула, что Правительство продолжит призывать Конгресс принять закон, восстанавливающий защиту института аборт как фундаментального права, и что

¹ Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 36 «Статья 6: право на жизнь» (CCPR/C/GC/36) // Система официальной документации ООН. – URL: vsrf.ru/documents/international_practice/33013/ (дата обращения: 10.01.2024).

² См.: Human Rights Committee. Summary Record of the 4050th Meeting (CCPR/C/SR.4050) // Official Document System of the United Nations. – URL: <http://undocs.org/en/CCPR/C/SR.4050> (дата обращения: 10.01.2024); Human Rights Committee. Summary Record of the 4051st Meeting (CCPR/C/SR.4051) // Official Document System of the United Nations. – URL: <http://undocs.org/en/CCPR/C/SR.4051> (дата обращения: 10.01.2024).

³ См.: Dobbs vs Jackson Women's Health Organization, 597 U.S. (2022) // Official Website of the U.S. Supreme Court. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/597/19-1392/> (дата обращения: 10.01.2024).

Президентом уже было принято три исполнительных указа, устанавливающих ряд мер, направленных на защиту доступа к услугам репродуктивного здоровья, включая аборт.

По итогам обсуждения доклада КПЧ призвал США удвоить усилия по предотвращению материнской смертности и заболеваний и борьбе с ними, а также по ликвидации дискриминации и неравенства в области сексуального и репродуктивного здоровья, и принять шаги по устранению ограничительных и дискриминационных юридических и практических барьеров на пути к получению акушерской помощи. КПЧ выразил поддержку в отношении мер, принятых американскими властями на федеральном уровне для устранения последствий указанного выше решения Верховного суда США, однако высказал обеспокоенность увеличением количества законов, барьеров и практики на уровне штатов, которые препятствуют доступу женщин к безопасным и легальным абортам. Ссылаясь на упомянутые выше Замечания общего порядка и на соответствующие рекомендации Комитета по ликвидации расовой дискриминации¹, КПЧ отметил, что США надлежит, в частности, обеспечить законный, эффективный, безопасный и конфиденциальный доступ к абортам для женщин и девочек на всей своей территории без дискриминации, насилия и принуждения, положить конец криминализации аборт, устранить барьеры, которые в настоящее время препятствуют доступу к услугам по прерыванию беременности, и воздерживаться от введения новых барьеров.

Сравнение подходов Европейского Суда по правам человека и Комитета ООН по правам человека. Безусловно, уместность сравнения позиции ЕСПЧ по делу «М.Л. против Польши» и КПЧ по докладу США ограничена функциональным, правовым и

¹ В 2022 г. Комитет по ликвидации расовой дискриминации принял Заключительные замечания по сводным 10–12 докладам США в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. В своих замечаниях данный Комитет рекомендовал США обеспечить безопасный, законный и эффективный доступ к абортам в соответствии с международными обязательствами в области прав человека (см.: Committee on the Elimination of Racial Discrimination: Concluding Observations on the Combined Tenth to Twelfth Reports of the United States of America (CERD/C/USA/CO/10-12)) // Official Document System of the United Nations. – URL: digitallibrary.un.org/record/3987995 (дата обращения: 10.01.2024).

фактическим контекстом выработки ими соответствующих позиций. Вместе с тем в подходах, использованных данными органами, можно усмотреть свидетельства определенных различий как в содержании формирующихся стандартов отдельных прав человека, связанных с абортами, так и в степени готовности осуществлять материальный нормативный контроль и его интенсивность в рассматриваемой сфере.

Так, признав жалобу ЕСПЧ г-жи М.Л. неприемлемой в части, касающейся предполагаемого нарушения ст. 3 ЕКПЧ, он не воспринял аргументы г-жи М.Л., основанные на ее утверждениях о сильных эмоциональных и душевных боли и страданиях, причиненных ей в результате отказа «в последнюю минуту» в прерывании беременности в Польше и вынужденной необходимости отправиться за рубеж для проведения аборта. Примечательно, что при этом ЕСПЧ принял во внимание позицию КПЧ по делам «Меллет против Ирландии»¹ и «Уэлан против Ирландии»², в которых в схожих (в определенной степени) обстоятельствах КПЧ признал нарушение государством-ответчиком содержащегося в ст. 7 МПГПП запрета жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Вместе с тем сам ЕСПЧ не последовал такому подходу.

В своем совпадающем мнении по делу «М.Л. против Польши» судьи Елич, Феличи и Веннестрём высказали несогласие с отказом ЕСПЧ признать нарушение ст. 3 ЕКПЧ со ссылкой на одно из упомянутых выше дел, рассмотренных КПЧ. Кроме того, в этом контексте они посчитали релевантной позицию КПЧ о необходимости предотвращения стигматизации женщин и девочек, желающих сделать аборт, высказанную им в посвященных праву на жизнь Замечаниях общего порядка. При этом в своих Заклю-

¹ Комитет по правам человека. Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2324/2013 // База данных JURIS. – URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2152/en-US> (дата обращения: 10.01.2024).

² Комитет по правам человека. Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2425/2014 // База данных договорных органов. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/119/D/2425/2014&Lang=en (дата обращения: 10.01.2024).

тельных замечаниях по пятому периодическому докладу США КПЧ также ссылается на указанные Замечания общего порядка и выражает обеспокоенность глубоким воздействием практикуемых в некоторых штатах США ограничительных мер на права женщин и девочек, желающих сделать аборт, включая право не подвергаться жестокому и унижающему достоинство обращению.

В своих позициях по докладу США КПЧ непосредственно ссылается, в том числе на ст. 7 МПГПП в контексте рассматриваемых проблем, и в свете этих позиций, а также с учетом его предшествующей практики и представления о содержании ст. 6 МПГПП, есть все основания считать, что будь дело «М.Л. против Польши» рассмотрено КПЧ, обращение с заявительницей в его обстоятельствах могло бы получить иную оценку в части заявлений о жестоком, бесчеловечном или унижающем достоинство характере такого обращения.

Важными факторами, подтверждающими тезис о различиях в подходах рассматриваемых органов, являются также продемонстрированные ЕСПЧ и КПЧ степень интенсивности и характер контроля правового регулирования в сфере аборт. В деле «М.Л. против Польши» ЕСПЧ установил нарушение права на частную и семейную жизнь в связи с процедурными пороками ограничения, введенного Конституционным трибуналом: в представлении ЕСПЧ нарушение процедуры выборов судей польского органа конституционного контроля определило нелегитимность принятого им решения в свете принципа верховенства права. Именно на этом сосредоточился ЕСПЧ в мотивировочной части постановления, хотя в ее завершение и дополнил соответствующий вывод тезисом об отсутствии требуемой ст. 8 ЕКПЧ предсказуемости.

Даже если считать, что этот последний тезис и отражает скорее материальный, а не формальный аспект правовой определенности¹, его значение, во-первых, само осталось не вполне определенным в отсутствие какого-либо значимого комментария со стороны ЕСПЧ, а во-вторых, так же как и значение констатации нелегитимности решения Конституционного трибунала, не выходит за рамки процедурного подхода к контролю, прослеживаемого

¹ См.: Lifante-Vidal I. Is Legal Certainty a Formal Value? // Jurisprudence. – 2020. – Vol. 11, N 3. – P. 456–467.

в практике ЕСПЧ по делам, связанным с репродуктивными правами. В литературе такой подход нередко называют «уклончивым»¹. С одной стороны, выбор такого подхода объясним особой политической и моральной чувствительностью проблем признания и содержания репродуктивных прав и обусловленным этим наличием признанной ЕСПЧ широкой свободы усмотрения государств в данной сфере². С другой стороны, учитывая недостаточную определенность в отношении пределов такой свободы, ЕСПЧ нередко подвергается критике³ за отсутствие у него решимости оценить соразмерность действующих в отдельных государствах соответствующих ограничений.

В деле «М.Л. против Польши» ЕСПЧ ограничился проверкой законности вмешательства в право на частную и семейную жизнь заявительницы, и не перешел к заявленной им оценке необходимости такого вмешательства в демократическом обществе для достижения правомерной цели. Следование подобной «минималистской» стратегии считается характерным для его практики в сфере репродуктивных прав: утверждается, что он выбирает менее спорную точку зрения либо путем сведения проблем к их конкретным аспектам («вертикальный минимализм», проявляющийся в делах об абортах в форме выявления нарушений процессуальных, а не материальных прав), либо путем сознательного выбора наименее спорной перспективы оценки («горизонтальный минимализм», наблюдаемый в делах о суррогатном материнстве)⁴. На этом фоне

¹ См.: Yildiz E. A Court with Many Faces: Judicial Characters and Modes of Norm Development in the European Court of Human Rights // *European Journal of International Law*. – 2020. – Vol. 31, N 1. – P. 86.

² См.: Липкина Н.Н. Правовые основания применения концепции «свободы усмотрения» в практике Европейского суда по правам человека // *Журнал российского права*. – 2008. – № 9 (141). – С. 106–117.

³ См.: Katsoni S. How to Maneuver Around Acknowledging the Right to Access Abortion: Some Thoughts on the ECtHR's judgment in *M.L. vs Poland* // *EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law*. – URL: <https://www.ejiltalk.org/how-to-maneuver-around-acknowledging-the-right-to-access-abortion-some-thoughts-on-the-ecthrs-judgment-in-m-l-v-poland/> (дата обращения: 11.01.2024).

⁴ См.: Lebret A. The European Court of Human Rights and the framing of reproductive rights // *Droits fondamentaux*. – 2020. – N 18. – P. 48. – URL: <https://www.crdh.fr/wp-content/uploads/ECHR-and-reproductive-rights-A.-LEBRET.pdf> (дата обра-

упомянутые выше общие и адресованные США позиции КПЧ выглядят совершенно иначе в силу их фокусирования на материальных стандартах.

Дело «Беатрис и другие против Сальвадора» в Межамериканском суде по правам человека. В 2023 г. с дилеммой выбора подхода к оценке вмешательства в права человека в связи с ограничениями на проведение абортс столкнулся МАСПЧ: в марте этого года начались слушания по делу «Беатрис и другие против Сальвадора», которое было передано ему Межамериканской комиссией по правам человека (далее – МАКПЧ) в 2022 г.

Данное дело касается предполагаемых нарушений прав молодой женщины, известной в контексте рассматриваемого разбирательства как «Беатрис», и ее семьи в связи с действием в Сальвадоре запрета на проведение аборта, который предположительно лишил ее возможности получить доступ к законному и своевременному прерыванию беременности на ранней стадии в ситуации предполагаемого риска для ее жизни, здоровья и личной неприкосновенности. В обстоятельствах дела в феврале 2013 г. беременность 22-летней Беатрис, проживавшей в условиях нищеты в одном из провинциальных сальвадорских кантонов, была признана относящейся к группе высокого риска в связи с наличием у нее серьезного заболевания (системная красная волчанка), выявленного ранее в период предыдущей ее беременности. По заключению врачей, продолжение текущей беременности создавало угрозу для ее жизни. Кроме того, у нее была диагностирована анэнцефалия – врожденный порок развития плода, несовместимый с внеутробной жизнью. В условиях действующего в Сальвадоре уголовного запрета на проведение абортс, в том числе по медицинским основаниям, попытки инициировать получение официального разрешения на прерывание беременности Беатрис столкнулись с серией противоречивых заключений и решений должностных лиц, врачей и государственных органов и завершились отклонением Конституционной палатой Верховного суда соответствующего ее заявления. В определенный момент на сроке свыше 6 месяцев у нее начались схватки и ей сделали кесарево сечение. Родившийся

щения: 10.01.2024); Lebret A., Rothmar J. Reframing Reproductive Rights on a Transnational Scene // *European Human Rights Law Review*. – 2020. – N 2. – P. 153–163.

ребенок прожил всего нескольких часов. Впоследствии, в 2017 г., Беатрис попала в ДТП и вскоре скончалась. Как утверждала сторона-заявитель в ходе разбирательства в МАКПЧ, ДТП было незначительным и причиной ее смерти стало хрупкое состояние ее здоровья, вызванное имеющимися у нее заболеваниями.

Согласно позиции МАКПЧ, в обстоятельствах данного дела имеет место нарушение государством-ответчиком ряда прав человека, гарантированных, в частности, Американской конвенцией о правах человека 1969 г. Аргументация МАКПЧ по существу данного дела строится главным образом на следующих ее заключениях¹. Во-первых, хотя защита жизни человека с момента зачатия действительно представляет собой законную цель (как на этом настаивает государство-ответчик), криминализация прерывания беременности даже в случае несовместимости плода с внеутробной жизнью не отвечает требованию пригодности: нежизнеспособность жизни плода разрывает связь между криминализацией и целью, которую она якобы преследует, поскольку защищаемый интерес, жизнь плода, неизбежно не будет материализован. Во-вторых, по мнению МАКПЧ, даже если бы плод не имел аномалий развития, защита жизни человека в период после зачатия не может иметь веса, соразмерного с защитой матери в случае, когда существует риск для ее жизни или значительные угрозы ее здоровью или личной неприкосновенности; при этом абсолютная криминализация абортотворения не только может побудить женщин прибегать к незаконным и небезопасным абортотворениям, но и неизбежно ставит под угрозу их физическое здоровье и даже саму жизнь, а также психическое здоровье, особенно тех женщин, которые находятся в условиях бедности и большей уязвимости. В-третьих, сальвадорское уголовное законодательство об абортотворении не является достаточно ясным и точным, что порождает состояние неопределенности среди медицинского персонала относительно законности услуг в сфере репродуктивного здоровья.

¹ См.: Comisión Interamericana de Derechos Humanos. Informe N 9/20. Caso N 13.378. Beatriz vs El Salvador (OEA/Ser.L/V/II.175; Doc. 15; 3 marzo 2020) // Página Oficial de la Comisión Interamericana de Derechos Humanos. – URL: https://www.oas.org/es/cidh/decisiones/corte/2022/SV_13.378_ES.PDF (дата обращения: 10.01.2024).

До настоящего времени в практике МАСПЧ не было дел, непосредственно посвященных оценке действующего в Сальвадоре запрета на проведение аборт, являющегося одним из самых жестких в мире режимов в соответствующей сфере. Ранее в деле «Мануэла и другие против Сальвадора» (*Manuela y otros vs El Salvador*)¹ он признал Сальвадор ответственным за нарушение ряда прав человека в контексте указанного запрета, однако предметом оценки была правомерность обращения с жертвой в связи с ее уголовным преследованием за противозаконное прерывание беременности, и МАСПЧ не делал выводов относительно правомерности криминализации прерывания беременности по медицинским показаниям *per se*.

В связи с этим недостаточно убедительными выглядят встречающиеся в литературе заявления о том, что в своем решении по данному делу МАСПЧ обязал Сальвадор «обеспечить безнаказанность за детоубийство и провести реформу уголовно-процессуального законодательства, чтобы воспрепятствовать судебному преследованию за его совершение»².

Скорее в силу политических и тактических причин в связи с соответствующими глубокими разногласиями в регионе, а также исходя из уникальных обстоятельств данного дела, МАСПЧ воздержался от оценки действующего в Сальвадоре запрета³.

Перспективы⁴ рассмотрения дела «Беатрис и другие против Сальвадора» в МАСПЧ оцениваются по-разному¹. В условиях осо-

¹ См.: Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso Manuela y otros vs El Salvador. Sentencia de 2 de noviembre de 2021 (Excepciones preliminares, fondo, reparaciones y costas) // Página Oficial de la Corte Interamericana de Derechos Humanos. – URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_441_esp.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

² См.: Castaldi L. de J. The Slippery Slope of Abortion Rights: The Manuela v. El Salvador Infanticide Decision by the Inter-American Court Of Human Rights // *Ave Maria Law Review*. – 2023. – Vol. 21, Issue 1. – P. 1.

³ См.: Bilke L. Abortion in Latin America Through the Lens of the IACtHR: A Court Trapped between Revolution and Reluctance // *Völkerrechtsblog: International Law & International Legal Thought*. – URL: <https://voelkerrechtsblog.org/abortion-in-latin-america-through-the-lens-of-the-iacthr/> (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ К моменту завершения подготовки настоящей статьи рассмотрение данного дела в МАСПЧ еще не завершено.

бой политической и моральной чувствительности проблемы абортов он может последовать «минималистской стратегии», используемой ЕСПЧ, и признать нарушение в связи с недостатками правовой определенности соответствующего законодательства Сальвадора. В этом смысле позиция МАКПЧ наряду с решительными «материально-правовыми аргументами» содержит и основания для выбора такой «процессуалистской» перспективы (речь идет о ее утверждениях о недостаточной явности и точности сальвадорского законодательства). Альтернативой может служить оценка соразмерности действующего в Сальвадоре запрета на аборт, носящего по мнению МАКПЧ характер абсолютного. С учетом обстоятельств данного дела у МАСПЧ есть основания критически оценить пригодность данного запрета для достижения декларируемой Сальвадором цели – защиты жизни нерожденного ребенка. Более амбициозным и менее вероятным (с учетом достаточности фактических оснований для удовлетворения жалобы с использованием инструментов вертикального или горизонтального минимализма) результатом разбирательства в МАСПЧ могла бы стать выработка им более широких правовых позиций о совместимости с международными обязательствами Сальвадора запрета на аборт в контексте баланса защиты прав и легитимных интересов матери и неродившегося ребенка.

Заключение

Практика международных органов по правам человека по делам, связанным с доступом к проведению абортов, наглядно иллюстрирует комплекс проблем развития современной правовой концепции репродуктивных прав. Эти проблемы связаны с сосуществованием и пересечением правовых, религиозных, моральных и политических приоритетов, идей, идеалов, интересов. Среди таких проблем – различия в подходах государств к обеспечению прав человека в рассматриваемой сфере, а также в позициях меж-

¹ См.: Yamin A.E., Ochoa S. What's at Stake in the Abortion Case Before the Inter-American Court of Human Rights? // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. – URL: <https://www.ejiltalk.org/whats-at-stake-in-the-abortion-case-before-the-inter-american-court-of-human-rights/> (дата обращения: 11.01.2024).

дународных органов по правам человека относительно содержания отдельных прав и надлежащих стандартов контроля их соблюдения. Отсутствие европейского консенсуса в вопросе о правовом регулировании доступа к проведению аборт¹ обуславливает признание за государствами – участниками ЕКПЧ широкой свободы усмотрения в этом отношении и влияет на используемый ЕСПЧ – сдержанный – подход к контролю в данной сфере. Иная позиция сложилась в практике КПЧ по отдельным делам в отношении конкретных государств и в более общем контексте: в отличие от ЕСПЧ, КПЧ использует более интенсивный стандарт контроля и несколько шире видит содержание отдельных прав человека, затрагиваемых правовым регулированием доступа к абортам. В обстоятельствах дела «Беатрис и другие против Сальвадора» у МАСПЧ есть достаточно фактических оснований последовать как одному, так и второму подходу.

¹ См.: European Court of Human Rights. Application no. 25579/05. Case of A, B and C vs Ireland. Judgment [GC] of 16 December 2010 // HUDOC. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/#%22itemid%22:%22001-229424%22>} (дата обращения: 10.01.2024).

ИВАНОВА А.П.¹ ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: НОВАЯ ВЕХА В РАЗВИТИИ БИОПРАВА

Аннотация. В связи со стремительным развитием технологий применение искусственного интеллекта в самых важных сферах человеческой жизни, включая медицину, стало реальностью. Вместе с тем искусственный интеллект, являющийся одной из ключевых прорывных технологий XXI в., несёт в себе не только существенные преимущества для человечества, но и серьёзные риски. В статье исследуются основные способы использования искусственного интеллекта в области здравоохранения, анализируются проблемы, связанные с его применением, а также выделяются основные пути развития правового регулирования этой технологии в контексте биоправа.

Ключевые слова: информационное право; искусственный интеллект; защита персональных данных; биоправо.

IVANOVA A.P. The use of artificial intelligence in healthcare: a new milestone in the development of medical law

Abstract. Due to the rapid technological development, the use of artificial intelligence in the most important areas of human life, including medicine, has become a reality. At the same time, artificial intelligence, which is one of the key disruptive technologies of the 21st century, carries not only significant advantages for humanity, but also serious risks. The article examines the main ways of using artificial intelligence in healthcare, analyzes the problems associated with its ap-

¹ Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

plication, and highlights the main ways of developing legal regulation of this technology in the context of medical law.

Keywords: information technology law; artificial intelligence; personal data protection; medical law.

Для цитирования: Иванова А.П. Применение искусственного интеллекта в здравоохранении: новая веха в развитии биоправа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 126–139. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.10

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) в области здравоохранения стремительно развивается. Регулярно появляются исследовательские работы, в которых представлены инновационные алгоритмы, компании выпускают совершенно новые продукты и обновляют существующие технологии.

Вместе с тем расширение применения ИИ в здравоохранении ставит новые вопросы для их правового регулирования и порождает необходимость развития биоправа – новой, интенсивно формирующейся отрасли права¹.

Применение искусственного интеллекта в здравоохранении – больше возможностей и меньше издержек. Алгоритмы ИИ могут обрабатывать данные и принимать решения за значительно меньший промежуток времени по сравнению с человеком. Это сделало их более экономически эффективными и поспособствовало более широкому внедрению за последние годы². Дж. Верма, эксперт по медицинским технологиям, прогнозирует, что ИИ существенно упростит рабочие процессы и снизит эксплуатационные расходы, поскольку большинство затрат в области здравоохранения

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2021. – № 41. – С. 113.

² См.: Shen N. AI Regulation in Health Care: How Washington State Can Conquer the New Territory of AI Regulation // Seattle Journal of Technology, Environmental & Innovation Law. – 2023. – Vol. 13, N 1. – P. 9.

связано с ручным трудом, который будет автоматизирован с помощью алгоритмов ИИ¹.

Многие надеются, что новая технология преобразит системы здравоохранения, улучшив клинические результаты, эффективность, безопасность и качество медицинских услуг, а также упростив доступ к ним (например, сократив время ожидания, повысив скорость постановки диагнозов и позволив оказывать узкоспециализированную помощь, такую как роботизированная хирургия, в отдаленных местностях и сельских районах)².

Искусственный интеллект в здравоохранении – это инновационный подход, который поможет неблагополучным слоям населения получить доступ к медицинской помощи. В подобных социальных группах часто не хватает работников с надлежащей подготовкой и квалификацией, а также технологий для оказания качественной медицинской помощи. Указанное означает, что такие люди подвергаются более высокому риску остаться без лечения и умереть.

Искусственный интеллект может смягчить последствия отсутствия доступа к медицинскому обслуживанию с помощью телемедицинских технологий. Так, подчёркивает доцент кафедры гражданского права и международного частного права Волгоградского государственного университета И.В. Балтутите, новое поколение возможностей ИИ сделает реальным интегрирование больших объемов данных в системы. Например, они могут помочь ежедневно отслеживать уровень артериального давления и содержания сахара в крови. Все эти возможности особенно полезны для пациентов, проживающих в сельской местности, где дорога до больницы для личного приема занимает большое количество времени³.

¹ Цит. по: Shen N. AI Regulation in Health Care: How Washington State Can Conquer the New Territory of AI Regulation // *Seattle Journal of Technology, Environmental & Innovation Law*. – 2023. – Vol. 13, N 1. – P. 9.

² См.: Henderson B., Flood C.M., Scassa T. Artificial Intelligence in Canadian Healthcare: Will the Law Protect us from Algorithmic Bias Resulting in Discrimination? // *Canadian Journal of Law and Technology*. – 2021. – Vol. 19, N 2. – P. 475.

³ См.: Балтутите И.В. Правовые проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // *Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 144.

Исследования показывают, что инструменты ИИ могут значительно улучшить качество медицинской помощи, используя большие данные для повышения безопасности операций. Например, комплексная система сбора данных «черный ящик операционной» предназначена для выявления отвлекающих факторов и ошибок при хирургическом вмешательстве с помощью сбора данных и анализа ИИ; в конечном итоге она должна предоставлять хирургам рекомендации в режиме реального времени, которые сведут к минимуму вероятность ошибок во время операции. Также есть надежда, что повышение эффективности благодаря новой технологии может освободить медицинских работников от рутинных задач и предоставить им «дар времени» для работы со сложными пациентами¹.

Таким образом, существует множество применений ИИ в здравоохранении, но отдельно стоит отметить диагностику заболеваний и административные задачи².

Диагностика заболеваний. Диагностика заболеваний была в центре внимания ИИ с 1970-х годов; однако эта технология так и не была внедрена в клиническую практику. Сегодня же крупные технологические компании, такие как Google, сотрудничают с медицинскими организациями в проектах по созданию алгоритмов прогнозирования на основе больших данных, которые могут помочь врачам заранее определить состояния высокого риска.

Кроме того, медицинские организации используют модели «здоровья населения» для прогнозирования групп риска определенных заболеваний, которые полагаются на соответствующие данные об определенной популяции для составления эффективных прогнозов³. В то же время, неизменной проблемой подобных моделей «здоровья населения» остается недостаток всеобъемлющих релевантных данных, таких как социально-экономический статус населения, для составления сверхточных прогнозов.

¹ См.: Da Silva M., Flood C.M., Herder M. Regulation of health-related artificial intelligence in medical devices: the Canadian story // UBC law review. – 2022. – Vol. 55, N 3. – P. 636.

² См.: Shen N. Op. cit. – P. 1.

³ См.: Ibid. – P. 2.

На сегодняшний день продукты с ИИ обещают распознавать и диагностировать рак кожи, выявлять заболевания глаз, находить камни в почках, локализовать кровоизлияния в мозг и быстро обнаруживать COVID-19, помимо многих других возможностей. Эти технологии, вероятно, изменят практику в области здравоохранения, расширив возможности медицинских организаций во многих направлениях. Однако это не единственные продукты ИИ, способные преобразовать медицину.

Административные задачи. Инновации, упрощающие решение административных задач, на первый взгляд кажутся никак не связанными с областью медицины, однако они также обладают потенциалом по-разному трансформировать здравоохранение.

Ярким примером применения таких инноваций является программное обеспечение для планирования на базе ИИ, которое прогнозирует поток пациентов в системе здравоохранения и распределяет персонал таким образом, чтобы наиболее эффективно удовлетворять потребности этих пациентов. Такие продукты непосредственно не диагностируют заболевания и не лечат людей, но они могли бы увеличить пропускную способность системы здравоохранения и тем самым спасти жизни.

Другие примеры использования ИИ также улучшают качество медицинской помощи, предсказывая вероятность того, что человек будет повторно госпитализирован в течение месяца (чтобы медицинские работники могли работать с такими пациентами для предотвращения этого нежелательного исхода) или выявляя риск развития у человека сепсиса (чтобы медицинские работники могли оказать помощь на ранней стадии). Эти функции чрезвычайно ценны для системы здравоохранения, и все они станут эффективнее с помощью ИИ¹.

«Оборотная» сторона медали – риски, которые влечёт за собой искусственный интеллект. Несмотря на то что применение ИИ существенно повышает возможности человека в области здравоохранения и позволяет упростить процессы диагностики заболеваний и решения административных задач, использование этой технологии не обходится без рисков. Так, И. Маск утверждает, что

¹ См.: Price II W.N., Sachs R., Eisenberg R.S. New Innovation Models in Medical AI // Washington Univ. Law Review. – 2022. – Vol. 99, N 4. – P. 1124.

«ИИ гораздо опаснее ядерного оружия»¹, поскольку эта технология продолжает развиваться, растут и опасения по поводу возможного злоупотребления ею. Несмотря на преобразующий характер ИИ, человечество также должно признать и решить многие проблемы, связанные с ним.

Например, много вопросов вызывает отсутствие прозрачности в работе ИИ. Указанная технология опирается на мощь прогностических алгоритмов, которыми руководствуются медицинские работники при постановке диагнозов, назначении лечения и принятии иных решений. Вместе с тем конкретные механизмы, которые приводят к рекомендациям, сделанным прогностическими алгоритмами, в настоящее время не поддаются определению, ввиду чего их часто называют «черным ящиком» ИИ². Отсутствие транспарентности в работе ИИ зачастую объясняется их «высокой размерностью и сложностью», эмерджентной природой и модификацией поведения из-за того, как они обучаются³.

Кроме того, действующие правовые нормы о деликтной ответственности могут быть недостаточными для применения в отношении медицинских ошибок, возникающих в результате решений, принятых ИИ. Стандарты оказания медицинской помощи для подобных случаев еще не сформированы, в то время как существующие стандарты не подходят для определения ответственности врача в случаях ошибок, которые произошли из-за технологии, а не из-за врача⁴.

Однако в данной статье хотелось бы обратить внимание на проблемы, связанные с опасениями по поводу нарушения ИИ прав

¹ Цит. по: Shen N. Op. cit. – P. 6.

² См.: Kamensky S. Artificial Intelligence and Technology in Health CARE: Overview and Possible Legal Implications // DePaul Journal of Health Care Law. – 2020 – Vol. 21, N 3. – P. 2.

³ Цит. по: Иванова А.П. Правовые и этические проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сб. ст. / РАН ИНИОН ; отв. ред. Е.В. Алферова. – Москва, 2021. – С. 108.

⁴ См.: Иванова А.П. Правовые и этические проблемы использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сб. ст. / РАН ИНИОН ; отв. ред. Е.В. Алферова. – Москва, 2021. – С. 110.

на неприкосновенность частной жизни или возможности того, что ИИ может закрепить или создать новые необоснованные предубеждения, из-за чего исторически маргинализированные группы продолжают получать меньший или ненадлежащий медицинский уход. Реализует ли ИИ, связанный со здоровьем, свой потенциал, частично будет зависеть от того, возможно ли разработать и внедрить функциональную систему управления и нормативно-правовую базу в область его применения. Любая схема управления должна стремиться реализовать преимущества новой технологии при минимизации возможного вреда.

Дискриминация и социально-экономическое неравенство. К основным проблемам, связанным с ИИ, также можно отнести потенциальную дискриминацию и социально-экономическое неравенство. Люди создают алгоритмы, которые управляют ИИ, и у людей есть предубеждения, записываемые в эти алгоритмы.

Б. Хендерсон, сотрудник Министерства здравоохранения Канады, К.М. Флад и Т. Скасса, профессора Университета Оттавы, считают, что необходимо различать два часто взаимосвязанных вида предвзятости при использовании ИИ с двумя их подмножествами¹. Первый – алгоритмическая предвзятость, включающая в себя предвзятость в кодировании, вводимую, пусть и неосознанно, автором во время разработки ИИ, который впоследствии самостоятельно «учится» быть предвзятым. Второй – необъективные данные с двумя ключевыми источниками необъективности: (а) обучение на нерепрезентативных данных (т.е. данных, которые не являются должным образом репрезентативными для диапазона возможных пациентов) и (б) предвзятость, возникающая в результате того факта, что доступные данные получены из систем, которые являются необъективными с точки зрения доступа, диагностики и лечения маргинализированных групп.

Существуют опасения не только по поводу предвзятости ИИ, но и по поводу расширения социально-экономического неравенства с помощью этой технологии. ИИ перестраивает рабочую силу, разрушая определенные рабочие места, традиционно занимаемые работниками из числа социально неблагополучных слоев населения. И даже больше, как отмечает доктор юридических наук

¹ См.: Henderson B., Flood C.M., Scassa T. Op. cit. – P. 480.

Балтийской Международной академии В.А. Жилкин, «бум технологий на основе ИИ, способность “умных” машин решать сложные задачи и анализировать документы привели к сокращению рабочих мест и дипломированных специалистов»¹.

В то же время следует заметить, что ИИ способствует появлению новых рабочих мест. Однако проблема заключается в том, что профессии, которые ИИ может исключать, по сравнению с теми, которые ИИ добавляет, могут принадлежать разным демографическим группам людей. Большинство рабочих мест, которые ИИ создает, связаны с аналитикой данных и технологиями, и они статистически не принадлежат меньшинствам. Это означает, что ИИ сам по себе способствует и без того катастрофическому социально-экономическому неравенству в мире.

Защита персональных данных. Как уже отмечалось ранее, серьезной проблемой, связанной с ИИ, является конфиденциальность или, точнее, ее отсутствие. По мере развития ИИ увеличивается возможность использования личной информации способом, нарушающим неприкосновенность частной жизни². Увеличение объема данных, собираемых ИИ, оставляет открытой дверь для злоупотребления ими. ИИ может нарушить конфиденциальность многими способами, такими как: несанкционированное использование, идентификация и отслеживание, прогнозирование и профилирование.

Старший научный сотрудник отдела ИИ и здравоохранения Университета Оттавы М. Да Силва, профессор Университета Оттавы К.М. Флад, профессор Университета Далхаузи М. Гердер обращают внимание на то, что законодательство большинства современных государств, как правило, освобождают обезличенные персональные данные от строгой защиты, в то время как мощные инструменты ИИ увеличивают риски повторной идентификации отдельных лиц. В ответ на указанные вызовы правоведами были предложены различные варианты защиты персональных данных

¹ См.: Жилкин В.А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6. – С. 40.

² Цит. по: Shen N. Op. cit. – P. 7.

при использовании ИИ, включая дифференциальную конфиденциальность и синтетические данные, но каждое из них не раз подвергалось резкой критике и не в полной мере решало все вопросы, связанные с безопасностью¹.

Нерешенные проблемы защиты персональных данных связаны с предвзятостью алгоритмов и проблемами безопасности следующим образом: некоторые группы, маргинализированные в обществе, могут неохотно разрешать использование своих данных для поддержки разработки технологии, но ИИ, разработанный без такой информации, может быть предвзятым и допускать ошибки в диагнозах и рекомендациях по лечению. В то же время, некоторые инструменты, используемые разработчиками ИИ в попытках защитить конфиденциальность, требуют компромиссов в отношении точности, которые сами по себе могут вызвать опасения по поводу безопасности. Регулирующим органам, вероятно, также придется соблюдать необходимый баланс между этими ценностями².

Если согласованные правовые рамки не устранят вышеупомянутые опасения по поводу алгоритмической предвзятости и конфиденциальности, это может подорвать доверие общественности к использованию ИИ в здравоохранении и создать значительную пропасть между разработкой и внедрением инноваций. Некоторые авторы называют этот разрыв «неудобной правдой» об ИИ³. Это может привести ко многим упущенным возможностям для ценных разработок в области ИИ, которые, вероятно, улучшат государственную систему здравоохранения.

Развитие правового регулирования – необходимый элемент процесса минимизации рисков применения искусственного интеллекта. Несмотря на многообещающие перспективы во внедрении более строгих правил в области ИИ, существуют также серьезные проблемы, которые необходимо преодолеть. Регулирование ИИ в здравоохранении требует от законодательных органов сбалансировать защиту пациентов и стимулирование инноваций. Увеличивая нормативные ограничения, которые должны преодолеть разработчики ИИ, законодательная власть может задушить

¹ См.: Da Silva M., Flood C. M., Herder M. Op. cit. – P. 647.

² См.: Ibid. – P. 648.

³ Цит. по: Ibid. – P. 648.

инновации из-за того, что разработчикам необходимо заморозить свой производственный процесс, чтобы получить лицензии и разрешения от уполномоченных органов. Эти увеличивающиеся ограничения могут стоить создателям инновационных технологий больших денег и времени, которых у них часто нет.

И.В. Балтутите отмечает, что первым шагом в создании правовой базы, обеспечивающей такое направление цифровизации здравоохранения, как ИИ, должна стать разработка основополагающих этических принципов его использования при оказании медицинской помощи. Данный документ должен будет распространяться на лиц, ответственных за разработку и внедрение инструментов и услуг, основанных на ИИ, а также на лиц, ответственных за нормативную базу, контроль и использование таких инструментов и услуг¹.

М. Да Силва, К.М. Флад и М. Гердер выделяют следующие принципы «высокого уровня», которые должны направлять реформы нормативного надзора за ИИ в сфере здравоохранения²: обеспечение независимого регулирования и контроля; строгий контроль на протяжении всего жизненного цикла продукта; широкое понимание безопасности и прозрачное установление стандартов.

Обеспечение независимого регулирования и контроля. Одна из проблем теории регулирования заключается в том, что отрасль может с высокой вероятностью «захватить» свой регулирующий орган; т.е., со временем регулятор начнёт действовать больше в интересах участников рынка, а не в интересах общества³.

М. Да Силва, К.М. Флад, М. Гердер отмечают, что текущий надзор за медицинскими устройствами, например в Канаде, слишком слаб, и «опасения усугубляются в случае медицинских устройств с ИИ, связанных со здоровьем»⁴. Например, если оставить на усмотрение бизнеса классификацию рисков, исходящих от использования ИИ в медицинских устройствах, и слишком сильно полагаться на их отчётность о проблемах, связанных с безопасно-

¹ См.: Балтутите И.В. Указ. соч. – С. 145.

² См.: Da Silva M., Flood C.M., Herder M. Op. cit. – P. 669.

³ См.: Da Silva M., Flood C.M., Herder M. Op. cit. – P. 670.

⁴ Ibid. – P. 671.

стью, это может позволить промышленности играть ключевую роль в установлении условий своего собственного регулирования.

Конечно, создание излишней бюрократической волокиты не помогает ни разработчикам, ни пациентам, поскольку последние заинтересованы в доступе к полезным технологиям. Однако любой режим регулирования должен разрабатываться с учетом основной цели удовлетворения потребностей пациентов, а не разработчиков.

Строгий контроль на протяжении всего жизненного цикла продукта. Для медицинских устройств, использующих ИИ, важен как предварительный (перед выходом товара на рынок), так и последующий (после выхода товара на рынок) контроль. Эти виды контроля являются необходимыми компонентами хорошо разработанной системы регулирования жизненного цикла продуктов, обращающихся на рынке медицинских товаров и услуг. Учитывая ограниченность данных, в частности об адаптивном машинном обучении, связанном со здравоохранением, обязательны оба вида контроля, чтобы обеспечить безопасность устройств, в которые эта технология встроена.

Любой баланс между регулированием и инновациями ни в коем случае не должен предполагать, что отсутствие надлежащего регулирования благоприятствует инновациям или иным образом отвечает общественным интересам. Например, программа в США, позволяющая быстрее выпускать на рынок лекарства с ограниченными доказательствами безопасности, привела к ряду проблем с безопасностью¹.

Поскольку ИИ в здравоохранении находится на стадии зарождения, с точки зрения фактического внедрения в отрасль, следует придерживаться более консервативного подхода к регулированию, чтобы способствовать укреплению общественного доверия. Внедрение небезопасного ИИ в систему здравоохранения может подорвать доверие общественности к технологии, что приведет к призывам к гораздо более жесткому подходу в регулировании или остановит внедрение и использование полезных технологий.

Более широкое понимание безопасности. Основной проблемой, поднимаемой в юридической и этической литературе по ИИ в области здравоохранения, является риск предвзятости, которая

¹ См.: Da Silva M., Flood C.M., Herder M. Op. cit. – P. 674.

приводит к необоснованной дискриминации. Как отмечалось ранее, если обучающие данные, на основе которых разрабатывается ИИ, недостаточно отражают все слои населения, такие необъективные данные могут формировать или усиливать процесс принятия врачебных решений (например, постановки диагноза, назначения лекарств), не учитывающих потребности всех граждан в области здравоохранения.

Учитывая важность репрезентативных данных, законодательным органам следует принять более широкую общегосударственную политику, направленную на создание инклюзивных наборов данных, возможно с выделением финансирования маргинализированным группам в партнерстве с разработчиками ИИ, чтобы гарантировать наличие таких данных.

Необходимость прозрачного установления стандартов. Расширение и переосмысление безопасности для решения основных проблем, связанных с ИИ, включая вопросы, обусловленные алгоритмической предвзятостью и защитой персональных данных, добавит неопределенности в систему. Поскольку разработчики ИИ, ученые, а также регулирующие органы работают над формированием стандартов, которым должны соответствовать медицинские изделия с ИИ при выходе на рынок, крайне важно, чтобы эти усилия отличались прозрачностью, по крайней мере по двум причинам.

Первая причина обеспечения значимой прозрачности в режиме реального времени – это укрепление доверия. Алгоритмы ИИ представляют собой «черный ящик». Процесс, используемый для разработки требований и стандартов, применимых к передовым терапевтическим продуктам, в том числе к адаптивному машинному обучению, должен быть полностью открыт для общественного контроля. И такая прозрачность не должна проявляться только постфактум, например путем публикации итогового решения по конкретному передовому терапевтическому продукту.

Вторая причина, по которой важна прозрачность, связана с наукой или инновациями. Стандарты, которые должны определять структуру клинических исследований с использованием ИИ, включая способы обеспечения того, чтобы ИИ приводил к практически значимым результатам, далеки от научно обоснованных, особенно в свете неоднородности вмешательств с использованием ИИ.

Например, в настоящее время продукты ИИ включаются в рамки, регулирующие использование программного обеспечения в качестве медицинского изделия, в США, Канаде, Великобритании и Австралии. Роль регулирующих органов в соответствующих рамках заключается в обеспечении базового уровня безопасности и эффективности, необходимого для регистрации изделия и его последующей реализации. Однако достижение этих стандартов не гарантирует, что ИИ действительно принесет пользу пациентам, медицинским работникам или системе здравоохранения. Помимо этого, стоит признать, что регулирующие органы в настоящее время не предоставляют нормативных указаний относительно того, какие доказательства являются достаточной демонстрацией безопасности и эффективности ИИ, что приводит к опасениям за здоровье пациентов при масштабном внедрении алгоритмов¹.

Эксперт по ИИ Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Минздрава России А.В. Гусев, руководитель отдела инновационных технологий Научно-практического клинического центра диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы Д.Е. Шарова акцентируют также внимание на разработке руководящих принципов эффективности и безопасности ИИ-технологий для этических комитетов, а также экспертов, занятых в оценке продуктов на основе ИИ в целях государственной регистрации в качестве медицинских изделий².

Заключение

За последние несколько десятилетий внедрение ИИ в общественную жизнь резко возросло, в том числе и сфере здравоохранения. ИИ используется практически во всех направлениях рабо-

¹ См.: A Research Ethics Framework for the Clinical Translation of Healthcare Machine Learning / M.D. McCradden, J.A. Anderson, E.A. Stephenson, E. Drysdale, L. Erdman, A. Goldenberg, R.Z. Shaul // *The American Journal of Bioethics*. – 2022. – Vol. 22, N 5. – P. 9.

² См.: Гусев А.В., Шарова Д.Е. Этические проблемы развития технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // *Общественное здоровье*. – 2023. – Т. 3, № 1. – С. 49.

ты медицинских организаций и органов управления и надзора в сфере здравоохранения¹.

Искусственный интеллект стремительно меняет систему здравоохранения. На основе методов машинного обучения и больших данных начались разработки эффективных инструментов для улучшения процесса оказания медицинской помощи и продвижения медицинских исследований². Специалисты здравоохранения используют ИИ многими способами, в том числе в диагностике заболеваний и решении административных задач.

Однако эти преимущества сопряжены с такими рисками, как потенциальные дискриминация и усиление социально-экономического неравенства, нарушение конфиденциальности персональных данных. Искусственный интеллект в здравоохранении добился большого успеха и влияния, и для продолжения этой тенденции необходимо дальнейшее развитие биоправа и совершенствование правового регулирования, учитывающего и нивелирующего возможные риски использования данной технологии.

¹ Гусев А.В., Шарова Д.Е. Этические проблемы развития технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // *Общественное здоровье*. – 2023. – Т. 3, № 1. – С. 43.

² См.: Афанасьева Е.Н. Искусственный интеллект и «большие данные» в здравоохранении, область применения и гражданско-правовое регулирование // *Юридическая наука и практика*. – 2020. – Т 16, № 3. – С. 41.

ФИЛАТОВА А.О.¹, ЛЕВИНЗОН В.С.² ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В ОБЛАСТИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАЗАХСТАНЕ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ³

Аннотация. Исследуются вопросы реализации права на информацию о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, проблемы формирования единой государственной информационной системы в области биологической безопасности. Предлагается примерная архитектура будущей единой государственной информационной системы в области биологической безопасности с учетом существующих разработок и опыта использования информационных систем в России и Республике Казахстан.

Ключевые слова: государственная информационная система; биологическая безопасность; окружающая среда; право на информацию; опасные биологические факторы; биологические угрозы; обеспечение биологической безопасности.

¹ Филатова Анастасия Олеговна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), старший научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² © Левинзон Владимир Сулейманович, доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат технических наук, доцент.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00113, <https://rscf.ru/project/23-28-000113/>.

FILATOVA A.O., LEVINSON V.S. Formation of the state information system in the field of biological safety in the Russian Federation and Kazakhstan: organizational and legal issues

Abstract. The issues of implementing the right to information about the state of protection of the population and the environment from the effects of hazardous biological factors, the problems of forming a unified state information system in the field of biological safety are being explored. An approximate architecture of a future unified state information system in the field of biological safety is proposed, taking into account existing developments and experience in using information systems in Russia and the Republic of Kazakhstan.

Keywords: state information system; biological safety; environment; right to information; hazardous biological factors; biological threats; ensuring biological safety.

Для цитирования: Филатова А.О., Левинзон В.С. Формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности в Российской Федерации и Казахстане: организационно-правовые вопросы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 140–155. – DOI:10.31249/iajpravo/2024.02.11

Введение

Одним из современных вызовов национальной безопасности являются биологические угрозы, предотвращение которых является приоритетным направлением правового регулирования суверенных государств. В настоящее время законы о биологической безопасности приняты в нескольких государствах, в том числе и в Российской Федерации.

В отечественной юридической литературе одним из наиболее действенных механизмов профилактики (предотвращения) распространения биологических угроз признается разработка и внедрение государственной информационной системы в области биологической безопасности (далее – ГИС в области биологической безопасности), позволяющей в полной мере реализовать право населения и организаций на получение информации о мерах, направленных на защиту населения и охрану окружающей среды

от воздействия опасных биологических факторов и на предотвращение биологических угроз (опасностей)¹.

В Российской Федерации правовое регулирование создания и функционирования государственной информационной системы в области обеспечения биологической безопасности ограничивается ст. 14 Федерального закона от 30.12.2020 № 492-ФЗ (ред. от 14.11.2023 № 537-ФЗ) «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о биологической безопасности), определяющей, что данная система создается в целях управления биологическими рисками, обеспечения обмена информацией между федеральными государственными органами, государственными органами субъектов РФ и органами местного самоуправления. Согласно ч. 2 ст. 14 ГИС в области обеспечения биологической безопасности включает статистические и иные сведения, предоставляемые государственными органами и (или) находящимися в их ведении организациями. Состав и порядок предоставления таких сведений определяется Правительством РФ. Вместе с тем соответствующего подзаконного нормативного акта Правительства РФ до настоящего времени так и не принято, что порождает некоторую правовую неопределенность по вопросу создания и функционирования государственной информационной системы.

Организационно-правовые проблемы создания государственной информационной системы безопасности в области биологической безопасности в Российской Федерации. Основной проблемой формирования ГИС в области биологической безопасности в Российской Федерации является отсутствие у уполномоченных государственных органов в области химической и биологической безопасности и у организаций, находящихся в их ведении, представления об архитектуре данной ГИС. Нормативно не определены структурные компоненты ГИС в области биологической безопасности – взаимосвязанные информационные подсистемы, способствующие своевременному информационному обмену между уполномоченными органами, а также формированию

¹ См.: Сафронов В.А., Лопатин А.А., Раздорский А.С. Результаты испытаний технического образца компьютерной программы «Система поддержки принятия управленческих решений» // Проблемы особо опасных инфекций. – 2011. – № 3 (109). – С. 23–27.

комплекса мероприятий по обеспечению химической и биологической безопасности. К сопутствующим проблемам относится вопрос о разграничении содержащихся в ГИС сведений в области обеспечения химической и биологической безопасности, определяемых в Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу, утвержденных Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97, и ГИС в области биологической безопасности, а также принципы их соотношения и взаимодействия, разграничения с аналогичными региональными информационными системами.

Периодически на научное обозрение представляются судебные и правоприменительные решения, в которых обуславливаются попытки Министерства здравоохранения РФ и подведомственных ему организаций сформировать подсистему мониторинга биологических угроз и другие подсистемы ГИС химической и биологической безопасности¹. Складывается впечатление, что формирование ГИС в области биологической безопасности находится в стадии активной разработки, но окончательный проект до настоящего времени не утвержден. При этом создан и начал свое функционирование портал информационной системы Координационно-аналитического центра по обеспечению химической и биологической безопасности, доступный для использования только после одобрения заявки.

В условиях неопределенности со структурой, содержанием и функционированием ГИС в области биологической безопасности представляется важным провести систематизацию информационных подсистем, обеспечивающих реализацию права на биологическую безопасность, и выстроить логически стройный образ ГИС в области биологической безопасности в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта.

¹ См.: Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 20.04.2022 г. по делу № А40-47004/2021К; Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Калужской области от 26.07.2022 №040/06/104-614/2022.

Прежде всего целесообразно обозначить необходимую систему правового регулирования ГИС в области биологической безопасности.

Система правового регулирования ГИС в области биологической безопасности представляется достаточно сложной и разветвленной структурой, включающей в себя публичное и частноправовое регулирование санитарно-эпидемиологических, экологических, потребительских отношений, а также отношений по обеспечению радиационной, химической и биологической безопасности, что предполагает межотраслевой подход к теоретическому осмыслению архитектуры государственной информационной системы¹. Среди действующих подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих отдельные элементы рассматриваемых правоотношений, следует выделить:

– Правила предоставления информации (сведений) о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности и проведения мониторинга разработок в области биологической безопасности, а также разработок продукции, в том числе созданной с использованием генно-инженерных технологий и технологий синтетической биологии, утвержденные постановлением Правительства РФ от 30.11.2021 № 2145. Эти Правила регламентируют порядок формирования, учета и хранения сведений, поступающих в единую государственную информационную систему учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения;

– Правила создания, пополнения, ведения и использования коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов, а также Правила создания и ведения национального каталога коллекционных штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов, утвержденные постановлением Правительства РФ от 30.11.2021 № 1668. Согласно п. 2 Правил создание, пополнение, ведение и использование коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов производится на основании трех видов коллекций: государственных, исследовательских и рабочих. Сведения, поступающие в исследовательские

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Юриспруденция. – 2023. – № 2. – С. 8.

и рабочие коллекции, представляются в информационную систему учета и хранения данных – «Национальный каталог штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов», который является отдельной подсистемой и структурным элементом архитектуры ГИС в области биологической безопасности;

– Положение о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», утвержденное постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338. Согласно п. 3 этого Положения областью применения единой цифровой платформы «ГосТех» является инфраструктурное, организационно-технологическое и документационное обеспечение процессов жизненного цикла государственных информационных систем, использование цифровых продуктов платформы «ГосТех» в виде прикладных сервисов, работающих в инфраструктуре облачных вычислений. Платформа «ГосТех» предназначена для реализации процессов жизненного цикла государственных информационных систем, а также для реализации предоставления на платформе «ГосТех» цифровых продуктов в виде прикладных сервисов, работающих в инфраструктуре облачных вычислений. Представляется, что именно данная система станет базовой для функционирования ГИС в области биологической безопасности;

– постановление Правительства РФ от 23.12.2021 № 2425 «Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подлежащей декларированию соответствия, внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2467 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». Актуальность и значимость данного постановления Правительства РФ обуславливается поправкой к ст. 5 ФЗ о биологической безопасности, внесенной Федеральным законом от 14.11.2023 г. № 537-ФЗ, предусматривающей полномочия Правительства РФ по установлению порядка формирования и ведения реестра продукции, необходимой для обеспечения биологической безопасности населения и организации оказания медпомощи, а также реестра предприятий, имеющих резерв мощностей для производства таких товаров;

– постановление Правительства РФ от 11.04.2005 № 206 (ред. от 28.07.2022) «О Федеральном медико-биологическом

агентстве», предусматривающее проведение ФМБА России медико-санитарных мероприятий по предупреждению, выявлению причин, локализации и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, радиационных, химических и биологических аварий и инцидентов, распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний, а также реализацию мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях, ликвидацию медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций, информирование населения о медико-санитарной обстановке в зоне чрезвычайной ситуации и о принимаемых мерах.

Указанные нормативно-правовые акты закладывают основу будущей системы правового регулирования ГИС в области биологической безопасности РФ. При этом в юридической науке сложились неоднозначные мнения по поводу эффективности правового регулирования отдельных элементов биологической безопасности. Т.В. Редникова отмечает, что характерной чертой правового регулирования в сфере обеспечения медико-биологической безопасности является то, что в большинстве случаев оно развивается в ответ на уже случившиеся либо реализованные угрозы. Большое количество норм, регулирующих отношения в сфере обеспечения медико-биологической безопасности и зачастую вступающих в противоречие друг с другом, в значительной степени затрудняют их правоприменение¹. Соглашаясь с этим, важно подчеркнуть, что от состояния правового регулирования механизма обеспечения биологической безопасности в форме единой ГИС зависит реализация населением своего комплексного права на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов. В связи с этим, полагаем, что в целях унификации правового регулирования ГИС в области биологической безопасности важной задачей Правительства РФ является принятие постановления «О мерах по реализации законодательства Российской Федерации в области биологической безопасности», в котором будут определены основные

¹ См.: Редникова Т.В. Правовое обеспечение биологической безопасности в контексте национальной безопасности страны: новые угрозы и меры противодействия // Юридические исследования. – 2023. – № 2. – С. 2.

нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок создания и ввода в эксплуатацию ГИС в области биологической безопасности.

К организационной проблеме создания ГИС в области биологической безопасности относится определение вида цифровой платформы, на которой предполагается ее использование.

В отечественной литературе сложились неоднозначные мнения по поводу организации и эффективности функционирования единой многофункциональной цифровой платформы. Одни авторы рассматривают эту платформу как фактор интеграции, как ресурс, предоставляющий участникам целый ряд преимуществ¹. Так, А.В. Габов, рассматривая понятие «единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех»», введенное Положением о единой цифровой платформе РФ «ГосТех», и понятие «государственная единая облачная платформа», используемое в различных документах, пришел к выводу о соотношении данных понятий как целого и частного и необходимости дублирования данных из облачной системы в единой цифровой платформе. Другие исследователи считают неоправданным совпадение представленных баз данных по своим существенным характеристикам². Учитывая особенности учета и хранения данных, а также их передачи для информирования населения, представляется, что ГИС в области биологической безопасности Российской Федерации может быть разработана в качестве базового сервиса единой платформы.

В отечественной юридической литературе отсутствуют комплексные научные исследования, посвященные ГИС в области биологической безопасности. При этом современные авторы неюридических специальностей пытаются анализировать отдельные информационные подсистемы, имеющие непосредственное отношение к ГИС в области биологической безопасности.

¹ См.: Сафронов В.А., Лопатин А.А., Раздорский А.С. Результаты испытаний технического образца компьютерной программы «Система поддержки принятия управленческих решений» // Проблемы особо опасных инфекций. – 2011. – № 3 (109). – С. 23–27.

² См.: Нуриев Б.Д. Интеграционный потенциал цифровой платформы в сфере международной торговли: проблемы и пути решения // E-Management. – 2023. – Т. 6, №1. – С. 61–70.

В технической литературе одной из функциональных подсистем ГИС в области биологической безопасности называют систему поддержки принятия управленческих решений в области биологической безопасности, реализуемую на местном, региональном и федеральном уровнях. Коллективом авторов-разработчиков данной системы приведен возможный алгоритм взаимосвязи ее элементов и использования. Эта система прошла два этапа апробации, на основе анализа которых сделан вывод об определенной эффективности ее действия. На первом этапе разработки впервые был создан и систематизирован перечень внутренних и внешних угроз биологической безопасности в субъектах РФ. Также сформировано техническое задание в части генерирования тематических карт по показателям¹. Следует заметить, что единой модели так и не создано. Проблему введения данной системы в эксплуатацию, как видится, вызывает отсутствие подзаконного регулирования порядка ее создания и определение сроков введения в действие, а также разграничение полномочий по контролю за созданием между органами федеральной государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ².

Вторым элементом единой ГИС в области биологической безопасности является общая система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в области биологической безопасности. Данная подсистема разработана и функционирует на основе облачной цифровой платформы, эффективно выполняя свою основную функцию: информирование населения о научно-исследовательских разработках в области биологической безопасности. Однако эта система не лишена своих недостатков, одним из которых является наличие большого числа

¹ См.: Результаты испытаний технического образца компьютерной программы «Система поддержки принятия управленческих решений» / В.А. Сафонов, А.А. Лопатин, А.С. Раздорский [и др.] // Проблемы особо опасных инфекций. – 2011. – № 3 (109). – С. 23–27.

² См.: Филатова А.О. Право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. Prologue: Law Journal. – 2023. – № 4. – С. 38–49.

исследований, имеющих посредственное отношение к проблемам биологической безопасности.

Одним из структурных элементов ГИС в области биологической безопасности, реализующих цели информирования населения о биологических рисках и тесно взаимодействующих с информационными системами оповещения и эвакуации людей при чрезвычайных ситуациях, должна стать система информирования населения о биологических рисках. Данная система не находится в стадии разработки и лишь поверхностно упоминается в научной литературе в области обеспечения гражданской безопасности¹. По аналогии с уже разработанными и функционирующими ведомственными информационно-аналитическими системами данных о состоянии окружающей среды, действующими на территории субъектов РФ, система информирования населения о биологических рисках могла бы получить статус региональной государственной информационной системы. При формировании целей и задач ГИС в области биологической безопасности необходимо учесть практику создания и опыт функционирования действующих в ряде субъектов РФ государственных информационных систем в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Положительными примерами региональных государственно-информационных систем, на наш взгляд, являются: «Экологический паспорт территории Санкт-Петербурга», ГИС «Электронный эпидемиологический атлас Поволжского края», краевая ведомственная информационно-аналитическая система данных о состоянии окружающей среды Красноярского края (КВИАС) и другие².

Научные разработки аналогичных систем информирования населения об эпидемиологических рисках встречаются в медицинской литературе. Примером научного проекта государственной автоматизированной системы информирования населения о выяв-

¹ См.: Шевченко А.В. Стратегия реализации Концепции радиационной, химической и биологической защиты населения (часть вторая) // Технологии гражданской безопасности. Т. 13. – 2016. – № 3 (49). – С. 83–85.

² См.: Электронный эпидемиологический атлас Приволжского федерального округа [Электронный ресурс]. Электрон. базы данных, текстовые, граф. дан. и прикладная программа. – Нижний Новгород, 2018. – URL: <http://epid-atlas.nniem.ru> (дата обращения 24.01.2024).

ленных инфекционных заболеваниях является проект, представленный ФБУН Нижегородский научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени академика И.Н. Блохиной – «Эпидемиологический атлас Приволжского федерального округа». Как отмечают авторы, применение ГИС с указанными показателями является весьма эффективным инструментом обеспечения мониторинга здоровья населения¹, поскольку позволяет сформировать картину распространения заболевания вплоть до жилого дома и принять оптимальное решение для органов публичной власти, в том числе – проводить необходимые санитарно-эпидемиологические мероприятия. Однако несмотря на признание проекта актуальным и заслуживающим внимания сайт «Эпидемиологический атлас Приволжского федерального округа» в настоящее время отсутствует. В научной литературе отмечается положительный опыт и других информационных систем, как отечественного, так и зарубежного происхождения, примененных в период пандемии COVID-19. К примеру, работа европейского бюро ВОЗ «Ситуация с COVID-19 в Европейском регионе ВОЗ»², «Карта распространения коронавируса в России и мире», разработчиком которой является компания Яндекс, «Коронавирус-монитор – интерактивная карта распространения и статистика COVID-19».

Не вызывает сомнения необходимость использования разработанных и функционирующих систем для создания подсистемы информирования населения о биологических рисках. Вместе с тем остается открытым вопрос о техническом задании, сроках разработки и информации, аккумулируемой данной подсистемой.

Представляется, что в связи с внесенными изменениями в ФЗ о биологической безопасности одним из наиболее взаимосвязан-

¹ См.: Побединский Г.Г., Сарсков С.А., Вьюшков М.В. Прототип раздела эпидемиологического атласа «Мониторинг заболеваемости COVID-19» // Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения : материалы всеросс. науч.-практ. интернет-конференции молодых ученых и специалистов Роспотребнадзора с международным участием, Пермь, 05–09 октября 2020 г. – Пермь, 2020. – С. 394–402.

² См.: Knauer N.J. The COVID-19 Pandemic and Federalism: Who Decides? // New York University Journal of Legislation and Public Policy. – 2020. – Vol. 23, № 1. – P. 8–16.

ных с ГИС в области обеспечения биологической безопасности элементов может быть Государственная информационная система «Защиты прав потребителей» (см. ст. 5 ФЗ о биологической безопасности в новой редакции), на базе которой предполагается разместить сведения для населения и организаций о свойствах и показателях продукции, необходимой для обеспечения биологической безопасности населения, а также реестра предприятий, имеющих резерв мощностей для производства таких товаров.

К действующим подсистемам архитектуры ГИС в области биологической безопасности, данные которых скрыты в связи с необходимостью обеспечения государственной тайны, относятся: Национальный интеграционный центр мониторинга биологических угроз, включающего наблюдение за опасными и вредными факторами на производстве, и Национальный каталог штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов¹. Несмотря на отсутствие возможности исследовательского анализа соответствующих подсистем, полагаем, что указанные подсистемы должны быть автоматизированными характерами и работать независимо от глобальной сети Интернет с целью обеспечить информационный обмен в случае информационных атак и других попыток неправомерного использования системы.

Формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности потребует решения таких дополнительных организационных вопросов, как: определение субъектов, обладающих правом доступа к отдельным видам подсистем; разработка регламента осуществления контроля за вносимой информацией; определение набора информационных параметров обмена информацией между органами публичной власти, установление ответственности за внесение как заведомо ложной, так и недостоверной информации и др.² К сопутствующим вопросам относятся: синхронизация правового регулирования ГИС в области биологической безопасности, предусмотренного ФЗ о биологической безопасности, и соответствующих положений Федерального закона «Об информации, информационных технологиях

¹ См.: Филатова А.О. Указ соч. – С. 38–49.

² См.: Волк В.К. Базы данных. Проектирование, программирование, управление и администрирование. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 44.

и о защите информации»; включение данных мониторинга биологических угроз региональных аккредитованных центров биологической безопасности в ГИС в области биологической безопасности; ведение и опубликование в информационных системах протоколов принятия решений об оповещении и эвакуации населения¹.

Таким образом, архитектура единой ГИС в области биологической безопасности должна включать: систему поддержки принятия управленческих решений в области биологической безопасности; систему учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в области биологической безопасности; систему информирования населения о биологических рисках; информационную систему «Защита прав потребителей» в области обеспечения биологической безопасности товаров; Национальный интеграционный центр мониторинга биологических угроз; Национальный каталог штаммов патогенных микроорганизмов и вирусов.

Правовое регулирование создания и функционирования государственной информационной системы в области биологической безопасности в Казахстане. Обращаясь к опыту зарубежных государств по созданию системы правового регулирования биологической безопасности, заметим, что достаточно стройная система правового регулирования биологической безопасности на сегодняшний день сложилась в Казахстане. Статья 17 Закона от 21.05.2022 г. № 122 – VII «О биологической безопасности Республики Казахстан» устанавливает, что государственная информационная система в области биологической безопасности создается в целях анализа ситуации, прогнозирования и моделирования биологических рисков, выработки скоординированных и оперативных мер реагирования посредством централизованного учета и мониторинга в области биологической безопасности, управления биологическими рисками, обмена информацией между государственными органами и местными исполнительными органами областей,

¹ См.: Остроух А.В. Проектирование информационных систем. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 50.

городов республиканского значения, столицы¹. Также законодательно определяется, что объектами информатизации в области биологической безопасности являются электронные информационные ресурсы, программное обеспечение, интернет-ресурс и информационно-коммуникационная инфраструктура в области биологической безопасности.

Распоряжением Премьер-министра Республики Казахстан от 11.08.2022 № 123-р «О мерах по реализации законов Республики Казахстан “О биологической безопасности Республики Казахстан” и “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам биологической безопасности”» утвержден перечень правовых актов, принятие которых необходимо в целях реализации законов в области биологической безопасности. В данном распоряжении определены сроки принятия соответствующих подзаконных нормативно-правовых актов, их наименования, формы, а также государственный орган, ответственный за его принятие.

К числу подзаконных нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения в области ГИС биологической безопасности Республики Казахстан, относятся следующие:

– Правила формирования, ведения и содержания национальных коллекций патогенных и промышленных микроорганизмов и перечень организаций, уполномоченных на их формирование, ведение и содержание, утвержденные постановлением Правительства Республики Казахстан от 25.11.2022 № 953;

– Правила проведения мониторинга эффективности внешней оценки биологических рисков, утвержденные приказом Министра здравоохранения Республики Казахстан от 27.08.2022 № ҚР ДСМ-93;

– Правила ведения учета, мониторинга и прогнозирования (моделирования) в области биологической безопасности, утвержденные приказом и.о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 30.11.2022 № ҚР ДСМ-143;

¹ См.: Закон Республики Казахстан от 21.05.2022 № 122-VII ЗПК «О биологической безопасности Республики Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000122> (дата обращения: 12.12.2023).

– приказ вице-министра здравоохранения Республики Казахстан от 30.09.2022 № 855 «Об утверждении перечня нормативных технических документов, национальных и (или) межгосударственных стандартов в области биологической безопасности»;

– приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 09.11.2022 № ҚР ДСМ-132 «Об утверждении типовой программы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области биологической безопасности».

Наиболее полное правовое регулирование ГИС в области биологической безопасности осуществляют Правила ведения учета, мониторинга и прогнозирования (моделирования) в области биологической безопасности, утвержденные приказом исполняющего обязанности Министра здравоохранения Республики Казахстан от 30.11.2022 № ҚР ДСМ-143. Глава 7 данных Правил регулирует порядок формирования и ведения государственной информационной системы в области биологической безопасности, а также сбора, обработки, хранения и передачи информации. Информация (документация) в области биологической безопасности, поступающая в ГИС, аккумулируется в унифицированном виде и образует единую национальную базу данных в области биологической безопасности. Статья 5 указанных Правил фактически описывает будущую архитектуру ГИС в области биологической безопасности, указывая основное функциональное назначение ее подсистем: интеграция с информационными базами и системами государственных органов, их подведомственных организаций, которые содержат информацию (документацию) в области биологической безопасности; интеграция с информационными системами, применяемыми субъектами, осуществляющими обращение с I и (или) II группами патогенности; осуществление автоматизированного сбора, хранения, обработки, обобщения и анализа информации (документации) в области биологической безопасности, автоматизированного прогнозирования (моделирования), а также их представления в установленном порядке субъектами ГИС в области биологической безопасности; информационный обмен сведениями между субъектами ГИС в области биологической безопасности.

Из отмеченных подзаконных актов Республики Казахстан также стоит выделить приказ Министра науки и высшего образо-

вания Республики Казахстан от 28.03.2023 № 133 «Об утверждении типовой программы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области биологической безопасности», в котором регулируются отношения по управлению биологическими рисками для лабораторий и других смежных организаций, а в саму программу переподготовки включен подраздел «ГИС в области биологической безопасности».

Однако в настоящее время единой платформы размещения ГИС в области биологической безопасности Республики Казахстан не создано: отдельные подсистемы находятся в стадии разработки технического задания, другие же функционируют в рамках Национального центра биотехнологий Республики Казахстан. Несмотря на отсутствие четкой определенности элементов архитектуры данной информационной системы, правовая и функциональная база в Республике Казахстан подготовлены. Полагаем, что практика правового регулирования ГИС в области биологической безопасности в Республике Казахстан должна быть взята за основу в процессе формирования аналогичной государственной информационной системы в Российской Федерации.

Заключение

В настоящее время актуализируется главный вопрос создания ГИС в области биологической безопасности в Российской Федерации – обеспечение правового и организационного подзаконного регулирования. Не случайно в данной статье приведен положительный законодательный опыт Республики Казахстан в рассматриваемой сфере информационных правоотношений. Первоочередной задачей Правительства РФ является разработка и принятие нормативно-правового акта «О мерах по реализации законодательства Российской Федерации в области биологической безопасности», аналогично принятому в Республике Казахстан и определяющему перечень основных подзаконных нормативных правовых актов, необходимых для формирования ГИС в области биологической безопасности, сроки их принятия и уполномоченный государственный орган.

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБЗОРЫ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЦЕНЗИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 34.01

DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.02.012

СКУРКО Е.В.¹ СУЩНОСТЬ, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И БУДУЩЕЕ ПРАВА

Аннотация. Сущность права, его преобразующая социальные отношения сила, а также перспективы правового развития – «вечные» теоретические вопросы права. Праву как социальному явлению не чужды трансформация и модернизация. Анализ правовых систем современности, их динамики позволяет исследователям рассматривать сущность права, роль права как социального регулятора, правовую материю и правовую форму – в духе общественного развития и общественных ожиданий. В обзоре представлены новейшие работы отечественных и зарубежных специалистов по теории права, отражающие новейшие подходы и идеи в анализе сути права и его институциональной и инфраструктурной роли в социуме.

Ключевые слова: теория права; философия права; сущность права; эволюция права; правовые преобразования; правовое будущее.

SKURKO E.V. Essence, transformations and future of law

Abstract. The essence of law, its force to transform social relations, as well as the prospects for legal development are «eternal» ques-

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

tions of the theory of law. Law as a social phenomenon is not alien to transformation and modernization. The analysis of modern legal systems and their dynamics allows researchers to consider the essence of law, the role of law as a social regulator, legal matter and legal form – in the spirit of social development and public expectations. The review presents the latest works of domestic and foreign experts in the theory of law, reflecting the latest approaches and ideas in the analysis of the essence of law and its institutional and infrastructural role in society.

Keywords: theory of law; philosophy of law; essence of law; evolution of law; legal transformation; legal future.

Для цитирования: Скурко Е.В. Сущность, преобразования и будущее права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 156–170. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.02.12

Введение

В современном обществе право выполняет две функции – поддерживает нормативные ожидания и преобразует социальные явления, придавая им правовые формы. С философской точки зрения право можно представить и как «цель», и как «средство». Правопонимание до некоторой степени определяет динамизм современных правовых систем, но их историчность не менее значима. И первое, и второе в существенной степени определяют будущее права.

Актуальным проблемам и подходам к развитию правового регулирования с точки зрения философии права и его эволюции посвящена данная обзорная статья, отражающая новейшие исследования и идеи представителей теории права в России и за рубежом.

Вопросы сущности права. В 2022 г. в Саратовской государственной юридической академии был выпущен сборник статей к столетию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Михаила Иосифовича Байтина, одного из ведущих ученых – теоретиков права.

Фундаментальный для современного отечественного правоведения труд М.И. Байтина «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)», опубликованный

в 2001 г.¹, отражал позиции и взгляды большей части отечественных юристов, их реакцию на перемены в российском праве и правовой системе страны после 1991 г. В анализируемом сборнике научных статей «Сущность права» под редакцией В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина [1] современными российскими учеными развиваются и переосмысливаются ключевые для теории и философии права вопросы, и прежде всего – вопрос о сущности права.

Историко-философские вопросы осмысления сущности права составляют основное содержание данной коллективной работы. Освещаются проблемы справедливости и правопонимания (А.В. Аверин, В.М. Шафиров, В.П. Малахов, Р.А. Осипов); духовно-нравственные аспекты и ценности права (С.Н. Бабурин, Т.Н. Радько, А.М. Осавелюк, О.В. Лазарева), вопросы гносеологии права (В.М. Баранов, С.И. Захарцев, В.П. Сальников) и др.

Так, по мнению А.В. Аверина, вопрос о происхождении права представляется ключевым в понимании его сущности. В поиске ответа на него существует два различных подхода. Первый – наиболее распространенный – от теоретических предпочтений в понимании права к поиску объяснения его генезиса. Второй – противоположный – заключается в поиске закономерностей, благодаря которым в человеческом общежитии должен был появиться данный регулятор общественных отношений [1, с. 8].

Формирование права как социального регулятора происходит постепенно – его возникновение является результатом действия природных закономерностей, которые могли проявиться при стечении определенных обстоятельств. Право как специфический социальный регулятор появляется там и тогда, где и когда закономерности социального развития «вызвали его к жизни», поскольку иные, уже существующие социальные регуляторы (предтеча права – по М. И. Байтину) не в полной мере «справлялись» с важнейшей своей функцией, позволяющей социуму, достигшему определенного уровня развития, далее существовать и динамично развиваться [там же].

¹ См.: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – 416 с.

Взаимосвязь сущности права и справедливости А.В. Аверин выстраивает, опираясь на классических философов, экономистов, социологов, юристов. В истории философии справедливость рассматривалась как социальное явление, не только охватывающее все стороны общественной жизни (Платон), но и определяющее общественные устои (Г.В.Ф. Гегель). Справедливость в качестве социального явления возникает как продукт взаимодействия людей (К. Маркс), она существует уже в первобытном обществе (П. Лафарг), а также изменяется в результате развития данного конкретного общества. При этом хотя сформированные в данном конкретном обществе идеалы справедливости изначально и воспринимаются людьми «как данность», но отдельными лицами, социальными группами или обществом в целом они оцениваются по-разному: как приемлемые или неприемлемые («консервативная» и «революционная» стороны справедливости – Ф. Энгельс). Самому содержанию справедливости присуще свойство противоречивости, разрешение которого зависит от ответа на вопрос, по отношению к индивиду, группе или обществу был бы справедлив тот или иной идеал (к друзьям или врагам – Сократ; господам либо рабам, порядочным или никчемным людям – Платон; равным или неравным – Аристотель; классу, профессии – Ф. Энгельс; цеху, пролетариату, всем членам общества – В.И. Ленин) [1, с. 13].

По утверждению А.В. Аверина, справедливость коренится не в праве: справедливость есть «общее», присущее живой природе, а право – часть этого «общего», относящаяся лишь к жизни человеческого сообщества. Справедливость в наиболее общем ее значении представляет собой оценочную категорию, характеризующую разнообразные проявления жизнедеятельности с позиций закономерностей существования живой природы. В связи с этим, заключает автор, «ответ на вопрос о возникновении (и сущности) права не следует искать в сформулированных концепциях правопонимания» [1, с. 14].

С.Н. Бабурин обращает внимание на то, что сущность государства и права уже с самого их рождения несет в себе отпечаток нравственности породившего их общества. Возникновение конституционных государств означало не просто закрепление на высшем законодательном уровне политической и правовой систем, но и трансформацию сущности государства, наполнение ее новы-

ми чертами и признаками, в том числе усилением духовно-нравственного начала. Права и свободы – социальная ценность, но и нравственная, а принцип разделения властей – важное условие реализации такого нравственного начала, как справедливость. Нравственность, основываясь на совести личности, выступает одновременно и социальным явлением [1, с. 39].

С точки зрения профессора В.М. Баранова, для раскрытия сущности права недостаточно усилий отдельных, даже очень талантливых, исследователей. Сущность права, считает он, настолько динамична, неуловима, многомерна, что «позволяет юридической науке на каждом этапе развития обнаружить лишь некоторые ее стороны, аспекты, моменты, лики, черты, свойства, состояния, процедуры, образы» [1, с. 48].

Что касается общеюридического (хотя бы и временного) консенсуса по проблеме сущности права, В.М. Баранов полагает, что «хороший ответ можно попытаться найти в уже существующих подходах, например, в современном международном праве, когда (1) конкретные решения принимаются консенсусом; (2) под консенсусом понимается отсутствие каких-либо формальных возражений; (3) вопрос, который кто-либо считает вопросом сущности, должен так и рассматриваться, как вопрос сущности» [там же].

Большое внимание авторы сборника уделяют анализу государственно-правовых закономерностей (А.А. Воротников, Е.Н. Копина, О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева), системному и отраслевому правовому развитию (В.В. Кожевников, А.Г. Репьев, И.С. Барзилова, О.В. Пискунова, В.В. Трофимов, Е.Ю. Архипова, Е.Г. Потапенко, А.И. Переплетчикова), правотворчеству и правоприменению (А.Г. Хабибулин, К.Р. Мурсалимов, П.А. Гук, А.А. Никитин).

Так, П.А. Гук подчеркивает, что разделяет важнейшие тезисы профессора М.И. Байтина о сущности права, взаимосвязи различных школ правопонимания, о воздействии идей естественно-правовой теории на развитие современного российского права. Впервые они получили официальное признание и выражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР 1991 г. и Конституции РФ 1993 г. Один из новых моментов, характеризующих современный нормативный подход к праву, по мнению П.А. Гука, состоит в стремлении преодолеть его отрыв от идей ес-

тественной школы права, обеспечить единство естественного и позитивного права в теории и на практике. Более того, в этом направлении развивается отечественная научная доктрина, а позитивное право в России формируется судебными органами, когда посредством толкования законов раскрывается сущность норм права для регулирования общественных отношений [1, с. 88].

Воззрения М.И. Байтина на сущность права и их оценка и развитие отечественными специалистами в области теории права, представленные в вышеупомянутом издании, с нашей точки зрения, являются ценным вкладом в развитие правовой науки.

Современное общество демонстрирует устойчивый спрос на понимание сути права, правовых явлений, правовых регуляторов в целях преобразовать разнообразные социальные процессы и отношения. В связи с этим далее остановимся на новых концепциях права, представленных в публикациях зарубежных ученых-юристов.

Концепция «трансформирующего права» (transformative law). Эту концепцию выдвинул Поль Ф. Кьяэр из Копенгагенской школы бизнеса (Дания). Ипостась права, – начинает свое исследование автор, – «оформление социальных явлений, будь то из области экономики, политики, религии и др.» [4].

Поддержание нормативных ожиданий является ключевой функцией права. Однако и само право трансформируется в попытке стабилизировать, а также расширить или преобразовать разнообразные социальные процессы и отношения. Правовые институты конкуренции, договора или собственности служат яркими примерами. Концепция «трансформирующего права» возникает из гносеологического понимания права – как «формообразующего», придающего правовое состояние социальным явлениям. Именно благодаря этой функции «придания формы» право конституирует общественный феномен как правовой институт, и именно такое свойство права создавать (правовые) формы обеспечивает ему стратегическое положение в обществе и в общественных отношениях [4, р. 760].

Развитие права исторически направлено на установление разграничений между различными сферами жизни, «измерениями» общества. Взаимодействие этих различных «измерений» общества в рамках строгих правовых форм позволяет переносить компонен-

ты смысла – моральные, религиозные, социальные, культурные, политические – из одного «измерения» общественной жизни в другое, в юридически точной и контролируемой форме. Функции права как основные направления воздействия государства на общественные отношения дифференцируют и взаимосвязывают эти отношения. Это не только и не столько позиция «верховенства», сколько роль «инфраструктурной сети» [4, р. 762].

Общество в условиях преобразующего права выходит за рамки устоявшихся различий в правовых формах, таких как частное – публичное, государство – гражданское общество, национальное – транснациональное. «Тем не менее, именно право (а не политическая власть в социуме) обеспечивает общество институциональной сетью, которая отражает роль права как одновременного дифференцирующего и связующего звена» [4, р. 763].

В современном мире, по мнению П.Ф. Кьяэр, сохранение высокоцентрализованного государственного управления, действующего в статичных правовых рамках, практически невозможно – в связи со многими сложными проблемами управления обществом. Более того, сама идея, что государство обладает способностью осуществлять всеобъемлющую форму контроля во всех сферах жизни общества, исторически сомнительна. Точно так же неоправданна и полная ставка на общественное «саморегулирование», которое вызвало, в частности, «стихийное» развитие финансового сектора и последовавший мировой финансовый кризис 2007 г. [4, р. 768].

Заглядывая в перспективу, автор исследует потенциал для нового подхода – «новой “эволюционной” стадии права», «трансформирующего права». «Формирование» относится к форме, а частица «транс» – к действию, при котором форма выходит за рамки уже существующей, т.е. трансформация означает «изменение формы». Таким образом, цель «трансформирующего права» состоит в изменении (правовых) форм [4, р. 769].

Изменения наблюдаются в трех аспектах – материальном, социальном и временном:

– в материальном аспекте – акцент на форме означает более пристальное внимание к основной задаче права как механизма одновременной дифференциации и взаимосвязи различных социальных процессов. Право классифицирует социальные явления и дей-

ствует в этом смысле как конститутивное начало, придавая юридическую форму социальным процессам [4, p. 769];

– в социальном аспекте – право играет решающую роль в содействии социальному обмену (покупка товаров и услуг), или, напротив, воспрепятствовании социальному обмену (в случае применения насилия или распространения клеветнических заявлений в социальных сетях и др.). Кроме того, право в рассматриваемом аспекте повышает эффективность социальных процессов, придавая им организационные формы. Эти перспективы могут быть расширены за счет «инфраструктурного права», понимаемого как сеть и каналы, через которые осуществляются административные, экономические, массовые коммуникации и другие социальные процессы [4, p. 771];

– во временном аспекте – право позволяет справиться с растущей сложностью общества и общественных отношений и сосредоточиться на разработке процедур для процессов принятия решений. «Процедурализация» в праве – традиционный способ управления в обществе, он позволяет праву стать более гибким, адаптивным и динамичным, лучше реагировать на изменения в обществе. Процедурный подход имеет много преимуществ, он создает основу для расширения временного горизонта за счет разработки правовой концепции устойчивого развития как в индивидуальном, так и в общественном измерении. Эта концепция могла бы служить объединяющим фактором для широкого спектра общественных процессов и групп проблем, таких как экологическая, социальная, здравоохранительная, а также экономические вопросы и проч. [4, p. 772].

Однако автор понимает, что его концепция «трансформирующего права» – это скорее потенциальная возможность, чем близкая реальность. Структурно появление такого права обуславливается «ускорением», «темпорализацией» общества. Однако фрагментарные проявления «трансформирующего права», которые отмечаются сегодня в науке, практике и законодательстве, могут и не создать, в итоге, новой фундаментальной структуры «трансформирующего права» [4, p. 778].

Исходя из концепции П.Ф. Кьяэра, И. Кампуракис, сотрудник Роттердамского университета Эразма (Нидерланды), развивает идеи о роли и потенциале права в социальных преобразованиях

[3]. Опираясь на представления о конституирующей роли права, он задает контуры «трансформирующего инструментализма», в котором право понимается как инструмент для формулирования политических и социальных целей. В отличие от П.Ф. Кьяэра, И. Кампуракис переносит внимание с формы «трансформирующего права» на его содержание [3, p. 808].

Автор выдвигает тезис о том, что признание конституирующей роли права не обязательно приводит к инструментализму, исчерпываемому контролем над процессами «юридического кодирования». Роль права определяется не только правовым институционализмом, но и приоритетностью материальных целей социально-правового развития. При этом открытым остается вопрос о конкретных правовых формах или политике, которые материализуют такие цели [3, p. 809].

«Право 3.0». Если ставить «во главу угла» правового развития технологический прогресс, вариант правового будущего можно представить в концепции «Права 3.0», как это делает профессор права Королевского колледжа Лондона и Борнмутского университета, почетный профессор Шеффилдского университета Р. Браунсворд [2]. По его мнению, последние достижения в области технологий дают возможность использовать технические решения, а не просто полагаться на юридические нормы, правовое регулирование общественных отношений – из чего, в результате, должно появиться «право версии 3.0». Центральная идея автора состоит в том, что современное право и его развитие не могут быть в полной мере понятны до тех пор, пока мы не осознаем значения технологий в формировании как правовой доктрины, так и нормативного мышления. «Право 3.0», – утверждает он, – особый вид риторики (и мышления), который следует сравнивать с двумя предшествующими (эволюционными) формами – концепциями «Право 1.0» и «Право 2.0» [2, p. 1].

Что же следует понимать под доктриной «Право 1.0» и тем, как оно развивалось, чтобы возникло «Право 2.0», которое, в свою очередь, со временем эволюционировало, чтобы дать сформироваться концепции «Право 3.0»?

В концепции Р. Браунсворда формой аргументации в «Праве 1.0» является применение норм, стандартов и общих принципов к конкретным фактическим ситуациям. Некоторые из правовых

норм, стандартов и принципов способны проявлять себя довольно гибко, что означает, что «Праву 1.0» присуща – в некоторой степени – способность вносить коррективы в новые ситуации и обстоятельства, либо делать исключения для случаев, когда применение к фактам относимых правовых норм являлось бы несправедливым в данных обстоятельствах [2, р. 3]. Тем не менее по мере роста индустриализации общества, расширения использования технологий, возрастает нагрузка на «Право 1.0»; оно оказывается не приспособлено для реагирования на все те множественные ситуации, обстоятельства и риски, которые возникают [2, р. 17].

На этом этапе начинает выкристаллизовываться «Право 2.0». Здесь форма аргументации и правовая доктрина приобретают политический характер и инструментализм. Вопрос состоит в том, чтобы сделать право эффективным, в формулировании новых норм и правил, нормативно-правовой базы, развитии «правового регулирования» и механизмов, которые служили бы целям, которым на данном этапе намерены следовать государственная власть и правительство [2, р. 3].

В доктрине «Права 2.0» центр тяжести в правовой системе смещается с судов и «судебников» на исполнительную и законодательную власть. В вопросах, где требуется регулировать применение новых технологий, до некоторого момента оказываются востребованы как версии «Права 1.0», так и «Права 2.0».

Переход от «Права 2.0» к «Праву 3.0» основывается на инструментализме, свойственном «Праву 2.0», однако в этот период многое зависит от того, насколько данное общество готово принять новые технологии в качестве одного из способов изменения общественных отношений, наряду с юридическими средствами. Например, идея о том, что архитектура и дизайн могут быть использованы для защиты личности и собственности, так же стара, как пирамиды и замки. Нормативный подход в доктрине «Права 3.0» характеризуется постоянным вниманием к потенциальному использованию технологического инструментария, т.е. технологий, количество, качество и многообразие которых существенно отличают наши современные условия жизни как от доиндустриальных, так и от раннеиндустриальных обществ [2, р. 34].

Чтобы проиллюстрировать особенности подходов «Права 3.0», Р. Браунсворд приводит пример со сбоем в лондонском аэро-

порту Гатвик незадолго до Рождества 2018 г., когда в непосредственной близости от аэродрома был замечен неизвестный беспилотник. В качестве меры предосторожности все рейсы были приостановлены, и на два дня аэропорт был закрыт. Учитывая, что тысячи пассажиров оказались в крайне затруднительном положении, это стало главной новостью страны. Для того чтобы впредь избегать такого рода «новостей», стало ясно, что потребуется определенная реакция. Как в такой ситуации должно было бы отреагировать право? Например, в этот же период представители ассоциации пилотов рассказывали в телеинтервью, что они уже неоднократно ставили вопрос о том, что беспилотные летательные аппараты представляют реальную опасность для воздушных судов, и что зоны отчуждения вокруг аэродромов (установленные действующими правовыми нормами) необходимо расширить. В свое время правительство отреагировало на эти обращения, объявив, что полиции будут предоставлены новые полномочия по борьбе с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов, и что бесполетная зона для беспилотных летательных аппаратов будет расширена до трех миль вокруг аэропортов. Принимая подобные решения, правительство фактически признало, что существующее правовое регулирование не соответствует предполагаемым для него целям – не подходит для защиты безопасности воздушных судов, их пилотов, экипажа и пассажиров, и что необходимо внесение в него изменений.

Однако в то же время ситуация могла получить другой ответ: вместо того, чтобы сосредоточиться на поиске соответствия юридических норм поставленным целям в правовом регулировании, можно было бы сосредоточиться на поиске технологического решения, которое на практике сделало бы невозможным полет беспилотника вблизи аэропорта (например технологии для отключения и безопасного сбивания несанкционированных беспилотных летательных аппаратов). То есть, вместо того чтобы полагаться на нормативное правовое регулирование рисков, связанных с авиационными полетами, можно технологически улучшить конструкцию и требования по безопасности беспилотных летательных аппаратов и/или аэродромов.

По мнению Р. Браунсворда, «сосуществование» выделенных им двух подходов в регулировании – (1) посредством изменения

нормативного правового регулирования и (2) прямого технологического решения – составляет сущность «Права 3.0».

Автор проводит идею о том, что в современном мире наряду с развитием нормативного правового регулирования следует искать возможные технические решения. Это охватывает широкий спектр мер, которые могут дополнять или заменять нормативное правовое регулирование. Меры могут быть, например, «архитектурными», т.е. здания и помещения могут проектироваться таким образом, чтобы уменьшить возможности для совершения преступлений, несчастных случаев и травм, для энергосбережения и тому подобного. Технологические меры и решения могут быть включены в разработку продуктов или процессов (например, при автоматизации люди могут быть удалены и исключены из потенциально опасных ситуаций), и, в принципе, технические меры могут быть включены в переносные устройства или даже в самих людей и т.п. [2, р. 2].

При этом, как отмечает Р. Браунсворд, некоторые черты, свойственные «Праву 3.0», по сути разрушают «традиционное» право юридической аргументацией использования новых технологий, в результате чего, по мнению исследователя, возникает необходимость переосмыслить, а затем и «изобрести» право заново.

Автор полагает, что назрела необходимость переосмыслить сферу регулирования общественных отношений, касающуюся внедрения новых технологий. Вместо того, чтобы мыслить только в «нормативных» конструкциях, предлагается рассмотреть комплексный набор инструментов, которые могут быть использованы для целей регламентации общественных отношений, включая «ненормативные» (технические и технологические меры) [2, р. 5].

Основной тезис Р. Браунсворда – право должно быть адаптировано к новым технологическим достижениям и наделять уполномоченные органы соответствующими инновационному прогрессу обязанностями, а также упорядочивать деятельность органов власти и управления на всех ее уровнях, которые должны – при всех условиях – следовать принципу верховенства права [2, р. 72]. С его точки зрения, «Технические решения в целом и технологический менеджмент, в частности, привлекательны тем, что обещают быть более эффективными, чем нормативное правовое регулирование, но грубый инструментализм технических мер и

технологий требует, чтобы их использование было обусловлено нормативным порядком, который придавал бы им легитимность» [2, р. 81]. В этом он видит верховенство права при использовании технологических инноваций.

Из множества концепций верховенства права Р. Браунсворд придерживается той, которая противостоит как произвольному управлению, так и безответственному поведению граждан. То есть, верховенство права представляет собой соглашение между, с одной стороны, законодателями, правоохранителями и правоприменителями, с другой – гражданами. Действия первых всегда должны соответствовать конституционным нормам, тогда и граждане, со своей стороны, должны уважать и исполнять законно принятые решения [Ibid.].

Этот подход автор распространяет на доктрину «Права 3.0», предлагая применять идеал верховенства права к использованию технологических достижений. В частности, тот факт, что регулирующие органы в области технологического менеджмента прибегают к «ненормативным регуляторам», не означает неактуальность общественного договора о верховенстве права. С одной стороны, по-прежнему важно, чтобы осуществление власти посредством технологического управления было должным образом санкционировано и ограничено, а, с другой – хотя у граждан может быть меньше возможностей для «несоблюдения» нормативного порядка, важно, чтобы соблюдались ограничения, налагаемые технологическим управлением.

Значение верховенства права в эпоху «технологического менеджмента» не следует преуменьшать. Действительно, если мы хотим заново «изобрести закон» для нашего технологически продвинутого времени, одним из первоочередных приоритетов является признание того, что не только открытая принудительная сила закона ограничивает наши возможности, но и гораздо менее очевидное технологическое регулирование [2, р. 82].

Кроме того, заглядывая еще дальше – в будущее, автор предсказывает, что «Право 3.0» может со временем трансформироваться в «Право 4.0» [2, р. 119]. Например, говоря о признаках «Права 4.0», Р. Браунсворд полагает, что «дальнейшие разработки в области генетики человека позволят нам глубже исследовать гены, понять, насколько конкретные генетические профили опреде-

ляют нас как личность, как мы действуем или реагируем на те или иные ситуации и обстоятельства. В перспективе это могло бы привести к появлению технократической стратегии, которая будет сфокусирована на внутреннем контроле человека. Если бы это произошло, мы бы не столько оказались в технологически управляемой среде, сколько были бы технологически управляемы сами, посредством нашего генетического кодирования» [2, р. 120].

В книге Р. Браунсвора поставлено много вопросов, которые требуют внимания исследователей будущего права. Так, пишет он, «может оказаться, что не биотехнология станет движущей силой Права 4.0... Возможно, это будут дальнейшие достижения в области искусственного интеллекта, вплоть до того, что люди однажды решат, что все юридические и регулятивные вопросы лучше доверить машинам. Если допустимо, чтобы роботы укомплектовывали тюрьмы, почему бы не использовать роботов-полицейских? И если приемлемы роботы-полицейские, почему бы не использовать и роботов-судей? И, если роботы-судьи допустимы, почему бы не использовать робота-правительство?» Или, в «Праве 4.0 может проявить себя верховенство *Lex Machina*. Однако, если общество задумается о технологическом “развороте”, в Праве 4.0 можно будет обнаружить, напротив, уничтожение машин» [Ibid.].

Таким образом, в работе Р. Браунсворда «Право 3.0» сочетаются, с одной стороны, «традиционные» представления об эволюции права XIX–XX вв., например, по схеме «обычай – прецедент – закон», с другой – идея о том, что право – лишь одно из средств регулирования общественных отношений (наряду, например, с этикой, обычновениями, идеологией и проч.).

Заключение

Вопросы теории права – такие, как сущность права, правовые преобразования и трансформации, будущее права, – сохраняют свою актуальность. Исследователи выдвигают множество конструктивных концепций, проектов и идей развития права, его трансформации, которые следует выносить на научное и публичное обсуждение, поскольку роль права в жизни государства и общества высока, и с ним во многом связываются надежды и чаяния эффективного и устойчивого развития.

Список литературы

1. Сущность права : сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. – 312 с.
2. Brownsword R. Law 3.0: Rules, Regulation, and Technology. – Abingdon ; New York : Routledge, 2021. – 130 p.
3. Kampourakis I. Legal theory in search of social transformation // European law Open. – 2022. – N 1. – P. 808–821.
4. Kjaer P.F. What is transformative law? // European law open. – 2022. – N 1. – P. 760–780.

**АЛФЕРОВА Е.В.¹ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В
ИНФОРМАЦИОННОМ (ЦИФРОВОМ) ПРОСТРАНСТВЕ:
ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

Аннотация. Понятие государственного суверенитета включает понимание таких составляющих его элементов, как верховная власть и территория. На основе анализа новых публикаций по суверенитету и киберпространству в данном обзоре показано, как эти ключевые свойства государства действуют в Интернете. Дебаты об информационном (цифровом) суверенитете в киберпространстве отражают разные идеи и практики в этом вопросе. Ученые рассматривают роль и значение суверенитета государства в определении правового статуса киберпространства. Утверждается, что концепция цифрового суверенитета не размывает классическое понятие «суверенитет государства», а лишь отражает вызовы независимости государства, исходящие из различных источников международной конкуренции. Государственный суверенитет признается в качестве основы регулирования межгосударственных отношений в ИКТ-среде.

Ключевые слова: государственный суверенитет; цифровой (информационный) суверенитет; цифровое государство; конституционно-правовое регулирование.

ALFEROVA E.V. State sovereignty in the information (digital) space: doctrinal and legislative approaches

Abstract. The concept of State sovereignty includes an understanding of such constituent elements as the supreme power and terri-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

tory. Based on the analysis of new publications on cyberspace and sovereignty, this review shows how these key properties of the state operate on the Internet. The debate on information (digital) sovereignty in cyberspace reflects different ideas and practices on this issue. Scientists consider the role and importance of state sovereignty in determining the legal status of cyberspace. It is argued that the concept of digital sovereignty does not dilute the classical concept of «state sovereignty», but only reflects the challenges to state independence emanating from various sources of international competition. State sovereignty is recognized as the basis for regulating interstate relations in the ICT environment.

Keywords: state sovereignty; digital (information) sovereignty; digital state; constitutional and legal regulation.

Для цитирования: Алферова Е.В. Государственный суверенитет в информационном (цифровом) пространстве: доктринальные и законодательные подходы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 171–186. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.13

Введение

Почти три десятилетия назад, в 1996 г., Джон Перри Барлоу разработал Декларацию независимости киберпространства, в которой провозглашается идея отсутствия суверенитета государства в данной сфере¹. Суверенитет традиционно был противоречивой юридической и политической категорией, и до сих пор не прекращаются дискуссии о суверенитете в киберпространстве. Глобализация и цифровая технификация, как замечает профессор М. Роблес-Каррильо из Гранадского университета (Испания), представляют собой особенно серьезную проблему для суверенитета. С самого начала цифровая сфера представлялась средой, вряд ли подходящей для осуществления суверенитета. Она не имеет границ и пересекает остальные физические пространства, стирая эффект географических границ. Несмотря на время, прошедшее с момента его возникновения, вопрос о суверенитете в цифровом мире по-

¹ См.: Barlow J.P. Declaration on the Independence of Cyberspace. – 1996. – URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 11.01.2024).

прежнему вызывает споры. В 2020 г. М.Л. Мюллер написал статью «Против суверенитета в киберпространстве» (Mueller M.L. «Against Sovereignty in Cyberspace»), в 2021 г. К.Дж. Хеллер опубликовал статью «В защиту чистого суверенитета в киберпространстве» (Heller K.J. «In Defense of Pure Sovereignty in Cyberspace»). По мере продолжения этих дискуссий появилась новая концепция цифрового суверенитета. Однако, по мнению М. Роблес-Каррильо, «нет свидетельств существенных изменений понятия суверенитета, за исключением того факта, что ряд стран и организаций продвигают управленческие подходы с точки зрения множественных субъектов: “суверенитет и государственная власть изменены, но не уничтожены”» [13, p. 673–674].

В научных исследованиях и в официальных документах появились близкие по смыслу понятия «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «сетевой суверенитет», «компьютерный суверенитет», «технологический» и др. Однако не существует единого или превалирующего определения цифрового суверенитета, нет и консенсуса по поводу самого термина; в литературе эти слова часто используются как альтернативные, объединяющие или взаимозаменяющие. Высказывается мнение, что их нельзя использовать как синонимы, так как каждый представляет «один из аспектов единой, более широкой концепции цифрового суверенитета» [11].

По словам Ю. Поль и Т. Тила (Берлинский Центр социальных наук), понятие цифрового суверенитета «стало гораздо более всеохватывающим и относится не только к вопросам коммуникации в Интернете, но и к более широким вопросам цифровой трансформации обществ» [12]. Растущий интерес к понятию «цифровой суверенитет» объясняется учеными отчасти технологическими причинами (рост значимости облачных технологий), а также разоблачениями фактов государственного и корпоративного шпионажа [5, с. 63].

Китайский профессор В. Гонг определяет «информационный суверенитет»¹ через внутреннюю и внешнюю составляющие.

¹ Не исключая возможного различия с точки зрения содержательных характеристик цифрового и информационного суверенитета, представляется, что в рамках формирования общего доктринального видения данной проблемы эти понятия в настоящей работе рассматриваются в качестве синонимичных.

Внутреннее понимание этого термина заключается в роли высшей государственной власти в формулировании и реализации информационной политики и поддержании информационного порядка в стране, внешнее – в полном юридическом равенстве государств и их независимости от внешнего контроля при производстве и использовании информации [10].

С начала XXI в. в России опубликовано несколько десятков диссертационных исследований по теме «цифровой (информационный) суверенитет», в том числе по теории права и государства, международному и конституционному (государственному) праву, информационному праву¹. Опубликованы многочисленные монографические и другие научные и учебные издания².

Развитие концепции информационного суверенитета государства. Проблематика государственного суверенитета в информационной сфере в правовой науке активно ведется с 1980-х годов. А.А. Ефремов выделяет три периода развития концепции государственного суверенитета в информационном пространстве (информационного суверенитета государства):

¹ Список ряда диссертационных работ и других исследований см.: Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. – 2019. – Т. 63, № 1. – С. 48–48; Он же. Защита государственного суверенитета РФ в информационном пространстве. – Москва, 2020. – 128 с.

² См., напр.: Государство и право в новой цифровой реальности / РАН, ИНИОН ; под ред. И.А. Умновой-Конюховой, Д.А. Ловцова. – Москва, 2020. – 259 с.; Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета РФ в информационном пространстве. – Москва, 2020. – 128 с.; Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при правительстве РФ. – Москва, 2021. – 244 с.; Право, цифровые технологии и искусственный интеллект / РАН, ИНИОН ; отв. ред. Е.В. Алферова. – Москва, 2021. – 267 с.; Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека. – Москва, 2021. – 174 с.; Цифровая трансформация и государственное управление / А.С. Емельянов, А.А. Ефремов, А.В. Калмыкова [и др.] ; ред. кол.: Л.К. Терещенко, А.С. Емельянов, Н.А. Поветкина. – Москва, 2022. – 224 с.; Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л.К. Терещенко. – Москва, 2023. – 244 с.; Жарова А.К. Правовое регулирование создания и использования информационной инфраструктуры в Российской Федерации. – Москва, 2023. – 301 с.; и др.

– *1980-е годы* – выявление соотношения категорий «свобода информации» и «национальный суверенитет», обусловленное развитием трансграничного информационного обмена посредством радио-, теле- и спутникового вещания. Формирование правовой теории информационного пространства, киберпространства только начинается;

– *1990-е годы* – развитие Интернета как международной компьютерной сети. Данный этап характеризуется появлением работ, рассматривающих Интернет как угрозу государственному суверенитету;

– *2010-е годы – настоящее время* – появление концепции суверенитета данных (data sovereignty), связанной с формированием в ряде стран законодательства, предусматривающего локализацию персональных и иных данных в рамках информационной инфраструктуры исключительно данного государства [2, с. 66–72].

Автор выделяет также четвертый этап, обусловленный цифровизацией. Начальный его период он связывает с принятием в мае 2015 г. Еврокомиссией Стратегии единого цифрового рынка ЕС (Digital Single Market (DSM) Strategy), в июне 2016 г. Организацией экономического сотрудничества и развития цифровой экономики – Канкунской декларации: «Инновации, рост и социальное благополучие» и в декабре 2016 г. – Цифровой повестки Евразийского экономического союза, разработанной Евразийской экономической комиссией и подписанной главами государств ЕАЭС и др. [там же].

Следуя нарративу, отличному от понимания цифрового суверенитета, принцип суверенитета, по мнению М.М. Роблес-Каррильо, выражается через его утверждение в киберпространстве несколькими различными способами. Во-первых, принцип киберсуверенитета укрепился в качестве модели управления, продвигаемой рядом стран и международных организаций, в первую очередь Китаем, Россией и Шанхайской организацией сотрудничества, а также в качестве альтернативной модели был поддержан Соединенными Штатами, странами Большой семерки и Евросоюзом. Во-вторых, принцип суверенитета в отношении инфраструктур, сетей и систем, расположенных на территории государства, был принят огромным большинством стран, а также согласован в рамках работы Групп правительственных экспертов и Рабочей

группы открытого состава, утвержденных Генеральной Ассамблеей ООН для обсуждения прогресса в сфере ИКТ и международной безопасности. В-третьих, ряд государств ввели принцип киберсуверенитета при создании своего собственного цифрового пространства с целью обособиться и отделиться от общей цифровой зоны. Так, Китай создал так называемую «Цифровую стену», а Российская Федерация – Яндекс и Рунет [13, р. 677].

Фактически за этим процессом последовательного утверждения суверенитета в киберпространстве стоит несколько уровней мотивации. Государства провозглашают его разными способами и с разной степенью интенсивности. Три главные из них определили А. Чандер (Джорджтаунский университет), и Х. Сан (Гонконгский университет). Правительства выступают за цифровой суверенитет в целях защиты своего населения, например: стремятся удалить материалы, считающиеся незаконными в данной стране (1); развивают собственную цифровую экономику (2); контролируют поведение своих граждан, например, ограничивают свободу информации (3).

Попытки уточнить, приспособить суверенитет государства к каким-либо аспектам государственной политики (военной, экономической, в области культуры и др.), по мнению профессора А.Я. Капустина, нельзя рассматривать иначе как стремление привлечь внимание к угрозам государственному суверенитету в различных сферах международных отношений. С его точки зрения, концепция цифрового суверенитета не размывает классического понятия «суверенитет государства», а лишь отражает вызовы независимости государства, исходящие из различных источников международной конкуренции [4, с. 107]. За четыре столетия, истекшие со времени появления доктрины суверенитета государства в XVI в., этот институт значительно трансформировался, однако его существенные характеристики оставались неизменными – верховенство государства в пределах границ своей территории и его независимость на международной арене [там же].

«Цифровое государство» и три направления концептуальной роли суверенитета в определении правового статуса ИКТ-среды, или киберпространства. Процессы информатизации общества не обошли стороной и его основной институт – государство. В научной юридической, политологической и экономической

литературе обсуждаются концепции «цифрового государства», «цифровой экономики», «цифрового управления», «цифрового судопроизводства» и др. Авторы книги «Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды» Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило определяют три подхода к определению понятия «цифровое государство». Первый – инструментально-технологический, основанный на идее взаимодействия трех ветвей власти государства и муниципальной власти и населения на основе ИКТ. Второй – организационно-управленческий, описывающий этот феномен как новую форму информационных взаимоотношений между государством, государством и бизнесом, государством и гражданами. Третий подход – процедурно-процессуальный – продвигает идею новой формы демократии, цифровой или электронной, обеспечивающей максимальное участие граждан в государственном управлении [8, с. 14–15].

В предложенном авторами понимании понятия цифрового государства речь идет не о замене сущности категории «государство», а о формировании новой формы его взаимодействия с населением страны. Иными словами, сама «цифра», определяемая как информационно-коммуникативные технологии (ИКТ), еще не приобрела качества носителя власти, а является скорее инструментом ее реализации. По мнению А.Я. Капустина, в данном случае суверенитет понимается в его классическом смысле как свойство государства, а не цифровой формы взаимодействия государства с обществом [4, с. 102].

Профессор А.Я. Капустин предлагает условно выделить три направления концептуального восприятия роли суверенитета в определении правового статуса ИКТ-среды, или киберпространства, а также признания государственного суверенитета в качестве основы регулирования межгосударственных отношений в ИКТ-среде [4, с. 103–105].

Первый подход – исключительно нигилистический, его представители отрицают саму возможность признания суверенитета государства в киберпространстве. Это сторонники так называемой идеи киберисключительности, предлагавшие признать киберпространство полностью свободным от суверенитета государства. Ключевая идея – киберпространство должно развивать собственную правовую систему, основанную на концепции саморегулирования.

Представители *второго подхода* признают значение государственного суверенитета для международно-правового регулирования статуса киберпространства, однако более практичным и реальным считается использование в киберпространстве не принципа суверенитета, а понятия юрисдикции государства, которая характеризует способность государства применять принуждение. Государство может осуществлять юрисдикцию над киберинфраструктурой, расположенной на его территории и над его гражданами, когда они вовлечены в кибердеятельность на основе двух принципов: персонального (гражданство) или территориального (на своей территории или экстерриториально). Указанные принципы получили подтверждение в международной и национальной судебной практике. Не отрицая значения юрисдикции для обеспечения и защиты национальных интересов, ученый замечает, что «редукция понимания роли суверенитета государства в киберпространстве до признания лишь возможности реализации им юрисдикционных полномочий не создает твердых гарантий безопасности отдельного государства от таких серьезных угроз, как причинение злонамеренного ущерба или разрушения критически важной инфраструктуры и иных масштабных нарушений жизнедеятельности» [4, с. 106].

Как отмечает А.Я. Капустин, идею «генеративной модели минимального суверенитета киберпространства» выдвинул Т. Ву. С точки зрения этого китайского исследователя, в будущем эта модель «должна спровоцировать необходимые изменения правового регулирования». Смысл ее, или замысел в том, что она «повлечет за собой процесс, посредством которого нормы и правила киберпространства могут стать уважаемыми значительным числом государств» [4, с. 106–107].

Третий подход, с точки зрения автора, более реалистичный. Сторонники этого подхода признают растущую заинтересованность государств в укреплении суверенитета в киберпространстве, особенно в свете непрекращающихся обвинений во вмешательстве во внутренние дела государств с использованием ИКТ. Реализм подобной позиции, по мнению А.Я. Капустина, объясняется практической направленностью исследований, опирающихся на официальные позиции государств, особенно занимающих лидирующие позиции в сфере ИКТ, а также желанием не ограничиваться

научным конструированием, а направить усилия на выработку рекомендаций по международно-правовому регулированию статуса киберпространства и мер, обеспечивающих суверенитет государств. В их числе автор отмечает позицию Х. Мойнихан, которая, следуя классическому пониманию суверенитета государства, рассматривает его как принцип международного права, который включает совокупность суверенных прав: право государства на территориальный суверенитет, право на независимость государственной власти и идею равенства государств в международном порядке (внешний суверенитет). Отсюда следует, что осуществление каким-либо государством своей власти на территории другого государства без его согласия представляет собой нарушение суверенитета этого последнего государства [4, с. 107–108]. При этом приводятся позиции государств, опубликованные в 2019–2020 гг. (Нидерланды, Франция, Австрия, Чешская Республика и Иран), считающих, что несанкционированное кибернападение одного государства на объекты киберпространства другого государства может, при определенных обстоятельствах, привести к нарушению государственного суверенитета. Подобная позиция рассматривается как дополнительное свидетельство того, что государства не отказались от желания сохранить свой суверенитет в киберпространстве [там же].

Интересна в связи с этим позиция Н. Цагуриаса, председателя отделения международного и европейского права Университета Шеффилда (Великобритания), исследующего в своей статье вопрос соотношения киберпространства и суверенитета [14]. Автор пытается ответить на два вопроса: может ли киберпространство быть объектом суверенитета и может ли оно быть суверенным? По его мнению, киберпространство – это «всемирная территория внутри информационного пространства. Оно организовано с помощью электроники и электромагнетического спектра для создания, хранения, изменения, обмена и использования информации через взаимозависимые и взаимосвязанные сети с использованием ИКТ» [14, р. 15]. Суверенитет же в международно-правовом значении тесно связан с территорией. Но поскольку суть суверенитета не в территории, а во власти, он может распространяться не только за пределы какой-либо территории, но и на внетерриториальные сущности. Правовым наполнением суверенитета государства явля-

ется его правомочия, которые оно реализует в отношении киберструктуры, расположенной на его территории, и над гражданами, вовлеченными в кибердеятельность, а также над негражданами, находящимися на его территории. Государство осуществляет юрисдикцию над информацией, циркулирующей в гиперпространстве, в точке приема или в точке доставки, а также над информацией, проходящей по каналам и проводам, подпадающим под его юрисдикцию. Веб-адреса также находятся в пределах юрисдикции государства, поскольку они зарегистрированы в конкретной стране. Иными словами, государство может осуществлять юрисдикцию над киберпространством и кибердеятельностью на национальной и территориальной основах. Следовательно, утверждает Н. Цагуриас, юрисдикция и, соответственно, суверенитет государства могут увеличиваться. Применительно к киберпространству это означает, что, если гражданин одного государства совершил киберпреступление на территории другого государства, первое сохраняет свою юрисдикцию над ним. Более того, в соответствии с принципом пассивной национальности, признаваемым многими государствами, в частности, по отношению к актам терроризма, государство может экстраитерриториально распространить свою юрисдикцию на своих граждан в случаях, когда они стали жертвами преступления. Расширение юрисдикции возможно и в случаях, когда кибердеятельность приводит к последствиям на территории государства. Государство может заявить о своей юрисдикции в ситуации, когда под угрозой оказываются его национальные интересы, вне зависимости от того, где и кем осуществлялась угрожающая этим интересам деятельность. Речь идет в первую очередь о кибершпионаже. Государство вольно заявлять свою юрисдикцию, «его право на осуществление юрисдикции опирается на его суверенитет» [14, р. 15–23].

Таким образом, по мнению Н. Цагуриаса, наблюдаются, с одной стороны, территориализация киберпространства и деятельности в нем, с другой – детерриторизация суверенитета¹.

¹ Подробнее см.: Цагуриас Н. Правовой статус [реф.] // Государство и право в новой информационной реальности : сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН, Отд. правоведения, РГУП, Каф. информационного права, информатики и математики ; отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. – Москва, 2018. – С. 112–118. – Реф. ст.:

Конституционно-правовые характеристики цифрового (информационного) суверенитета. Российские ученые-правоведы А.В. Даниленков, С.В. Нарутто, С.Ю. Колмаков, И.М. Япрынец считают, что юридическая доктрина не выработала единого комплексного подхода к пониманию цифрового (информационного) суверенитета, которое охватывало бы всю специфику субъектов и особенностей правоотношений в информационно-коммуникационной сфере, возникающих в связи с осуществлением публично-властных полномочий государства в этой области [1, с. 157; 6, с. 15]. Тем не менее существующий теоретический и нормативный материал позволяет выделить конституционно-правовые характеристики информационного суверенитета, которые дают возможность создавать необходимые механизмы его реализации и защиты. Так, А.К. Жарова полагает, что по своим общим нормативно-правовым характеристикам информационный суверенитет является составной частью суверенитета государственного [4, с. 28–29]. Несколько иными словами, но аналогично А.А. Ефремов определяет информационный суверенитет как государственный суверенитет в информационном пространстве [2]. Есть и другие мнения, но они не меняют сути государственного суверенитета. Так, Э.В. Талапина полагает, что нет необходимости дробления категории «суверенитет», и целесообразно применять единое понятие государственного суверенитета ко всем сферам его реализации, включая информацию и информационные технологии [7, с. 60–67]. Однако объективно складывающиеся общественные отношения в информационно-цифровой сфере, полагают ученые, предопределяют необходимость доктринального осмысления изменения суверенитета и гарантий его реализации [6, с. 15–16].

В доктрине цифрового (информационного) суверенитета выделяются наиболее важные компоненты, с которыми связывается гарантирование информационной безопасности государства: поисковая система, социальные сети, операционная система и программное обеспечение, микроэлектроника, сетевое оборудование, национальный сегмент сети Интернет, платёжная система, собственные средства защиты, криптографические алгоритмы и протоко-

Tsagourias N. The legal status of cyberspace // Research handbook on international law and cyberspace. – St. Louis : Edward Elgar publ., 2016. – P. 13–29.

лы, навигационная система. В дополнение к указанным в качестве определяющих информационный суверенитет относят и другие критерии, как то разработку и использование собственных ИТ-решений в различных сферах общественных отношений; возможность автономного функционирования цифрового пространства; наличие базовых и продвинутых навыков работы с цифровыми технологиями как у рядовых граждан, так и у профессиональных ИТ-специалистов, и т.д. [6, с. 15–16]. Естественно, что такие важные области цифровых (информационных) отношений подвергаются правовому регулированию не только на международном уровне, но и внутреннем, в частности, в конституционном законодательстве государств. Так, в Конституции РФ в результате конституционных поправок 2020 г. появилось положение, содержащее обязательство Российской Федерации обеспечивать защиту своего суверенитета (ч. 2.1 ст. 67). Сам факт конституционного закрепления данной нормы не указывает на отсутствие этого обязательства государства до указанной поправки, тем не менее само по себе такое регулирование актуализирует стремление государства в сфере гарантирования и обеспечения суверенитета во всех сферах его осуществления. Кроме того, была уточнена сфера полномочий публичной власти в связи с продолжающейся цифровизацией государства. Так, п. «и» ст. 71 информация, информационные технологии и связь отнесены к исключительному ведению Российской Федерации, что предполагает в первую очередь регулятивную компетенцию федерального уровня публичной власти, с тем, чтобы нормативно установить основания и порядок реализации государством и иными субъектами своих прав, в том числе в сфере реализации информационного суверенитета [там же].

Общие тенденции нормативно-правового регулирования информационного (цифрового) суверенитета в России. Общей тенденцией нормативно-правового регулирования информационного суверенитета является факт закрепления тех или иных его элементов в подзаконных, нередко стратегически направленных нормативных актах. Так, например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, развитие безопасного информационного пространства признано одним из национальных интересов Российской Федерации на современном этапе (п. 25), а информаци-

онная безопасность – стратегическим национальным приоритетом (п. 26). При этом в принятой ранее Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, целями обеспечения информационной безопасности государства объявлялись достижение и поддержание информационного суверенитета.

В контексте рассмотрения вопроса о соотношении безопасности (на различных уровнях) и обеспечения информационного суверенитета интерес представляет подход, закрепленный в Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств, утвержденной решением Совета глав правительств СНГ 25.10.2019 г. В этой Стратегии определены основные угрозы информационной безопасности; к ним, в том числе, отнесены посягательства на информационный суверенитет государств – участников СНГ, на их право самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться своими информационными ресурсами, а также деструктивное информационное воздействие на личность, общество, государственные институты и их информационную инфраструктуру, наносящее ущерб национальным интересам государств и др. При таком подходе информационный суверенитет выступает гарантом информационной безопасности, которая должна обеспечиваться как на государственном уровне, так и на личностно-общественном [6, с. 16–17].

Отдельные элементы цифрового суверенитета нормативно отражены и в других нормативных правовых актах. Например, в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» говорится о технологическом суверенитете как средстве обеспечения необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта и технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта; в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, подчеркивается необходимость гарантировать суверенное право государства определять информационную, технологическую и экономическую политику в национальном сегменте сети Интернет; в Стратегии

научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 01.12.2016 (ред. от 15.03.2021), предусматривается, что риски и угрозы в информационной сфере становятся существенным барьером, препятствующим долгосрочному росту благосостояния общества и укреплению суверенитета России.

По мнению ученых, фрагментарность нормативного регулирования информационного суверенитета во многом предопределена отсутствием системности в осмыслении данной категории на научно-доктринальном уровне. Регулирование отдельных аспектов суверенных полномочий в информационно-цифровой среде, отчасти противоречивое, не позволяет говорить о формировании в Российской Федерации конституционно-правовых основ осуществления информационного суверенитета и предполагает необходимость пересмотра выработанных подходов государственной политики в этой сфере [6, с. 19].

Внесение поправок в Конституцию РФ позволяет несколько по-иному взглянуть на этот фундаментальный вопрос. Новая редакция в 2020 г. пунктов «и», «м» ст. 71 Конституции РФ, определяющих предметы федерального ведения в системе разделения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ, отражают принципиально важные конституционные изменения роли государства в информационных отношениях в условиях цифровизации¹. Суть этих поправок состоит в том, что в ведении Российской Федерации теперь находятся не только оборона, границы, недра и так далее, но и информационные технологии и оборот цифровых данных. Новеллы п. «и» и «м» ст. 71 Конституции РФ становятся отправной точкой для реализации в российском законодательстве концепции цифрового суверенитета государства и личности.

¹ Подробнее см.: Алферова Е.В. Цифровые новеллы Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 92–108.

Заключение

Оценивая значение концепции суверенитета государства в современных условиях цифровизации, российские ученые признают необходимость ее доктринального обоснования и конституционно-правового закрепления. Суверенитет и юрисдикция государства остаются неотъемлемыми его свойствами, поэтому появление цифровой среды не может пошатнуть суверенитет. В этом смысле концепция защиты государственного суверенитета в информационном (цифровом) пространстве выглядит вполне соответствующей классическому ее пониманию в отечественной правовой литературе (А.Я. Капустин, А.А. Ефремов и др.). Однако этот вывод не означает, что не могут встречаться разногласия и различные интерпретации понятия суверенитета в киберпространстве. Задача юридической науки состоит в том, чтобы преодолевать встречающиеся разночтения в понимании терминов, понятий и категорий, обусловленных принадлежностью к различным правовым системам и традициям.

Таким образом, анализ научных дискуссий по рассматриваемой теме позволяет согласиться с утверждением, что цифровой суверенитет не является «онлайн-версией» государственного суверенитета, он не заменяет и не отменяет эту политико-правовую категорию и не расширяет принципа суверенитета.

Список литературы

1. Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети интернет // *Lex russica*. – 2017. – № 7 (128). – С. 155–165.
2. Ефремов А.А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис... д-ра. юрид. наук. – Москва, 2020. – 418 с. – URL: https://izak.ru/upload/iblock/0b5/EfremovAA_info_suverenitet_disser_IZISP_sentyabr2020_kor.pdf?ysclid=lsumg4v1dh64481851 (дата обращения: 20.02.2024).
3. Жарова А.К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // *Юрист*. – 2021. – № 11. – С. 28–33.
4. Капустин А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2022. – Т. 18, № 6. – С. 99–108.

5. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 48–69. – На рус. языке.
6. Нарутто С.В., Колмаков С.Ю., Япрынцев И.М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 14–22.
7. Талапина Э.В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. – 2018. – № 5. – С. 60–67.
8. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при правительстве РФ. – Москва, 2021. – 244 с.
9. Chander A., Sun H. Sovereignty 2.0. – 2021. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3904949 (дата обращения: 11.01.2024).
10. Gong W. Information Sovereignty Reviewed // Intercultural Communication Studies. – 2005. – Vol. 14, N 1. – P. 119–135.
11. Europe's Quest for Digital Sovereignty: GAIA-X as a Case Study / Istituto Affari Internazionali (IAI). – Roma, 2021. – URL: <https://www.iai.it/en/publicazioni/europes-quest-digital-sovereignty-gaia-x-case-study> (дата обращения: 11.01.2024).
12. Pohle J., Thiel T. Digital sovereignty // Internet Policy Review. – 2020. – N 9 (4). – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4081180 (дата обращения: 11.01.2024).
13. Robles-Carrillo M. Sovereignty vs. digital sovereignty // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – N 1 (3). – P. 673–690. – URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29> (дата обращения: 11.01.2024).
14. Tsagourias N. The legal status of cyberspace // Research handbook on international law and cyberspace. – St. Louis : Edward Elgar publ., 2015. – P. 13–29.

СКУРКО Е.В.¹ Рецензия на книгу: ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ / РЕД. КАРЛОС БЛАНКО ДЕ МОРАИС, ЖИЛМАР ФЕРРЕЙРА МЕНДЕС, ТОМАС ВЕСТИНГ

Аннотация. Верховенство закона в киберпространстве в настоящее время сталкивается с серьезными вызовами. Интернет высветил множество новых проблем для классических правовых институтов: демократическая система, государственный суверенитет, основные права граждан и др. Эта книга вносит ценный вклад в изучение международного, конституционного и административного права, поскольку все три науки взаимодействуют в киберпространстве. Соответствующие главы охватывают такие темы, как цифровое государство, цифровой суверенитет, юрисдикция над Интернетом, электронное правительство и искусственный интеллект. Особое внимание уделяется областям цифровой демократии, цифровым медиа и регулированию цифрового пространства. В книге исследуются эволюция верховенства права в киберпространстве и новые правовые режимы в Европейском союзе и Бразилии.

Ключевые слова: право; публичное право; цифровая демократия; киберпространство; социальные сети; Интернет.

SKURKO E.V. Book review: The Rule of Law in Cyberspace / ed. Carlos Blanco de Moraes, Gilmar Ferreira Mendes, Thomas Vesting

Abstract. The rule of law in cyberspace is currently facing serious challenges. The Internet has raised many new challenges for classi-

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

cal legal institutions, from the democratic system to the exercise of fundamental rights. This book makes a valuable contribution to the study of international, constitutional and administrative law, as all three sciences interact in cyberspace. The relevant chapters cover topics such as the concept of digital states, digital sovereignty, jurisdiction over the Internet, e-government and artificial intelligence. Special attention is paid to the areas of digital democracy, digital media and regulation of the digital space. The book explores the evolution of the rule of law in cyberspace and new legal regimes in the European Union and Brazil.

Keywords: law; public law; digital democracy; cyberspace; social networks; Internet.

Для цитирования: Скурко Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 187–194. Рец. на кн.: Верховенство права в киберпространстве = The Rule of Law in Cyberspace / eds. Carlos Blanco de Moraes, Gilmar Ferreira Mendes, Thomas Vesting. – Cham : Springer, 2022. – 401 p. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.14

В 2022 г. в издательстве Шпрингер вышла в свет монография «Верховенство права в киберпространстве», авторы и редакторы которой – Карлос Бланко де Мораис, профессор конституционного права и международного публичного права на юридическом факультете Лиссабонского университета, Жилмар Феррейра Мендес, судья Федерального верховного суда Бразилии, профессор конституционного права, Томас Вестинг, сотрудник кафедры публичного права, юриспруденции и теории СМИ на юридическом факультете Университета Гете, Франкфурт-на-Майне. Данная монография стала результатом специального научного проекта Исследовательского центра публичного права юридического факультета Лиссабонского университета (Public Law Research Center of the Lisbon University Faculty of Law) и Института публичного права Бразилии (Brasiliense Public Law Institute (IDP)). Тема данного исследования актуальна для развития и прогресса права: интересны постановка вопроса о законности и верховенстве права в киберпространстве, анализ проблем публичного права в условиях цифровизации, дискуссия о цифровом праве и суверенитете в киберпространстве и переосмыслении традиционных конституционных прав и свобод.

Как указывается во введении к книге, ««цифровая демократия» имеет мало общего с представительной демократией или даже с совещательной демократией, она функционирует, скорее, в либеральной или либертарианской логике как многополярный канал свободы слова в плюралистических обществах». Авторы исходят из того, что «политическое использование социальных сетей в киберпространстве в демократических государствах может как насыщать “кислородом” представительную демократию, стимулируя прямое общение между политиками и гражданами и улучшая общественные дебаты, так и ухудшать их качество из-за разжигания ненависти, ложных новостей и раздражающих сообщений» (р. 1–2).

Поскольку киберпространство не может быть «страной без закона», слежка за фейковым или экстремистским онлайн-дискурсом должна основываться на правилах, которые позволяют государственным и частным структурам предотвращать и пресекать подстрекательство и практику совершения серьезных преступлений, избегая при этом цензуры, направленной на формирование единого образа мышления и политических идей (Ibid).

Решать вопросы, возникающие в киберпространстве перед современными государствами, призваны, как полагают авторы, международное право, административное и конституционное право. Исполнительная власть «находится в центре “урагана”, порождаемого влияниями киберпространства, поскольку она имеет дело не только со своей собственной административной структурой, но и управляет деятельностью новых “цифровых субъектов”. Соответствующим образом, административное право приобретает особое значение, как на национальном, так и на глобальном уровнях» (р. 2–3).

Важную роль играет международное право, которое «все чаще становится ареной, на которой должны решаться все вопросы, возникающие в киберпространстве перед современными государствами, поскольку только оно может предложить региональные и глобальные ответы тем вызовам, которые сегодня выдвигает Интернет» (Ibid).

Определение ключевой роли названных отраслей права в рассматриваемой сфере правового регулирования киберпространства не вызывает возражения. Однако несмотря на достаточно ши-

рокую постановку вопросов верховенства права в киберпространстве монография практически не затрагивает проблем гражданского и уголовного права, касающихся вопросов деятельности физических и юридических лиц в киберпространстве: авторы ограничиваются проблематикой «цифровой демократии» – с одной стороны, и роли социальных сетей как источника «угрозы дезинформации» – с другой.

Как указывают исследователи, первой и основной целью представленной монографии является изучение проблем, возникающих вследствие развития киберпространства для демократических политических систем, конституционной демократии. Так, в первых семи главах первой части работы авторы рассматривают «глобальные перспективы», вызовы и влияние киберпространства на политические системы таких стран, как Португалия, Испания, Италия, Нидерланды, Германия; вопросы современного «цифрового конституционализма», в том числе такие, как цифровая демократия и юрисдикция, электронное правительство, человеческий потенциал и цифровая изоляция, вызовы искусственного интеллекта.

В первой главе монографии раскрываются дискуссии ученых о феномене киберпространства и его роли в создании так называемой «цифровой демократии», в расширении свободы общения и создании новых форм взаимодействия между лидерами и людьми. Создание «цифровой демократии», информированного и эмансипированного общества позволит, по мнению авторов, «сделать Интернет революционным, способствовать каждому создавать новости, вовлекаться в культурную сферу и участвовать в дискуссиях и дебатах по всему миру» (р. 10).

Однако можно заметить, что исследователи достаточно скептически настроены к практике реализации неформальной «советательной демократии», примеры которой в большом количестве представлены в деятельности социальных сетей и киберпространстве «делишек западных держав».

Отмечается что политическая активность благодаря использованию цифровых платформ, таких как Facebook, Youtube, Twitter и WhatsApp, перешагнув через национальные границы, культурные и правовые барьеры между государственным и частным секторами была неформализована и приумножена. Надежда на то, что

новые технологии станут «противоядием от авторитаризма» оказалась преувеличенной: «После цикла энтузиазма по поводу “электронной демократии” в политическом истеблишменте, в социальных группах, в основных партиях, в профессиональных СМИ и в университетах был зафиксирован перелом или поворот к ее реальным достоинствам как специфической формы демократии, и, внезапно, доминирующая риторика изменилась с начала 2016 г. Киберпространство из “проспекта свободы” и демократического форума превратилось в “лес опасностей” для демократии...» (р. 10). Социальные сети стали ассоциироваться с разжиганием ненависти, фейковыми новостями, направленными на манипулирование выборами, а также с «троллингом», грубыми или экстремистскими высказываниями и проч., распространяемыми в киберпространстве.

Авторы монографии в связи с противоречивым феноменом сетевой коммуникации пытаются найти ответы три вопроса: 1) является ли так называемая «цифровая демократия» категорией демократии и может ли она в настоящее время способствовать насыщению кислородом представительной демократии в условиях кризиса?; 2) существуют ли реальные риски и угрозы для представительной демократии, создаваемые использованием социальных сетей?; 3) должно ли киберпространство оставаться почти нерегулируемой областью или, напротив, оправданна какая-то форма предварительного или последующего контроля или даже цензуры мысли? (р. 12).

В результате они приходят к закономерному выводу о том, что киберпространство должно быть нейтральным средством коммуникации, укрепляющим демократию. Так называемая «цифровая демократия», строго говоря, «не является категорией демократии, а скорее представляет собой современную форму свободы слова и информационных прав в плюралистическом обществе» (р. 58).

Неконтролируемое использование социальных сетей, главным образом в предвыборный период, не должно превращать киберпространство в «пространство беззакония». С этой точки зрения авторы приводят две противоположные модели правового регулирования киберпространства – североамериканскую и евро-

пейскую, – которые дают разные ответы на решение проблемы злоупотребления свободой слова в Интернете.

В североамериканской либеральной модели терпимость государства к определенным формам ксенофобии, в том числе в социальных сетях и в Интернете представляется в определенной степени позитивной и рассматривается как средство возрождения индивидуальных свобод, обсуждения идей и жизнеспособности демократии. Применяющиеся в этой модели критерии «явной и неминуемой опасности» («clear and imminent danger») и «неминуемого совершения незаконного действия» («imminent commission of an illegal action») рассматриваются как предпосылка для установления запрета определенных форм разжигания ненависти в киберпространстве, когда они создают явный риск совершения серьезного противоправного деяния. Это представляет собой надежную гарантию свободы слова (р. 59).

Тем не менее, как указывают авторы, либеральная парадигма имеет два недостатка юридического и практического характера. Первый связан с негативной интерпретацией свободы личности в законодательстве (в Первой поправке к Конституции США), которая в современных условиях, по мнению автора, не совсем адекватна для применения к цифровым коммуникациям. Вторым вытекает из признания судами того факта, что фундаментальное право частной собственности и частной инициативы позволяет цифровым платформам устанавливать критерии политической коррекции, подвергать цензуре экстремистские высказывания и запрещать пользователям или другим интернет-провайдерам создавать своего рода частное управление киберпространством. Так, в обстоятельствах, когда доминируют почти монополистические компании, которые неизбежно становятся проводниками свободы слова в Интернете, оказывается необходимым, чтобы они взяли на себя обязательства общественного характера, гарантирующие свободу слова (Ibid).

Что касается европейского региона, модель правового регулирования здесь развивается в целях уравновесить защиту гражданских прав в свете «достоинства человека» (доброе имя, честь, неприкосновенность частной жизни, личная идентичность), с одной стороны, и закон и порядок в общественной сфере – с другой. То есть, в отличие от североамериканской модели, при определен-

ных обстоятельствах, например, высказываниях, отрицающих геноцид, подстрекающих к насилию или совершению экстремистских преступлений, основанных на расовых или религиозных мотивах, создающих «конкретную или неминуемую опасность» – оправданно применение к ним превентивных или репрессивных мер. Достаточно того, что такого рода сообщения представляют собой – абстрактно – высокую вероятностную опасность, угрозу общественному спокойствию с высокой степенью материализации и серьезный ущерб чести групп меньшинств, который может быть квалифицирован как коллективная диффамация. Тем не менее разумным и актуальным вопросом является то, насколько в действительности необходимы такие средства правового регулирования – не являются ли они избыточными (р. 59–61).

Так, возложение на цифровые платформы, под страхом крупных штрафов, обязанности наблюдения (и цензуры) за пользователями, основанной на жалобах, которыми иногда манипулируют организованные группы агрессивных меньшинств, вольно толкующих расплывчатые формулы в отношении разжигания ненависти и фейковых новостей, по мнению авторов, является причиной для беспокойства со стороны общественности – вследствие отсутствия объективных правовых ограничений для этой аутсорсинговой формы цензуры. В европейском пространстве «была создана странная система, при которой платформы штрафуются, будь то за чрезмерную активность при удалении сообщений или за то, что проигнорировали значительное количество жалоб и запросов об удалении сообщений, которые запрашиваются различными людьми, создавая тем самым ситуацию незащищенности для пользователей и платформ» (р. 60).

В сфере регулирования, считают исследователи, следует поощрять платформы к созданию процедур посредничества и арбитража, чтобы избежать притока судебных разбирательств в суды, где серьезные дела часто смешиваются с мелкими и незначительными. В целом развитие правового регулирования идет «методом проб и ошибок» и находится в стадии разработки (Ibid).

Далее, исходя из анализа вызовов «конституционной демократии», которые бросает сегодня развитие киберпространства, в последующих одиннадцати главах второй части монографии разрабатывается одна из фундаментальных, по мнению авторов, тем,

необходимых для понимания эволюции верховенства права в киберпространстве, а именно: угроза дезинформации и роль в ее распространении социальных сетей. В связи с этим авторы затрагивают актуальные проблемы, связанные с растущей опасностью дезинформации и тем, что получило название «инфодемия», рассматривают место социальных сетей в качестве посредников, все менее нейтральных в отношениях между членами сообщества, а также по отношению к государству.

На опыте правовых систем Германии, Бразилии, Португалии, Италии исследуется фактор угрозы дезинформации, фейков, разжигания ненависти и вражды, исходящих из социальных сетей, киберпространства, а также правовых форм возможного противодействия этим процессам, как то: моделирование юридической ответственности в связи с деятельностью социальных сетей (р. 331), развитие концепции «киберсуда» для социальных сетей (р. 387) и др.

Монография не предлагает «готовых решений» по гарантиям верховенства права в киберпространстве, но, с одной стороны, описывает имеющиеся проблемы и опыт их решений в правовых системах различных регионов мира (например, известный кризис в Бразилии в связи с фейками на президентских выборах 2018 г.), с другой – выносит на обсуждение перспективы развития правового регулирования в киберпространстве, в том числе модели процедур по разрешению споров и т.п.

Работа познавательна и может быть полезна специалистам в политико-правовых дисциплинах, иных социальных науках, а также в журналистике.

ИВАНОВА А.П.¹ Рецензия на книгу: БЕРДОН М. СБОР ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ И ЗАКОН О КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Стремительное развитие новых технологий не только порождает новые проблемы в сфере защиты персональных данных, но и в целом ставит под сомнение модели конфиденциальности, закрепленные в законодательствах современных государств. В рецензии анализируется работа профессора школы права Квинслендского технологического университета Австралии М. Бердона, в которой изложен новый взгляд на действующие нормы о защите персональных данных, подчеркнута необходимость их пересмотра и предложены новые направления правового регулирования общественных отношений в данной области.

Ключевые слова: защита персональных данных; закон о конфиденциальной информации; информационная безопасность; право на информацию; концепция модуляции; цифровизация.

IVANOVA A.P. Book review: Burdon M. Digital data collection and information privacy law. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2020. – 336 p.

Abstract. The rapid development of new technologies not only creates new problems in the field of personal data protection, but also calls into question the models of privacy legislation in modern states. The review analyzes the work of M. Burdon, professor at the Queensland University of Technology of Australia School of Law, which sets out a new view on the current norms on personal data protection, em-

¹ Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

phasizes the need for their revision and suggests new directions for the legal regulation of social relationships in this area.

Keywords: personal data protection; information privacy law; information security; right to information; information technology law; concept of modulation; digitalization.

Для цитирования: Иванова А.П. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4 Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 195–204. Рец. на кн.: Бердон М. Сбор цифровых данных и закон о конфиденциальности информации. = Burdon M. Digital data collection and information privacy law. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2020. – 336 p. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.02.15

Среди работ, посвященных защите персональных данных в условиях цифровизации¹, работа профессора школы права Квинслендского технологического университета Австралии М. Бердона «Сбор цифровых данных и закон о конфиденциальности информации» имеет особое значение. Автор не просто выявляет проблему неэффективности действующего регулирования защиты персональной информации в связи с повсеместным сбором данных в современном мире², но и выступает за полный пересмотр концепции персональной информации и контроля над ней с опорой на

¹ См., напр.: Воронина И.А., Кирпичникова А.В. Приватность в сети Интернет как способ защиты персональных данных // Право и государство: теория и практика. – Москва, 2022. – С. 95–96; Абдусаламов Р.А., Хабибулла И.И. Проблемы правового регулирования больших данных // Закон и право. – 2022. – № 1. – С. 38–40; Иванова А.П. Утечка персональных данных: большая проблема в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право : реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 100–107.

² Проблема несоответствия действующего правового режима персональных данных реальности, в которой широко используются «большие данные», поднималась на протяжении нескольких лет многими авторами, в том числе и отечественными. См., например: Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» // Право. Журнал Высшей школы экономики. – Москва, 2015. – № 1. – С. 43–66., Соловкин С.В. Значение парадокса приватности для законодательства о персональных данных в условиях становления общества наблюдения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – Москва, 2022. – № 4. – С. 109–119.

философию Ж. Делёза и М. Фуко о дисциплинарных, модулирующих формах власти.

При помощи детального анализа современных бизнес-моделей, основанных на получении информации со всевозможных датчиков, М. Бердон обнаруживает пробелы в применяемом в настоящее время правовом регулировании конфиденциальности данных, а также обращает внимание на проблемы, которые возникают в связи с применением этого регулирования для обеспечения принципиальной защиты обмена личной информацией. Переформулировав основную роль индивидуального контроля в обеспечении конфиденциальности данных как источника модулирующей власти, автор закладывает основу для будущей правовой реформы и призывает к усилению защиты данных, предоставляемой законом о конфиденциальности информации.

Как подчеркивает сам М. Бердон, его работу должен прочитать каждый, кто интересуется ролью конфиденциальности в мире тотального сбора данных (р. V). Указанная область уже долгое время находится в центре внимания автора. Самые последние его работы были посвящены вопросам конфиденциальности, возникающим в «умных домах», особенно тем, которые связаны с сообщениями о домашнем насилии и страхованием «умного дома»¹.

В введении к своей монографии М. Бердон задается вопросами: а что, если бы мы жили в мире, где собирались данные обо всем на свете? Что, если бы все это устройства, все здания и вся инфраструктура были оборудованы многочисленными датчиками? Это мог бы быть, утверждает ученый, более «умный» мир. Люди знали бы больше о собственных привычках и слабостях, поскольку могли бы легко составить «исторический» отчет обо всех своих действиях. «Умный дом», «умный мир», пишет во введении М. Бердон, – это здания и инфраструктура, оборудованные многочисленными датчиками, устройствами, позволяющими людям

¹ Подробнее см.: Burdon M., Douglas H. Legal responses to non-consensual smartphone recordings in the context of domestic and family violence // The University of New South Wales law journal. – Sydney, 2018. – Vol. 41, N 1. – P. 157–184; Burdon M., Mackie T. Australia's consumer data right and the uncertain role of information privacy law // International data privacy law. – Oxford, 2020. – Vol. 10, N 3. – P. 222–235.

знать больше о собственных привычках и действиях. Эти типы данных также могут быть использованы не только для анализа образа жизни, мировоззрения и предпочтений отдельной личности, но и для исследования основных тенденций в поведении различных социальных групп, а также общества в целом. Например, повторное использование населением чайника каждое утро в одно и то же время могло бы быть использовано для учета потребления электроэнергии и грамотного распределения энергетических ресурсов. Также можно проанализировать схемы поездок определенных категорий пассажиров, отслеживая их передвижение по смартфонам, чтобы повысить эффективность работы транспортной системы (р. 1).

Такая «интеллектуальность» в «умном» мире означает предсказание и предписание: предсказание в том смысле, что она создает возможность заранее смоделировать поведение отдельных лиц и сообществ; предписание – позволяет корректировать существующие меры социального регулирования и управления для достижения желаемых результатов (р. 2).

В то же время такой мир косвенно состоит из обширных коллекций данных, поступающих от различных устройств, оборудованных датчиками; инфраструктур и окружающей среды. Это позволяет человеку собирать информацию обо всем, что необходимо для функционирования и развития «интеллектуальности». Следовательно, успех «умного» мира зависит от огромных масштабов получения данных, особенно с различных устройств. Но что значит для нас, людей, жить в подобном мире?

Общей основой для решения проблемы повсеместного сбора информации является закон о защите данных. Существуют различные концепции конфиденциальности информации, но ее традиционная и доминирующая форма касается индивидуального контроля над личными данными. У физических лиц есть неотъемлемое право голоса в отношении того, какие персональные данные о них собираются, как они впоследствии используются и как можно получить доступ к личной информации от организаций, занимающихся её сбором.

Закон о конфиденциальности предусматривает ряд мер защиты на протяжении всего жизненного цикла личной информации, которые начинаются с момента сбора данных и заканчивают-

ся её уничтожением или обезличиванием, когда она больше не требуется. Тем временем организации, занимающиеся сбором информации, должны выполнить ряд обязательств: физическое лицо должно быть уведомлено о целях сбора и способно дать сознательное согласие на последующую ее обработку. Личная информация, как правило, может быть использована только для определенной цели, о которой субъект этой информации должен быть надлежащим образом проинформирован. Кроме того, персональные данные после их сбора должны храниться в безопасности (р. 2).

Глобальный сбор информации с различных датчиков, активно растущий в настоящее время, в корне бросает вызов традиционным мерам защиты конфиденциальности информации. Юридически неясно, будут ли такие данные классифицироваться как типы информации, которые приводят к применению закона о персональных данных и в каких формах. Информация с датчиков, собираемая из множества источников, фактически устраняет необходимость собирать персональную информацию. Более того, повсеместный и непрерывный сбор таких данных подрывает способность физических лиц осознанно соглашаться на процесс сбора личной информации и контролировать его самостоятельно. Так, например, получение данных с устройств «умного» дома является циклическим и непрерывным процессом, что ставит под сомнение возможности предоставления конкретного и информированного согласия на их обработку. В связи с этим М. Бердон задается вопросом о том, является ли индивидуальный контроль эффективной мерой перед лицом массового сбора персональных данных из сложных, разрозненных сетей, границы которых становятся все более размытыми (р. 291).

Рецензируемая книга состоит из трех частей. В части I описываются масштабы нового мира, оборудованного всевозможными датчиками. Для более конкретного и детального изучения современных технологических инфраструктур, эффекта «сенсоризации»¹ и бизнес-моделей, основанных на сборе данных, М. Бердон

¹ *Сенсоризация* (англ. *sensorisation*) – технологическая тенденция внедрения максимально возможного количества датчиков в устройства, оборудование или приложения.

использует в качестве примера системы «умного» дома, такие как Xiaomi Smart Home, Alexa Smart Home, «Умный дом с Алисой» и др.

Автор справедливо утверждает, что обратной стороной «интеллектуального» мира является массовый сбор данных. «Умный» мир не может быть «умным» без данных о том, как функционируют человек, дом и город в целом (р. 35). «Интеллектуальность» подразумевает не просто сбор данных от единичных или множественных объектов; она требует получения информации «от всех и обо всем» (Ibid.). Раньше подобные идеи были бы за пределами научной фантастики. Однако радикальное снижение стоимости производства датчиков в сочетании с огромным увеличением емкости хранилища данных теперь означает, что фантазия о записи информации обо всем на свете имеет реальную возможность осуществиться (Ibid.).

Нельзя не согласиться с автором в том, что в настоящее время происходят фундаментальные изменения в области сбора данных, включая переосмысление персональной информации как «новой нефти»: нового класса активов и важнейшего источника корпоративных и правительственных инноваций и ценностей. Сбор данных обо всем и аналитические процессы, позволяющие осмыслить эту информацию, могут помочь в различных политических процессах, а также способствовать международному развитию (р. 37).

В части II рецензируемой работы излагаются концептуальные основы конфиденциальности информации и их воплощение в виде соответствующего законодательства. Автор подробно рассматривает вопрос защиты различных видов данной информации и способы этой защиты, а также основополагающие положения законодательства о конфиденциальности информации в ЕС, США и Австралии. Анализ этого законодательства позволяет М. Бердону сделать вывод о том, что, хотя нормативные базы в указанных правовых режимах опираются на один и тот же принципиальный подход, в данных юрисдикциях уделяется внимание различным по существу аспектам. Так, несмотря на то, что законы ЕС, США и Австралии о конфиденциальности информации имеют схожие корни, их конечные проявления пошли существенно разными путями, о чем свидетельствует охват регулируемой информации и применение принципов сбора (р. 183). Законодатели в США, как

правило, отдают предпочтение рыночному подходу к защите информации, который приводит к более узкому толкованию персональной идентифицирующей информации для достижения конкретной правовой цели. Меры защиты при сборе данных в равной степени ограничены в отношении требований к уведомлению о получении согласия. ЕС выступает за основанный на правах подход к защите информации – отсюда широкие конструкции персональных данных и принципиальные меры защиты законности, справедливости и прозрачности, применяемые при обработке данных, включая сбор. В Австралии действует Закон о конфиденциальности информации 1988 г. (с изменениями) для обеспечения минимального стандарта индивидуальной защиты, сбалансированного с потребностями организационного обмена. Баланс достигается с помощью основных принципов, таких как разумность, что может привести к более низким уровням охвата по сравнению с европейским режимом.

Таким образом, изучая работу М. Бердона, можно увидеть, как разные концепции конфиденциальности информации пересекаются, переплетаются и конкурируют между собой. В этом, думается, состоит сложность мира сбора данных, и эта сложность рассматривается автором в связи с проблемами конфиденциальности информации, которые возникают сегодня в нашем технологически продвинутом или, как пишет автор, – «интеллектуальном» мире.

В части III монографии подробно описываются вопросы, связанные с концепцией персональных данных и применением законодательства о конфиденциальности информации современных государств. Для демонстрации слабых сторон существующей модели регулирования конфиденциальности данных автор рассматривает пять вариантов предполагаемых результатов реализации данной модели. Из этих пяти два носят широкий характер и отражают концептуальные намерения в отношении конфиденциальности информации. Первый – повышение индивидуальной автономии личности за счет создания средств защиты от вмешательства в сбор данных с тем, чтобы обеспечить самостоятельность принимаемых субъектом персональной информации решений. Второй результат касается устранения дисбаланса власти за счет создания в правовом регулировании пространства для автономного принятия решений личностью.

Три следующих, более узких, результата сосредоточены на вопросах применения действующей модели закона о конфиденциальности информации и дополняют вышеуказанные концептуальные намерения. Первый результат отражает порядок осуществления транзакций в соответствии с современным правовым режимом персональных данных, который, как правило, рассматривает предоставление личной информации как действие, носящее коммерческий характер. Второй – касается использования политики конфиденциальности в качестве механизмов раскрытия информации для устранения информационной асимметрии в транзакционных режимах работы. Третий – относится к встроенному в закон о конфиденциальности информации механизму достижения баланса между интересами отдельных лиц – субъектов данных и интересами организаций, занимающихся сбором данных, а также общества в целом.

При этом, в понимании автора, пять предполагаемых результатов обеспечения конфиденциальности информации на основе контроля заметно сдвигаются в сторону формирования концептуального ответа на модуляцию, в основе которой лежит переход от субъектно-ориентированного подхода к подходу, ориентированному на условия. Этот подход имеет гораздо больший защитный акцент на пробелах в процессах обмена личной информацией и вокруг них, в отличие от самого процесса (р. 256).

М. Бердон в своих рассуждениях о реформе законодательства о защите персональных данных концентрирует внимание на прерывании модулирующей власти, господствующей в современном обществе. Концепция модуляции, «модулирующей власти» берет свое начало в работе французского философа Ж. Делёза «Постскриптум к обществам контроля». Ж. Делёз кратко излагает основные принципы общества контроля – особого режима власти, который, как он утверждает, постепенно вытеснит дисциплинарные общества, описанные известным представителем французского структурализма М. Фуко. Философ утверждает, что общество контроля представляет собой фундаментальный отход от дисциплинарных обществ, которые стремились загнать индивидов в определенные рамки. Вместо этого управление осуществляется посредством непрерывных модуляций, которые представляют собой постоянно самотрансформирующиеся формы от «одного момента

к другому»¹. Модуляция работает, «как сито, отверстия в котором постоянно меняют свое расположение» («...like a sieve whose mesh will transmute from point to point»²).

Следовательно, дисциплина обладает определенной и видимой жесткостью, в то время как модуляция обладает невидимой пластичностью, которая реагирует на изменяющиеся условия социальной среды. При этом дисциплинарная власть действует, заявляя о своем наблюдении, т.е. индивид осознает, что за ним следят, и подчиняется власти. Модулирующая власть, в свою очередь, связана с мониторингом и выявлением паттернов с целью прогнозирования и предписания конкретных форм поведения. Модификации в действиях индивидов, вызванные осознанием факта наблюдения, по мнению М. Бердона могут подорвать цель модуляции – выявление закономерностей в подлинном, неосознанном поведении. Таким образом, дисциплинарные формы власти отчетливо видны, в то время как модулирующие формы в идеале невидимы или, по крайней мере, ненавязчивы. В конечном счете, люди лишаются свободы мысли и свободы собственных действий, поскольку их поведение становится предсказуемым и даже в какой-то степени предопределенным. Устремления свободомыслящего человека, подчеркивает автор, не могут развиваться в условиях бесконечной модуляции (р. 293).

В современном мире большинство людей не обращает внимания на всевозможные датчики. Однако эти устройства способствуют гибкому применению модулирующих форм власти. Рост их количества означает больше возможностей для коммерческого использования выявленных поведенческих моделей в обществе.

Для пересмотра новой роли защиты информации, заключающейся в прерывании модулирующей власти, М. Бердон опирается на работы профессора школы права Джорджтаунского университета Д. Коэн. Новый фокус М. Бердона сосредоточен на изменении задач правового регулирования персональных данных. Ключевой целью законодательства о конфиденциальности данных,

¹ Burdon M., Cohen T. Modulation harms and the Google Home // *Surveillance & Society*. – London, 2021. – Vol. 19, N 2. – P. 155.

² Deleuze G. Postscript on the societies of control // *The MIT Press*. – Cambridge, 1992. – Vol. 59. – P. 4.

по его мнению, должно быть прерывание модуляции и создание препятствий для развития модулирующих форм власти (р. 291).

Рецензируемая работа закладывает основу для некоторых областей будущей реформы законодательства о защите информации. В частности, подчеркивается необходимость изменить виды информации, требующие специального правового регулирования, поскольку сведения, собираемые датчиками, в настоящее время не относятся к категории персональных данных. Также автор отмечает необходимость действия более строгих принципов сбора информации, базирующихся на справедливости.

Эти изменения также потребуют новой роли для лиц, осуществляющих сбор информации. Операторам данных необходимо будет иметь более четкое представление о собственных ценностях по отношению к клиентам, к конфиденциальности и собственности. Институциональная культура играет важную роль в разработке технологических инноваций и конструктивных особенностей, которые предоставляют индивидуальные возможности для прерывания модуляции. Так, например, одна из ее важнейших ценностей, с точки зрения автора, заключается в способности выявлять пробелы и упущения юридически и технологически оформленных процессов защиты информации с целью их дальнейшего устранения.

«Умный» мир, т.е. мир сбора данных, еще не полностью овладел обществом, и то, как проявит он себя, зависит от человека. Д. Коэн прекрасно подметила один из простых способов, который позволит людям создать мир, обеспечивающий большие выгоды от технологической интеграции, в том числе и сбора данных. Этот мир включает в себя постоянную способность экспериментировать и играть.

В этом смысле книга М. Бердона – некий эксперимент с концепцией и применением закона о конфиденциальности информации в мире повсеместного сбора данных. Она определенно стоит внимания специалистов в области права информационных технологий и информационной безопасности, тех, кто интересуется «Интернетом вещей» и сенсоризацией современного мира.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.16

УЛЬЯНОВ А.В.¹ О ПРОБЛЕМАХ ОГРАНИЧЕНИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В обзоре рассмотрены проблемы реализации нормативных и индивидуальных ограничений автономии воли у субъектов гражданского права. Отмечается действие исключений из свободы воли на каждой стадии движения гражданских правоотношений: в преддоговорных отношениях – обязанность по добросовестному ведению переговоров; при заключении договора – соблюдение преимущественных прав других лиц; в ходе исполнения договора – возможность вмешательства суда за счет применения мер принуждения. Сделан вывод о том, что автономия воли должна применяться за пределами указанных ограничений и восстанавливаться при их отмене.

Ключевые слова: автономия воли; свобода договора; преимущественное право покупки; обязанность добросовестного ведения переговоров; понуждение к исполнению обязанности в натуре.

ULYANOV A.V. On the problems of limiting the autonomy of will in civil law

Abstract. The review considers the problems of implementing regulatory and individual limitations of the autonomy of will of subjects of civil law. It notes that the exceptions to the freedom of will

¹ Ульянов Алексей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

have effect at each stage of the execution of civil-law relations: within pre-contractual relations – a duty to negotiate in accordance with good faith; within conclusion of a contract – respect for the others' preemptive rights; within performance of contract – court's legal powers to interfere by applying the enforcement measures. It concludes that the autonomy of will should continue in force outside such the limitations and be restored in the event of abolition of them.

Keywords: autonomy of will; freedom of contract; right of first refusal; good faith negotiations duty; enforcement of specific performance.

Для цитирования: Ульянов А.В. О проблемах ограничения автономии воли в гражданском праве // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 205–216. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.16

Введение

В ходе реформирования гражданского законодательства РФ подвергся изменениям ряд ключевых институтов гражданского права. На уровне основных начал результаты реформ затрагивают автономию воли участников гражданских правоотношений, юридический смысл которой постепенно пересматривается цивилистами в сторону ее признания опровержимой презумпцией¹. В связи с этим необходимо поднять вопрос о действии правомерных ограничений автономии воли в рамках конкретных институтов гражданского права. На данных вопросах так или иначе сосредоточили внимание авторы, чьи работы приводятся в обзоре. Как следует из их работ, ограничение автономии воли будет принципиально допустимым по следующим основаниям.

Обязанность добросовестного поведения в преддоговорных отношениях (при проведении переговоров). Сотрудники Университета Себеласа Марета (г. Суракарта, Индонезия) в своей статье [6] исследуют проблемы гражданско-правовой охраны интересов потерпевшего лица, которому может быть причинен вред из-за недобросовестного поведения контрагента при переговорах

¹ См.: Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – Москва, 2016. – С. 245–246, 288–291.

по поводу заключения договора. В работе дается сравнительная характеристика подходов к регулированию таких отношений в странах общего и континентального права, с учетом которой предлагаются пути совершенствования индонезийского законодательства.

Как пишут авторы, гражданское право Индонезии прямо предусматривает действие требований добросовестности лишь при исполнении уже заключенного договора. В то же время, с точки зрения гражданско-правовой доктрины, начала добросовестности должны применяться также и в преддоговорных отношениях, гарантируя защиту разумным ожиданиям той стороны, которая понесла расходы в связи с ведением переговоров о заключении договора. Континентальное право, реализуя принцип добросовестности в преддоговорных обязательствах, придает юридическое значение надлежащему ведению переговоров. Что касается общего права, то действующие в нем положения *promissory estoppel* сконцентрированы на основаниях и условиях возмещения убытков пострадавшей стороне¹. Вместе с тем невыполнение обязанности по добросовестному проведению переговоров повлечет для нарушителя сходные юридические последствия и в странах общего, и в странах континентального права [6, р. 2–3, 4–5].

Авторы относят индонезийское право к континентальной правовой семье. С этих позиций определяются правовые параметры взаимоотношений сторон на преддоговорной стадии. В такие параметры включаются, среди прочего: 1) само ведение переговоров, в ходе которых должны быть исключены принуждение или обман со стороны контрагента; 2) проведение правового аудита потенциального контрагента с целью выяснения возможности исполнения будущих договорных обязательств (запрещается разглашение конфиденциальной информации и иное недобросовестное использование сведений, полученных в процессе проведения пра-

¹ В силу положений *promissory estoppel* сторона, давшая в преддоговорных отношениях обещание, не отвечающее юридическим признакам, при наличии которых договор считается заключенным, лишается права ссылаться на отсутствие обязательства и должна возместить другой стороне убытки, понесенные в связи с нарушением обещания. При этом юридическое основание, из которого возникла обязанность возместить указанные убытки, заключенным договором не признается (см.: Осаке К. Сравнительное правоведение: схематический комментарий. – Москва, 2008. – С. 348, 443–445).

вового аудита); 3) заключение между сторонами соглашения о намерениях – *memorandum of understanding* (хотя в договорном праве Индонезии отсутствуют прямо сформулированные положения, регулирующие соглашение о намерениях, это понятие признано индонезийской цивилистической наукой). Последствиями нарушения требований добросовестности могут быть расторжение (*cancellation*) заключенного договора или соглашения о намерениях и возмещение понесенных убытков потерпевшей стороне. В законодательстве Индонезии нужно закрепить специальные положения на этот счет [6, р. 3–4, 6–8].

Право на совершение, отказ или уклонение от сделки ограничено в силу обязательства. Сотрудниками юридического и экономического факультетов Аньхойского университета финансов и экономики (г. Бэнбу, Китай) рассматриваются вопросы преимущественного права, в том числе реализации участниками хозяйственного общества преимущественного права покупки доли в уставном капитале (акций) этого общества в соответствии с корпоративным законодательством КНР [5].

На практике преимущественное право покупки доли в уставном капитале возникает не только на основании закона, но и на основании (инвестиционного) договора. Охрана этого права предоставляется по двум причинам: необходимость в сохранении стабильного состава учредителей (участников) и их возможность увеличить свои доли, тем самым спокойно расширяя объем инвестиций в компанию в условиях уверенности в долгосрочном контроле над ее уставным капиталом [5, р. 347].

В статье обращается внимание на ряд основных проблем, которые связаны с осуществлением преимущественного права покупки. Во-первых, существуют риски обхода ограничений, обусловленных наличием преимущественного права, при определении условий отчуждения доли третьему лицу, включая вероятность злонамеренного сговора с таким лицом. Во-вторых, преимущественным правом покупки, как правило, не блокируется отчуждение долей аффилированному лицу компании. В-третьих, преимущественное право не должно распространяться на определенные ситуации, при которых переход доли к третьему лицу признается допустимым. К таковым, относятся, в частности, наследование долей, передача долей работникам хозяйственного общества в качестве

меры поощрения за труд и те случаи, когда учредитель (участник) ранее давал согласие на определенные способы изменения долей [5, р. 347–348].

Авторы излагают собственные соображения по поводу совершенствования механизма правового регулирования осуществления преимущественного права покупки доли (акций). Предложено четко определить условия действительности договора об отчуждении доли в уставном капитале третьему лицу. Нужно также разрабатывать эффективные способы защиты интересов участника (учредителя) ввиду практических затруднений с применением судебного порядка перевода на потерпевшее лицо прав и обязанностей покупателя доли. Кроме того, следовало бы обеспечить противодействие злоупотреблениям преимущественным правом покупки доли со стороны самих учредителей (участников) компании [5, р. 348].

В корпоративном праве ограничение автономии воли может быть выражено в специальных приемах принуждения к совершению должного волеизъявления. Сотрудники Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (г. Астана, Казахстан) в своей статье [1] исследовали этот вопрос на примере последствий нарушения обязательств по корпоративному договору.

Авторы исходят из того, что действующим законодательством Республики Казахстан корпоративный договор не предусмотрен (законопроект по этому вопросу разрабатывается). В цивилистической науке Казахстана корпоративный договор рассматривается как договор между участниками юридического лица, посредством которого между ними достигаются определенные договоренности по организации деятельности юридического лица и управлению им. Исходя из принципа свободы договора, заключение такого соглашения правом Казахстана разрешается – ввиду отсутствия прямого запрета. Для определения надлежащих способов защиты от нарушений обязательств, вытекающих из корпоративного договора, авторы обратились к российскому и зарубежному опыту конструирования корпоративного договора и его применения [1, с. 34, 40–41].

На страницах статьи ученые-цивилисты в первую очередь рассматривают перспективы реализации сторонами по корпоративному договору традиционных способов защиты, которые пре-

доставляют потерпевшему суррогат исполнения, в форме уплаты неустойки и возмещения убытков. С точки зрения авторов, эти способы не могут полноценно удовлетворить договорный интерес потерпевшей стороны. Так, при взыскании неустойки вероятны затруднения с определением ее размера и существует риск его уменьшения по усмотрению суда [1, с. 34–35]. Что касается убытков, то подтверждение оснований их возмещения является для потерпевшего тяжелым бременем в связи с высоким стандартом доказывания [1, с. 36–37].

Мерой, способной реально обеспечить интересы потерпевшего контрагента в корпоративном договоре, может стать понуждение к исполнению обязанности в натуре. Вследствие специфики обязательства, такой механизм принуждения подразумевает ограничение свободы воли неисправного контрагента в части установления и изменения корпоративных правоотношений. Дело в том, что понуждение к реальному исполнению корпоративного договора означает присуждение к совершению должного волеизъявления (голосования на общем собрании, выкупа доли в уставном капитале и др.) и аннулирование судом ненадлежащего волеизъявления (признание недействительным решения общего собрания). Следовательно, решение суда о применении данного способа защиты имеет преобразовательный эффект. Такое решение суда заменяет собой должное волеизъявление ответчика в силу юридической фикции, что демонстрируется на примере норм германского права, а именно § 894 Гражданского процессуального уложения Германии¹ [1, с. 37–40].

Замена волеизъявления участника гражданского правоотношения волей правоприменителя (решением суда). Проблему переквалификации гражданско-правового договора правоприменительными органами, в частности судами, в рамках гражданско-правового института толкования договора исследует Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и

¹ В указанном параграфе закреплена «фикция выражения воли»: если должник понуждается судом к волеизъявлению, таковое считается совершенным с момента вступления в силу судебного решения (см.: Новицкий И.Б. Обязательство заключить договор // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / науч. ред. В.С. Ем, А.Л. Маковский. – Москва, 2006. – Т. 1 – С. 156).

предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) [2]. Речь здесь идет о приеме, в результате применения которого непоименованный договор может быть искусственно подведен под понятие одного из договоров, предусмотренное в законе, с последующим применением правил о таком «типичном» договоре.

Как отмечается в статье, необходимость в толковании договора возникает в случае неясности его положений, затрудняющей установление действительной воли сторон. В связи с этим автор критически относится к законодательному предписанию (ст. 431 ГК РФ), на основании которого при толковании договора приоритет отдается буквальному значению содержащихся в этом договоре слов и выражений, и предлагает иной, «системно-логический», подход, который, по ее мнению, более соответствует современным тенденциям развития договорного права. Суть такого подхода состоит в применении систематического и логического способов толкования договора, превалирующих над его языковым («буквальным») толкованием [2, с. 239–240]. С этих позиций анализируются обстоятельства реальных судебных дел. По мнению автора, применение систематического и логического способов толкования договора позволит избежать ошибочной переквалификации судом (или налоговым органом) спорных договоров [2, с. 240–241].

Е.Б. Козлова приходит к выводу о том, что переквалификация договоров умаляет свободу договора, так как стороны в значительной мере лишаются возможности заключить договор, не предусмотренный законом, и предлагает законодательно запретить такую переквалификацию. Правовым результатом от действия подобного запрета могла бы быть, с точки зрения автора, презумпция (приоритет) действительной воли сторон договора [2, с. 241–242]. В связи с этим отмечается, что при реформировании гражданского законодательства такой нормативный запрет формально был провозглашен в п. 2 ст. 421 ГК РФ, однако указание в тексте этого пункта на возможность переквалификации договора под видом аналогии закона свело на нет законодательную новеллу и вернуло все «на круги своя» [2, с. 241–242].

Согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ, к договору, не предусмотренному законом или иными правовыми актами, при отсутствии признаков смешанного договора, правила об отдельных видах догово-

ров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, не применяются, что не исключает возможности применения правил об аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) к отдельным отношениям сторон по договору. Ныне действующая редакция этого пункта, принятая в результате его изменения законодателем, стала предметом научного обсуждения и критической оценки.

Так, В.А. Микрюков, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА, в своей научной статье [3] обосновывает тезис о недопустимости использования аналогии закона для сдерживания свободного, но нежелательного (с точки зрения политики права) экономического поведения. Именно на такое сдерживание ориентировал судебно-арбитражную практику Высший Арбитражный Суд (ВАС) РФ при официальном толковании п. 2 ст. 421 ГК РФ. Пленум ВАС РФ в постановлении от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» разъясняет, что применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм об отдельных поименованных видах договоров возможно в исключительных случаях, когда исходя из целей законодательного регулирования ограничение свободы договора необходимо для защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов или недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон (второе предложение абз. 2 п. 5). В дозволении применять императивные нормы к непоименованным договорам путем аналогии закона как раз и состоит новизна законоположения, выводимого ВАС РФ из обновленной редакции п. 2 ст. 421 ГК РФ. В остальном текст данного пункта закрепляет общий запрет на применение к непоименованным договорам норм о поименованных договорах, а универсальная возможность использования аналогии закона лишь дополнительно констатируется [3, с. 64–65].

По мнению В.А. Микрюкова, подобная новелла в форме трактовки закона ВАС РФ не заслуживает научного одобрения. Прежде всего, оговорка об аналогии закона перечеркнула основной смысл нововведения, который, по-видимому, состоял в том, чтобы отдать приоритет в регулировании отношений из непоименованного договора условиям данного договора-сделки. Далее, в тех ситуациях, на которые предполагается распространить вышеуказанное разъяснение Пленума ВАС РФ, как правило, отсутству-

ет необходимая предпосылка аналогии закона, а именно: пробел в праве. Речь идет о том, что стороны, заключившие непоименованный договор, урегулировали в его условиях соответствующий спорный вопрос иначе, чем это установлено императивными нормами о сходном «до степени смешения» поименованном договоре, совершив тем самым обход закона – злоупотребление правом (свободой договора). Наконец, указание на «исключительность» случаев, способных быть основанием для применения аналогии закона в ущерб свободе договора, не создает надежной гарантии от произвола правоприменителя. В судебной практике наблюдается настороженное отношение к непоименованным договорам, поэтому суды склонны подводить эти договоры под действие правил о договорах, предусмотренных законом, а критерий исключительности является оценочным и недостаточно определенным [3, с. 65].

Тем не менее В.А. Микрюков полагает целесообразным противодействие со стороны судов попыткам участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, обойти нормативные предписания посредством заключения «эксклюзивного» договора. Для этих целей автор предлагает прибегать к мерам против недобросовестного поведения (злоупотребления правом), основанным на нормах пунктов 3, 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, и не обращаться к институту аналогии закона [3, с. 65–66].

Заслуживает внимания проблема применения переквалификации договора с целью сохранить действительность совершенного сторонами волеизъявления, пусть и в несколько измененной форме. По смыслу п. 1 ст. 168 ГК РФ этот способ допускается как «другое последствие нарушения сделкой требований закона или иного нормативного акта», помимо ничтожности или оспоримости договора. В связи с этим представляет интерес решение данного вопроса в праве зарубежных стран.

Магдалена Блават, доцент кафедры гражданского права факультета права и управления Варшавского университета (Польша), в своей статье [4] рассматривает проблемы восполнения и пересмотра судом договорных условий. Вмешательство суда сопоставляется автором с применением правового приема *conversio actus iuridici* – «преобразования юридических актов». В работе ставится цель изучить перспективы реализации этого приема в польской

юриспруденции, с учетом достижений современного сравнительного правоведения [4, р. 76–77].

Автор определяет преобразование (переквалификацию) как юридический прием, при помощи которого юридический акт, несмотря на недействительность, будет считаться подлежащим исполнению (*enforced*) под видом функционально замещающего юридического акта. Предпосылкой для такой переквалификации служит предполагаемое намерение (*hypothetical intent*) сторон заключить данный заменяющий (*substitute*) юридический акт, в случае, если бы они знали, что фактически заключенный договор недействителен. Цель преобразования – в том, чтобы гарантировать исполнение договора, несмотря на его очень существенные юридические недостатки, способные повлечь его недействительность, хотя такое решение суда и напоминает «заключение договора для сторон» [4, р. 77–78].

С точки зрения автора, переквалификацию по *conversio actus iuridici* можно понимать как пример «восполняющего толкования» (*supplementary interpretation*) договора. Дело в том, что данное толкование может иметь целью и устранение пробелов в действительном договоре, и предотвращение правовых последствий недействительности. В первом из вариантов суд формулировал бы пропущенные условия, которые не включены сторонами непосредственно в текст договора, но должны считаться подразумеваемыми условиями, поскольку в противном случае договор не подлежал бы исполнению. Суд выясняет предполагаемое намерение, задаваясь вопросом о том, как именно недостающая часть в содержании была бы восполнена разумными и добросовестными сторонами, с учетом цели договора и иных договорных условий. Второй же вариант (*conversio actus iuridici*) означает установление предполагаемого намерения сторон с помощью чисто абстрактных рассуждений, основанных на несуществующих обстоятельствах. Тем самым суд, по существу, совершает сделку-волеизъявление вместо сторон договора, что не может не вызвать опасений [4, р. 80–81]. К тому же грань между восполняющим толкованием и переквалификацией договора в современной юридической науке и практике зачастую стирается, и неслучайно в общем (точнее, в американском) праве наблюдается осторожное отношение к первому варианту и полный отказ от применения второго [4, р. 81–89].

Как отмечается в статье, польская юриспруденция придерживается весьма либерального понимания свободы договора и осторожного подхода в вопросе об ее ограничениях. Тем не менее под влиянием германской юридической мысли в польской цивилистике была принята концепция *conversio actus iuridici* вместе с предпосылками переквалификации, сформулированными в § 140 Гражданского уложения Германии¹ [4, р. 80]. Такое решение будет в целом полезным, но лишь при условии, что соответствующие меры будут применяться польскими судами в виде исключения из общего правила. Ни восполняющее толкование договора, ни тем более его переквалификацию не следует применять в каждой конкретной ситуации, коль скоро существует презумпция отсутствия такой необходимости [4, р. 89–91].

Заключение

Современные научные исследования в сфере гражданского права позволяют прийти к выводу о необходимости субсидиарного применения автономии воли к ситуациям, на которые не распространяются установленные ограничения этого принципа. При этом, по мере упразднения общенормативных и индивидуальных изъятий из автономии воли, таковая будет восстанавливаться у участников гражданских правоотношений полностью или в соответствующей «урезанной» части.

Список литературы

1. Калдыбаев А.К., Османова Г.К. Последствия нарушения корпоративного договора // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2022. – № 1 (68). – С. 32–42.
2. Козлова Е.Б. Запрет на переквалификацию и его влияние на институт толкования договора // Ученые записки Крымского федерального университета

¹ Этот параграф предусматривает: «При соответствии условий недействительной сделки требованиям, предъявленным к другой сделке, действуют правила, относящиеся к последней, когда есть основания предполагать, что ее действительность отвечала бы воле сторон, если бы им было известно о недействительности первой сделки» (см.: Гражданское уложение Германии: вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / введ., сост. В. Бергманн ; науч. ред. В. Бергманн [и др.]. – Москва, 2008. – С. 99).

- имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 238–243.
3. Микрюков В.А. Свобода договора и аналогия закона // Юридическая наука. – 2022. – № 6. – С. 64–66.
 4. Bławat M. The court's interference with contracts by supplying and converting the contractual terms // *Utrecht Law Review*. – 2022. – Vol. 18, Is. 1. – P. 76–92.
 5. Research on investors' right of first refusal in private equity investment / Deyu Li [et al.] // *Frontiers in Business, Economics and Management*. – 2023. – Vol. 9, N 1. – P. 347–349.
 6. The application of good faith principle of precontract in common law and civil law contry / Dewanti R.F. [et al.] // *Research, Society and Development*. – 2021. – Vol. 10, N 16. – P. 1–8. – URL: <https://rsdjournal.org/index.php/rsd/article/view/23621> (дата обращения: 12.10.2023).

КРЫСАНОВА Н.В.¹ ДЕЛИКТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Анализируется научная литература по деликтным обязательствам – одному из ключевых институтов гражданского права, исследуя понятие, признаки и основания (условия) возникновения деликтных обязательств, их виды, механизм реализации. Выявляются проблемы применения деликтной ответственности и возмещения материального и морального вреда физическим или юридическим лицам публично-правовыми образованиями, возможности совершенствования института деликтных обязательств.

Ключевые слова: деликтные обязательства; деликтная ответственность; причинение вреда; возмещение вреда; моральный вред.

KRISANOVA N.V. Tort obligations and liability in civil law

Abstract. The scientific literature on tort obligations, one of the key institutions of civil law, is analyzed, exploring the concept, signs and grounds (conditions) for the occurrence of tort obligations, their types, and the mechanism for implementing these obligations. The problems of the application of tort liability and compensation for material and moral harm to individuals or legal entities, public legal entities, and the possibility of improving the institution of tort obligations are identified.

Keywords: tort obligations; tort liability; infliction of harm; compensation for harm; moral harm.

¹ Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правопедания ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Деликтные обязательства и ответственность в гражданском праве // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 217–227. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.17

Введение

Тема деликтных обязательств в гражданских правоотношениях остается одной из исследуемых в научной и учебной литературе (Т.В. Летуга, Т.В. Воротилина, Е.А. Иванченко и др.); она востребована в судебной практике. В данной обзорной статье рассматриваются публикации, затрагивающие как общую теорию обязательств в гражданском праве, так и их вид – деликтные обязательства, под которыми понимаются обязательства, возникающие из факта причинения вреда. В цивилистической науке поднимаются проблемные вопросы применения гражданского законодательства в случаях деликтной ответственности детей, ответственности государства и государственных служащих и др.

Общие положения о деликтах. В гражданском праве обязательства в зависимости от оснований возникновения делятся на две группы: договорные и внедоговорные. Договорные обязательства возникают, как правило, на основе договора, в котором по соглашению сторон определяются условия договора. Внедоговорные обязательства существенным образом отличаются от договорных по своему характеру, способам возникновения и содержанию. Они возникают не на основе добровольного волеизъявления сторон в рамках договора, а из других оснований, предусмотренных Гражданским кодексом РФ (ст. 8, 307 ГК РФ). Одним из оснований возникновения таких обязательств является факт причинения вреда (п. 1 ст. 8 ГК РФ). Обязательства вследствие причинения вреда отличаются от договорных обязательств по главному признаку: они являются следствием правонарушения. В законодательстве не содержится легального определения понятия обязательства вследствие причинения вреда [3, с. 132]. Правовая категория «деликт» (правонарушение, проступок, вина) не встречается в отечественном гражданском законодательстве, тем не менее в теории права используется достаточно часто. «Деликтное обязательство», «обязательство из причинения вреда» и «деликтная ответствен-

ность» применяются как однопорядковые понятия. Вместе с тем из смысла нормы ст. 1064 ГК РФ следует, что *деликтное обязательство* – это гражданско-правовое отношение, в силу которого лицо, причинившее вред личности или имуществу другого лица, обязано возместить причиненный вред в полном объеме, а потерпевший вправе требовать от причинителя вреда полного его возмещения [3, с. 131–132].

Основаниями возникновения (условиями) ответственности за причинение внедоговорного вреда признаются: 1) наличие вреда у потерпевшего; 2) противоправность действий (бездействия) причинителя вреда; 3) причинная связь между противоправными действиями (бездействием) и вредом и, как правило; 4) вина лица, причинившего вред. Наличие данных условий ответственности по деликтным обязательствам образует полный состав правонарушения. Отсутствие одного из условий, как правило, освобождает лицо от гражданско-правовой ответственности. Однако допускается применение усеченного состава правонарушения, когда вина как условие ответственности отсутствует, обязанность же возмещения вреда (ответственность) при этом сохраняется (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Даже при отсутствии полного состава гражданского правонарушения имеет место «ответственность», а не «предусмотренная законом обязанность возмещения вреда». Все элементы состава гражданского правонарушения в совокупности являются основанием ответственности по обязательствам вследствие причинения вреда [1, с. 27].

Вина причинителя вреда предполагается (презюмируется). На основании ст. 1064 ГК РФ лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Поэтому потерпевший не обязан доказывать вину лица, причинившего ему вред. Он должен лишь доказать факт причинения вреда ответчиком и размер причиненных убытков. В уголовном праве, напротив, закреплена презумпция невиновности гражданина в совершении преступления, пока компетентные органы не докажут его вину [1, с. 31].

При этом российское гражданское законодательство не разделяет умысел на прямой и косвенный, как это имеет место в уголовном законе, но различает грубую и простую, или легкую неосторожность. Однако в деликтных правоотношениях это раз-

личие является значимым лишь применительно к оценке поведения потерпевшего. Грубая или простая неосторожность причинителя вреда на его ответственность перед потерпевшим влияния не оказывает. Таким образом, любая вина лица, причинившего вред здоровью другого, независимо от ее формы, достаточна для возникновения обязанности по возмещению вреда. Как правило, не имеет значения форма вины причинителя вреда и для определения объема гражданско-правовой ответственности перед потерпевшим. Ее объем зависит не от тяжести вины причинителя, а от размера причиненных убытков. Вина, по общему правилу является условием, но не мерой ответственности [3, с. 131].

Вместе с тем в установленных законом случаях предусматривается возможность возмещения вреда, наступившего и вследствие правомерных действий. К примеру, в целях восстановления имущественного положения потерпевшего, устранения негативных последствий в нематериальной сфере, наступивших в результате причинения вреда правомерными действиями при пресечении террористического акта. Такое возмещение осуществляется из средств государственного бюджета. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями лица в условиях крайней необходимости (1067 ГК РФ), законодатель возлагает на это лицо. Однако, по мнению И.Н. Пустоваловой, законодательное решение вопроса крайней необходимости является неудачным [4, с. 37]. Лицо, предотвратившее возможность наступления бóльшего вреда, чем тот, который им причинён, устранив реальную опасность, даже при правомерности своих действий обязан возместить причинённый вред. При этом первый абзац ст. 1067 ГК РФ, предусматривающий эту обязанность причинителя вреда, носит императивный характер. Согласно второго абзаца данной статьи, суд, учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред, т.е. окончательное решение о распределении возмещения убытков закон возлагает на суд. То есть судья вправе возложить обязанность возмещения вреда по принципу долевой ответственности с учётом обстоятельств, при которых был причинён вред, на причинителя вреда и третье лицо, в интересах которо-

го действовал причинитель вреда. При этом суд также вправе частично либо полностью освободить этих лиц или одного из них от обязанности по возмещению вреда. И здесь, как отмечает Н.И. Пустовалова, за пределами правового регулирования остаётся вопрос о привлечении к возмещению вреда субъекта, который непосредственно создал опасную ситуацию, вследствие чего иному лицу пришлось действовать в условиях крайней необходимости [4, с. 39].

Согласно ст. 1064 ГК РФ, субъектами (сторонами) обязательства вследствие причинения вреда являются потерпевший (управомоченное лицо, кредитор) и причинитель вреда (обязанное лицо, должник). Потерпевшим (кредитором) признается лицо, которому причинен имущественный ущерб и (или) моральный вред, и принадлежит право требовать возмещения причиненного вреда. Причинителем вреда (должником) признается лицо, противоправным поведением которого кому-либо причинен вред. Должником может быть и лицо, хотя и не являющееся непосредственным причинителем вреда, но по закону обязанное его возместить. По общему правилу, и кредитором, и должником в обязательстве могут быть как граждане, так и юридические лица. В случаях, предусмотренных законом, в качестве управомоченного или обязанного лица в деликтных обязательствах могут выступать Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования [1, с. 6].

Закон предусматривает, что обязательства вследствие причинения вреда направлены на полное возмещение вреда, кому бы ни был причинен вред и в чем бы он ни выразался. В случаях, предусмотренных законом или договором, объем и размер возмещения вреда, причитающегося потерпевшему, могут выйти за пределы полного возмещения вреда, предусмотренного в законодательстве, в сторону его увеличения (п. 1 ст. 1064, п. 3 ст. 1085 ГК РФ и др.).

Следует подчеркнуть, что содержание деликтного обязательства исчерпывается имущественной ответственностью причинителя перед потерпевшим. Фактическое возмещение вреда потерпевшему прекращает действие деликтного обязательства. Возмещение вреда носит имущественный характер, хотя сфера действия данных деликтных обязательств простирается как на имущественные, так и на личные неимущественные отношения.

Поскольку деликтное обязательство порождается неправомерными действиями и возникает в тот момент, когда правонарушением причиняется вред, вопрос о форме обязательства отпадает. Деликтное обязательство является реальным.

Обязательство из причинения вреда, считает Е.Н. Агибалова, можно определить как гражданско-правовое внедоговорное обязательство, возникающее в результате причинения вреда имущественным либо неимущественным правам (благам) потерпевшего (кредитора) вследствие нарушения его абсолютных прав, в котором должник (причинитель вреда или иное лицо, на которое законом возложена обязанность возмещения вреда) обязан совершить действия по восстановлению в полном объеме нарушенного права или блага (возместить имущественный вред, компенсировать моральный вред), а кредитор (потерпевший материальный и (или) моральный вред) вправе требовать от должника исполнения его обязанности [1, с. 7]. Однако в науке существуют и другие подходы к понятию деликтного обязательства. Автор приводит точку зрения А.Д. Власовой, по мнению которой, «объектом деликтного обязательства является то возмещение, которое способно восстановить (компенсировать) вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица; то возмещение, по поводу которого возникает деликтное обязательство» [1, с. 90].

Особенности деликтной ответственности государства.

Случаи причинения вреда государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицами (ст. 1069 ГК РФ), а также незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст.1070 ГК РФ) отнесены к специальным обязательствам, возникающим из причинения вреда. Специфичным для данной группы обязательств является субъектный состав делинквентов – органов публичной власти, их должностных лиц. Особенностью рассматриваемых отношений является и дуализм правового статуса публичных субъектов, проявляющийся в том, что их гражданско-правовая ответственность может наступить как при реализации (в рамках специальной правосубъектности) принадлежащих им субъективных гражданских прав, так и при осуществлении ими властных полномочий [3, с. 130].

Ответственность государства – одна из самых обсуждаемых категорий права, предполагающая применение норм как частного, так и публичного права. Каждый случай нарушения прав граждан и юридических лиц со стороны государственных, муниципальных органов должен расцениваться как «казус, требующий скорейшего сглаживания негативных последствий» [2, с. 86]. Современный институт гражданско-правовой ответственности государства и его органов является конституциональным положением отраслевого законодательства. Гражданское законодательство, исходя из принципа равенства субъектов гражданско-правовых отношений, в том числе в вопросах ответственности, закрепляет общие правила наступления ответственности за причинение вреда, подлежащие применению ко всем деликтным обязательствам, если законом к данным отношениям не применимы нормы о специальных обязательствах, возникающих из причинения вреда.

В последнее время, по данным судебной статистики, отмечается значительный рост количества обращений в судебные инстанции с исками к органам публичной власти. Так, по данным судебной статистики, если в 2019 г. только с требованиями к органам дознания, следствия, прокуратуры и суда возместить причинённый вследствие неправомерности их действий вред на разрешение судебных инстанций поступило 3726 исков на сумму 10 487 540 930 руб., то в 2020 г. их количество увеличилось вдвое и достигло показателя 7279 на сумму 109 138 829 317 руб. Отметим, что в 2019 г. удовлетворено полностью около 51% исков с присуждением в счёт возмещения вреда, включая моральный, на сумму 181 044 943 руб., в то время как по удовлетворённым 79% искам в 2020 г. к возмещению присуждено лишь 406 102 173 руб.¹ При этом количество удовлетворённых исков в процентном отношении увеличивается, а судебное усмотрение к размерам их возмещения имеет тенденцию к сокращению. Причинение вреда при осуществлении государственных функций – особо чувствительная в разрезе требований принципов справедливости и равенства всех субъектов перед законом и судом сфера, в силу обусловленности деликта воздействием государственного принуждения и обязанно-

¹ Данные судебной статистики / Судебный департамент [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 11.02.2024)

сти для участников гражданского оборота властных предписаний должностных лиц государства. В целом, как подчеркивает Т.В. Летуа, российское законодательство обеспечивает равенство субъектов частного права в деликтах с участием государства [2, с. 78].

Надлежащим ответчиком при требовании о взыскании убытков, причинённых гражданину или юридическому лицу в результате незаконного действия (бездействия) государственных органов, их должностных лиц, является Российская Федерация. Источником возмещения вреда выступает государственная казна соответствующего уровня. Аналогично обстоит дело и с органами муниципальной власти: возмещение вреда осуществляется за счёт казны соответствующего муниципального образования. Согласно ст. 1081 ГК РФ, публичным субъектам правоотношений в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и 1070 ГК РФ, предоставлено право обратиться в суд с регрессными требованиями к лицу, в связи с незаконным действием (бездействием) которого произведено возмещение вреда.

Обращает на себя внимание неоднозначный подход судебных органов к определению надлежащего истца по данной категории дел. Так, прекращая производство по делу, суд мотивировал своё решение тем, что ФССП России (регрессант) может выступать от имени Российской Федерации как орган государственной власти при наделении его такой компетенцией соответствующими нормативными правовыми актами. Однако ни ГК РФ, ни иные правовые акты не закрепляют за ФССП России и её территориальными органами права регресса к лицу (сотруднику УФССП), в связи с незаконными действиями которого произведено возмещение вреда.

При этом, как отмечает И.Н. Пустовалова, законодательно установленный механизм ответственности должностных лиц органов публичной власти за причинённый вред не способствует повышению личной ответственности служащих за принимаемые ими решения и в настоящее время требует своего совершенствования. Непосредственной ответственности перед потерпевшими чиновники не несут. Органы публичной власти своим правом регрессивного пользования не во всех случаях [4, с. 41].

Ответственность государственных органов при усеченном составе деликта. Дуалистический подход современного законодательства к компенсации вреда государством, предполагающий в одних случаях возмещение вреда государством при наличии всех условий ответственности, а в других – возмещение вреда государством при усеченном составе (отсутствие вины), обеспечивает повышенный уровень защиты при высокой степени воздействия мер государственного принуждения в момент совершения деликта и тяжести последствий. Данный подход признается оптимальным, однако компенсация вреда, причиненного при отправлении правосудия, требует своего пересмотра и дальнейшего развития на основании правил, действующих в отношении иных государственных органов при усеченном составе деликта:

– в развитии учения о вине государства как особой категории, не сводимой к единому знаменателю с понятием вины физического лица и не отождествляемой с противоправностью деятельности соответствующих субъектов;

– во внедрении в гражданское законодательство «официального извинения» как меры ответственности, способствующей восстановлению неимущественных прав потерпевших во всех видах деликтов, а не только в случаях реабилитации лица в рамках уголовно-процессуального законодательства;

– в максимально широком толковании понятия незаконности деяний должностных лиц государственных и муниципальных органов, по сути охватывающем понятие «неправомерность деяний», и включающем нарушения не только нормативно закрепленных положений, но и правил, фиксируемых в иных источниках права» [2, с. 88].

Равенство государства и участников гражданско-правового оборота требует сохранения механизма, обеспечивающего защиту государства от недобросовестных субъектов путем недопустимости сокращения перечня условий деликтной ответственности в ст. 1069 ГК РФ, сохранения применительно к общим правилам о деликтной ответственности государства полного состава специального деликта [2, с. 89].

Регулирование деликтной ответственности в английском праве. Английское законодательство, как отмечает Д. Бэлл, не использует понятие «вина» в общем смысле в качестве критерия де-

ликтной ответственности; как правило, используются следующие формы вины: намерение, неосторожность и небрежность. При этом дефиниции вины в английском законодательстве весьма разноречивы. Только незначительная часть английских ученых трактуют вину как субъективное состояние, характеризующееся волевыми и интеллектуальными элементами. При этом ряд ученых пишет о способности сознавать, о сознании и желании, другие – о порицаемом психическом состоянии и о «любом» психическом состоянии и т.д., при этом используются термины «намерение», «злой умысел», «небрежность» и другие дефиниции вины. Вместе с тем, как подчеркивает Дж. Белл, это не означает, что английское законодательство не признает вину в деликте волевым состоянием лица, совершающего правонарушение [5, p. 534].

В научных трудах по английскому праву многие теоретики-цивилисты считают, что деликтное право связано с возмещением вреда, а некоторые определяют правонарушения просто как нарушение прав. Другие считают, что ответственность наступает в любом случае за результаты действий человека, даже если никакие права не нарушены. Обязательства по причинению вреда могут возникать как в связи с нарушением прав, так и в связи с наступлением событий, за которые лицо несет ответственность. Поскольку причины, по которым люди несут ответственность за результаты, по существу являются нематериальными [5, p. 535]. Поэтому Д. Белл обращает внимание на то, что «типичный подход английского права состоит в том, чтобы отказаться от универсально применимой теории деликтной ответственности, а вместо этого искать плюралистический подход к обоснованию деликтного права» [5, p. 540].

Заключение

Зачастую обязательства по причинению вреда при их реализации вызывают ряд правовых проблем, в числе которых первостепенная – определение размера компенсации потерпевшему. И в первую очередь это касается реального вреда. Не менее серьезным вопросом, обсуждаемым учеными, является проблема временной продолжительности исполнения деликтного обязательства, а также определения суммы морального вреда. Кроме того, требует пере-

смотра и дальнейшего развития институт компенсации вреда, причиненного при отправлении правосудия. В цивилистической литературе также поднимаются проблемы определения дееспособности детей при совершении ими действий, наносящих вред в интернет-сфере.

Список литературы

1. Агибалова, Е. Н. Деликтные обязательства : учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 112 с.
2. Летута Т.В. Деликтная ответственность государства / отв. ред. В.В. Долинская. – Оренбург: Оренбург. гос. ун-т, 2023. – 100 с.
3. Пилецкий Н. И. Сущность специального деликта в современном российском праве // Молодой ученый. – 2022. – № 11 (406). – С. 131–133. – URL: <https://moluch.ru/archive/406/89531/> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Пустовалова И.Н. Деликтная ответственность: вопросы правоприменения // Вестник Моск. междунар. юрид. ин-та. – М., 2021. – № 2 (77). – С. 35–44.
5. Bell J. Tort law and the moral law: Anglo-French divergences // The Cambridge Law Journal. – 2021. – Vol. 80. – P. 533–560. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/cambridge-law-journal/article/abs/tort-law-and-the-moral-law-anglo-french-divergences/F7581D9013ABD3840F45F66AC29272A0> (дата обращения: 11.02.2024).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО**
2024 – № 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.Г. Валикова

Подписано к печати 14.05.2024

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 14,25	Уч.-изд. л. 9,9
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У